

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА
(МАТЕРИАЛЫ К АТЛАСУ КОЧЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)

ЕКАТЕРИНБУРГ, 2016

УДК 397:74.01/.09
ББК 63.521 (=667)+87.852
Г61

Г61 Головнёв А. В., Гарин Н. П., Куканов Д. А. Оленеводы Ямала (материалы к Атласу кочевых технологий). — Екатеринбург: УрО РАН, 2016. — 152 с.

ISBN 978-5-7691-2472-3

Книга-альбом представляет кочевые технологии оленеводов Ямала в их сложности и многомерности — от пространственно-временного дизайна кочевий на просторах тундры до особых качеств оленьего меха. Авторы создают композицию северного этнодизайна, сочетающего традиции кочевников Арктики и новейшие методы визуальной записи (аэросъемка, трек-навигация, трехмерное моделирование). Визуальные композиции сопровождаются текстовыми эссе, в которых обосновываются и иллюстрируются концепты (принципы) кочевых технологий: слитное пространство-время, кочевой трансформер, техноанимация, эффект движения, вещный минимализм, мобильный модуль, северная эстетика. Визуально-текстовое повествование охватывает не только исконные традиции, но и новшества техники, навигации и коммуникации, воспринимаемые и на свой лад используемые тундровыми кочевниками. Уделено внимание и экстраемальным ситуациям высокого риска (ледовый наст зимы 2013/2014 г., вспышка сибирской язвы 2016 г.), в которых приходится маневрировать современным оленеводам Ямала.

Golovnev A. V., Garin N. P., Kukanov D. A. Reindeer Herders of Yamal (research materials for the Atlas of Nomadic Technologies). — Ekaterinburg: UrO RAN, 2016. — 152 p.

ISBN 978-5-7691-2472-3

This illustrated volume presents nomadic technologies of reindeer herders from Yamal Peninsula, in their multidimensional complexity: from the space-time design of mobile settlements on the open tundra to special qualities of reindeer fur that altogether enable and facilitate mobility in the extreme environment of the Arctic. The authors set up an exciting framework of Arctic/Northern ethnodesign based on traditions of tundra nomads and represented through advanced means of visual recording, i. e. UAV mapping, GPS-tracking and 3D modeling. Abundant visuals complemented by explanatory essays provide new deep insight into the basic concepts and principles of nomadic technologies, such as: continuous space-timeness, nomadic transformer, techno-animation, movement effect, material austerity, mobile module, northern/arctic aesthetics. The visual-textual narrative encompasses both native traditions and multiple technological innovations in transport, communication and navigation wisely appropriated today by arctic nomads. Also particular attention is devoted to recent extreme events in Yamal, such as the massive ice crust in winter 2013/2014 and the anthrax outbreak in summer 2016, that required special efforts of local herders needed for coping with the changing living circumstances.

Рецензенты:
д.и.н. Д. А. Функ
к.и.н. Е. В. Перевалова

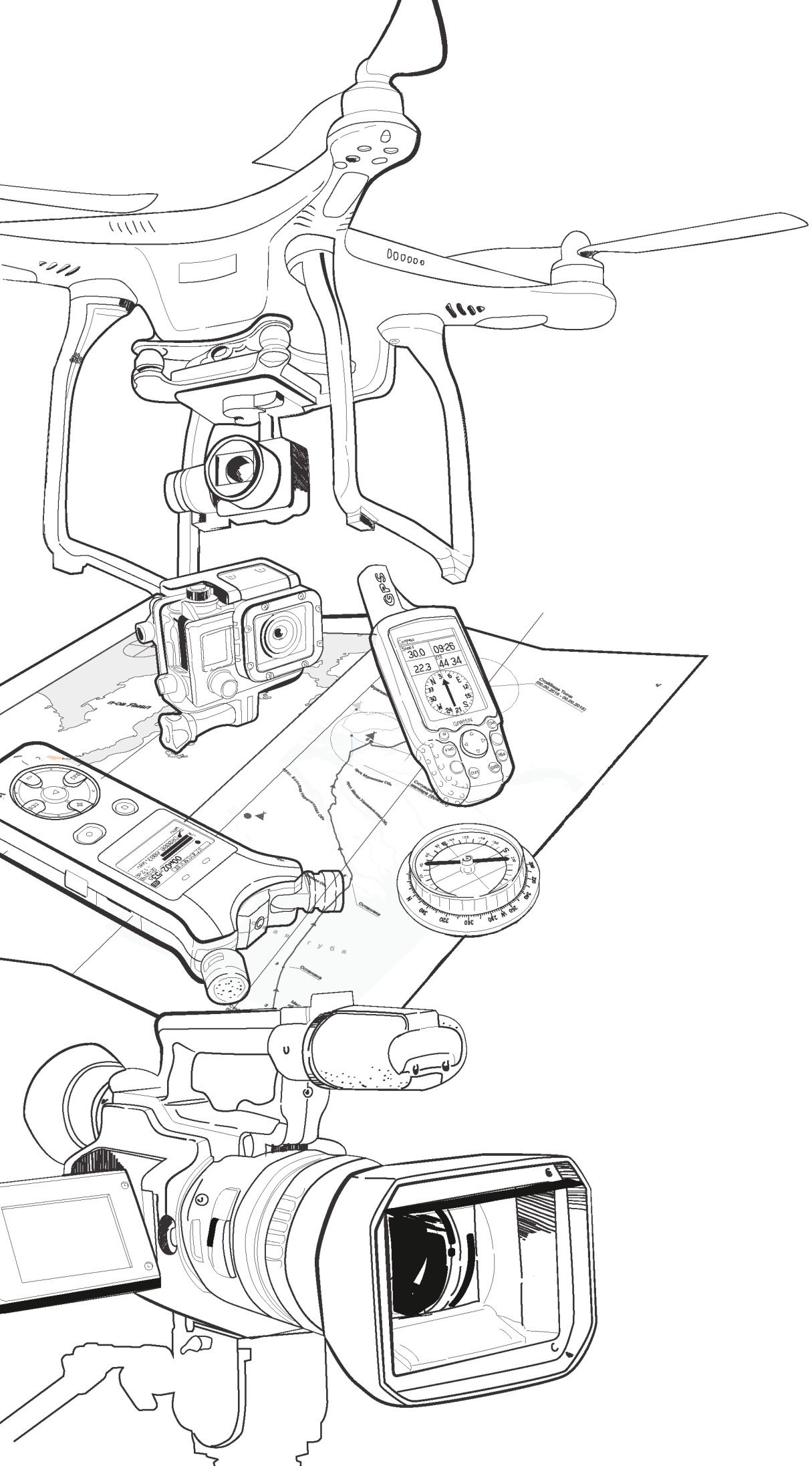
Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (№ 14-18-01882)

ISBN 978-5-7691-2472-3

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: РАКУРСЫ ЭТНОДИЗАЙНА	5
ТУНДРОВЫЕ КОЧЕВЬЯ	11
Ямал в пространстве Арктики	12
Ненцы-олeneводы	14
Система оленеводства	18
Промышленное освоение	20
Сеть маршрутов	22
Ритмограмма кочевий	24
Переправа через Обскую губу	28
«Морская кочевка» с Токчей	30
Кочевой маневр Майко	34
«Лепестковый дизайн» выпаса	38
КОЧЕВОЙ ТРАНСФОРМЕР	43
Кочевье — стойбище	44
Мобильный модуль	52
Оптимальное стадо	58
Гендерные ритмы и треки	62
НАРТА	67
Многообразие	68
Техноанимация	70
Эффект движения	72
Изготовление нарты	74
Ќэдалёсь	78
Не-хан	80
Вандако	82
Сябу	84
Ќуто	86
Ларь-хан	88
Хэхэ-хан	90
ЧУМ	93
Кочующий очаг	94
Конструкция	98
Сборка	102
Теплообмен	106
Техноанимация	110
Вещеоборот	112
ОДЕЖДА	117
Свойства оленьего меха	118
Многошкурность и многослойность	122
Магия женской сумки	126
Ягушка	130
Малица	134
Люлька и парка	138
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: БЕДСТВИЯ И ИСПЫТАНИЯ	143
Литература	150

ВВЕДЕНИЕ:
РАКУРСЫ ЭТНОДИЗАЙНА

РАКУРСЫ ЭТНОДИЗАЙНА

Эта книга — изыскания в малоизведанной области этнодизайна, под которым мы понимаем изучение технологий, разработанных в культурах разных народов, и их актуализацию для современности. От обычного дизайна он отличается поиском особой этнокультурной эстетики (в данном случае кочевников Севера), которая построена на органичности и мобильности их образа жизни и вещного мира. На фоне привычной этнографии (этнологии, антропологии) этот подход выделяется гиперпрактичностью: мы в деталях познаем не только традиционные практики, но и их применимость в инновационных проектах. Иначе говоря, мы учимся у прошлого ради будущего.

На страницах книги — кочевники Арктики, ненцы-оленоводы, известные успехами в сохранении традиций и восприятии инноваций. Если пытаться проникнуть в философию и технологию кочевания, то лучших наставников, чем ненцы, отыскать трудно. Они — классические (абсолютные) номады, поскольку не просто сезонно перегоняют на большие расстояния свои стада оленей, а движутся вместе с ними круглый год и всю жизнь. Их предки пережили войны, миграции, политические бури, не утратив основ своей самобытности и независимости — кочевания, оленеводства и традиционной религии. В советское время они сохранили эту самобытность, несмотря на настойчивые попытки властей перевести их на оседлость ради удобства управления (часть ненцев осела в поселках и городах, но осталось и многочисленное тундровое кочевое сообщество). Сегодня искушение оседлостью для ненцев исходит во многом от нефтегазовых компаний, которые ведут в тундровых поселках так называемое компенсационное строительство, предлагая кочевникам сменить тундровые странствия на удобства оседлой жизни. В какой-то мере к этому же — переходу на оседлость — располагает и глобализация с ее высокими технологиями и комфортом «виртуального кочевания, не выходя из дома». Однако ненцы до сих пор обнаруживают стойкую приверженность своей культуре, прежде всего традиции кочевания. Тем самым мы имеем дело не с рудиментом первобытности, чудом уцелевшим на окраине земли, а с устойчивым феноменом, испытавшим атаки и соблазны цивилизации, но сохранившим свои

конкурентные преимущества (по крайней мере для самих кочевников).

Ненцы со своей стороны видят слабости оседлой жизни, как и стратегий промышленного освоения Арктики, в неуклюжести, тяжеловесности и чужеродности привносимых технологий. Экология тундры, которую впитала в себя ненецкая культура, настроена на мобильность, сменяемость и маневренность — так ведет себя сама арктическая природа. Она разными способами отторгает тяжелые статичные конструкции, отзываясь на них омертвлением ландшафта, вспучиванием или протаиванием вечной мерзлоты, эрозией почвы и болезненными «свищами» (вроде зловещих воронок по соседству с пром-базами). Природа Арктики настоятельно рекомендует современной цивилизации учиться у кочевников легкости и маневренности, основывать стратегии своего присутствия на автономных мобильных модулях (каковыми являются кочевья) и других технологиях номадизма.

Мы не видим грани между фундаментальными и прикладными исследованиями. В нашем случае эти направления (или качества) сочетаются, дополняют и стимулируют друг друга. Поэтому, наверное, представленные материалы в чем-то напоминают «руководство по кочеванию». Все наши концептуальные решения и теории взяты из реальной жизни как обозначения наиболее значимых свойств, общих мест, точек пересечения, связей всего того, что можно отнести к практикам и реалиям северного номадизма. К числу таких концептов (или принципов) относятся: слитное пространство-время, кочевой трансформер, техноанимация, эффект движения, вещный минимализм, мобильный модуль, северная эстетика.

Слитное пространство-время — основное измерение номадизма. В отличие от оседлой картины мира, где пространство и время существуют и воспринимаются раздельно, в ментальности кочевника они не расчленены. В этой слитности образуется особый ритм пространства-времени. Для кочевника время движется (кочует) по пространству: например, у апреля и июля есть свои пространственные отметки; и наоборот, пространство не существует вне времени, вернее, меняется

по ходу времени. У каждой вещи есть не только размеры и местоположение в пространстве, но и свое время — изготовления, использования, участия в кочевье. У вещи есть своя «ритмограмма активности», показывающая ее востребованность и участие в повседневной жизни, в том числе в кочевье. Замер участия вещи в кочевье особенно значим для изучения номадизма. Контроль над пространством-временем (в том числе социальным пространством-временем) оказывается мотивом и искусством кочевника.

Кочевой трансформер — цикл изменчивости кочевья в различных ритмах и измерениях, в состояниях динамики и статики. Самый очевидный пример — превращение стойбища в кочевье и наоборот. В более широком диапазоне это все региональное сообщество кочевников, меняющее сезонно свою конфигурацию (зимой это скопление на лесотундровых зимних стойбищах, летом — россыпь стойбищ на летних стойбищах и рыбогодоях, весной и осенью — цепь кочующих аргишей). Летний караван, сменяя нарты и вещи, превращается в зимний караван. Стадо оленей — тоже своего рода трансформер, поскольку оно периодически убывает и прибывает, превращается в материальный и технологический мир кочевья. Важное качество трансформера состоит в том, что он действует в органичной привязке к ландшафту и режиму кочевого движения. Существенно и то, что механизм и последовательность регулярных перемен заложены в ментальности кочевников и представляются им «рутиной повседневности».

Техноанимация — выраженное в материальной культуре кочевников стремление придать изготавливаемой вещи свойства живого организма. Этот принцип можно считать ключевым в этнодизайне ненцев (как и других народов Северной Евразии, которым в древности был присущ «скелетный» или «рентгеновский» стиль в искусстве). При прорисовке нарт мы заметили, что некоторые их узлы (например, копылья) похожи на ребра скелета. Крепёжные конструкции образуют специфические узлы напряжения, рассчитанные так, чтобы внешние воздействия не производили эффекта «лобового удара», а усиливали их прочность и упругость. Чум тоже обладает некоторыми

чертами живого организма: его остов выполняет опорно-центрирующие функции скелета (и мы используем скелетно-рентгеновский стиль для показа этих особенностей); он «толстеет» (по числу шестов и размерам нюков), когда семья разрастается и богатеет, и «худеет», когда семья уменьшается и бедствует.

Эффект движения в антропологии сопоставим с правилом динамического равновесия в физике и экологии, причем баланс кочевья как целостной композиции достигается именно в условиях сложной динамики. Кочевое общество устойчиво в движении. Стоит кочевнику остановиться, он тяжелеет мыслями и телом, теряет свои конкурентные преимущества. В древности конкуренция кочевников, иногда приобретающая облик войн, выражалась в тоне повышенной мобильности (мобилизации). Кочевые технологии в полной мере проявляют свои достоинства именно в состоянии динамики, уступая первенство иным технологиям в состоянии статики. Существует и обратная зависимость: технологии, удобные для статики (например, оседлости), не всегда эффективны в динамике (кочевье). Кочевые технологии основаны на движении, которое придает жизненным стратегиям людей и функциям вещей особые качества, нереализуемые в состоянии покоя и статики. Например, достоинства каравана (аргиша) или конструкции нарты обнаруживаются только в условиях кочевья.

Вещный минимализм состоит в том, что кочевник возит с собой только те вещи, которые обеспечивают контроль над пространством и движущимся по тундре стадом. Все остальное он производит и получает по ходу и на ходу. Дело не только в том, что в караване (и тем более в легкой нарте) не должно быть ничего лишнего ввиду естественных лимитов тягловой силы оленя, крепости нарты, твердости почвы, но и в своеобразии связи инструмент-ресурс: в кочевых технологиях эффективность инструмента достигается за счет пространственного маневра. Например, манипуляция разного рода «веревками» (от аркана до подвязок) позволяет контролировать стадо, «сматывать и разматывать» кочевье. Набором «веревочек» кочевник, как сеть, охватывает и обуздывает пространство с его ресурсами.

Динамика дает возможность осваивать максимум ресурсов минимумом инструментов, более того, регулировать потребление усилением и ослаблением этой «узды». Мобильность вещей предполагает их ситуативную и функциональную сменность: например, зимние нарты плохо идут по весенним проталинам, и если оленевод вовремя не сменит их на летние, он рискует не дойти до летних пастбищ.

Мобильный модуль — одна из особенностей кочевого поведения, организации людей и вещей в пространстве-времени. Основным таким модулем выступает семейный аргиш (*мюд*), в чем-то сопоставимый с организмом, поскольку обладает автономией в движении и жизнеобеспечении. Качества модуля есть и у чума (*мя*), так как в нем (в фазе статики, на стойбище) тоже сочетаются свойства элементарной автономной целостности. В одних измерениях семейный аргиш и семейный чум совпадают, в иных различаются. Отдельными характеристиками мобильного модуля обладают индивидуальные аргиши, отдельные нарты (например, мужская с набором нужных инструментов и женская с оборудованием для перевозки детей). Принцип автономной мобильности свойствен многим кочевым конструкциям и комбинациям, от увязки нарт до оснащения женского швейного мешка.

Северная эстетика — представления о красоте и пользе, имеющие не созерцательное, а деятельностное выражение. В мобильной культуре движение создает особый ритм и характер взаимосвязи (нерасчлененности) человека и окружающего мира. У северных кочевников красиво и практично — одно и то же. Их привлекает действие, а не созерцание. Любование оленями сочетается с наблюдением за стадом, его управлением, а также с «оленьим мышлением», азартной «игрой в оленей» (с детства) и многосторонней практикой использования и утилизации оленя. Эстетика у северных кочевников (как их религия и мифология) метафорична и образна, но практична и рациональна.

В своем исследовании мы используем оригинальный авторский метод антропологии движения, условно называемый КПД (карта–путь–действие; ТМА — tracking–mapping–acting). Находясь в стадии разработки, он уже сейчас открывает новые возможности в изучении и представлении номадизма и его технологий.

Запись кочевого движения ведется в трех измерениях: (а) GPS-трек человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года/сезона; (в) видеоряд движений/действий. Новшество состоит в применении современных инструментов в сфере, где прежде довлело текстовое описание. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Это своего рода анимация деятельностного пространства, где та или иная практика выглядит как последовательность действий, персонифицированных конкретным человеком (Головнёв 2014).

Трек дневного пути на карте дополняется характеристиками (1) основного занятия в течение дня, (2) ритма и эпизодов действия, в том числе пауз, (3) снаряжения и инструментария, (4) взаимодействия с партнерами, (5) исполнения задач и самостоятельных решений, (6) местности, (7) погоды. Действия фиксируются фото- и видеорядом, при этом желательно визуальное отображение всех эпизодов, хотя мера полноты записи определяется ситуативно. В идеальном варианте синхронная запись треков всех обитателей стойбища дает полную картину движения/деятельности кочевой группы, по которой можно определить общий ритм и напряженные эпизоды деятельности, узлы коммуникации и роли лидеров. Впрочем, абсолютно полная картина кочевья/стойбища предполагает также запись треков животных (олений, собак), вещей, а также соседних кочевых групп. Этот абсолют труднодостижим и даже избыточен, поэтому целесообразна запись отдельных треков и их сопоставительно-обобщающий анализ. Важна запись «типичных» треков кочевого сообщества — мужчин и женщин, взрослых и детей, исполнителей разных функций.

Картографирование представляет систему движения в разных масштабах, от схемы годичных миграций (общий план) до карт сезонных перекочевок (средний план) и топографии отдельных стоянок, стойбищ, пастбищ (крупный план). Общий план показывает, помимо маршрута, контакты кочевников с полуседлым промысловым и оседлым поселковым населением. Выявление особенностей мобильности разных групп и характера их контактов (кооперации, конкуренции, коалиции по отношению к внешним агентам) необходимо для понимания стратегии и мотивации мобильности.

Стойбищное пространство предполагает совмещение методов этнографии и дизайна,

поскольку является средоточием вещей и сгустком коммуникации. При минимализме материальной культуры кочевников особое значение имеет трансформность вещей, их распределение в пространстве-времени и режим их использования. В кочевом обществе у вещей есть свой распорядок движения, и их циркуляция в хронотопе представляет самостоятельный интерес. Соотношение движения вещей и людей показывает, как снаряжение и оборудование обеспечивает кочевье, мобильность и жизнедеятельность в целом.

Некоторые конкретные методики нашего исследования до сих пор остаются экспериментальными и порождают скорее головоломки, чем удобные решения. Например, задавшись целью записать ритмы (ритмограммы) действий человека в течение дня и года, а также ритмограммы «активности вещей» (вещеграммы), мы столкнулись с тем, что эти записи в их детализации, включая многочисленные изображения, слишком тяжеловесны, и для их показа нужны целые рулоны бумаги или длинные видеоряды. Кроме того, формализация многих действий кочевников осложнена их динамичным контекстом и целой паутиной перекрестных связей. Иначе говоря, значимым оказывается не отдельное действие, а комбинации возобновляемых и взаимосвязанных действий. Выявляемая в этом измерении ритмограмма выглядит сложной матрицей движения, адекватная запись которой остается пока нерешенной задачей.

Этнографическое исследование мобильности включает не только непосредственное полевое наблюдение с применением специальных методик записи, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов-решений-действий. Этот алгоритм согласуется с ментальной картой кочевников, схемой их передвижений и действий в пространстве-времени. Для постижения кочевого движения этнографу и дизайнеру недостаточно наблюдать, а необходимо сопереживать состоянию движения, особенно в его критических эпизодах.

В эмпирических (в том числе полевых) исследованиях мы убедились, что технологии номадизма следует рассматривать в разных масштабах — от обширных тундровых пространств до микроструктур оленьего волоса. Эти макро- и микротехнологии пересекаются и связываются в кочевой традиции. Именно переход на предельно крупный план при рассмотрении того или иного элемента кочевья

нередко открывает в нем неожиданные свойства. Тем более что в экстремальной Арктике «неожиданно важными» в решающий момент могут оказаться как раз микро-детали.

Мы надеемся, что у нас получается стык наук и методов, который обобщенно называется этнодизайном. Изучение технологий кочевания — шаг на пути обновления инструментария как этнологии, так и дизайна. Этнограф ищет смыслы и связи в людях, дизайнер — пользу и эстетику в вещах. Когда они живут на одном стойбище и выполняют одну работу (как в нашем случае), каждый видит окружающий мир по-своему, а в их диалоге рождаются неожиданные вопросы и решения.

Обычно под этнодизайном подразумевается экзотика, позволяющая развлечь усталого горожанина, в основном за счет декоративно-прикладных изысков. Мы, напротив, полагаем, что суть этнодизайна — «глубокое осмысление культурного наследия коренного населения как базовой основы проектной деятельности» (Гарин 2009:59) на уровне ключевых технологий, регулирующих баланс динамики и статики в жизни человека.

В проектных полевых исследованиях на Ямале приняли участие, помимо авторов, Е. В. Перевалова, А. С. Рогова, С. Г. Усенюк, И. В. Абрамов, А. Е. Курлаев, А. Ю. Патрушев, наблюдения которых существенно пополнили используемую нами базу данных. Подготовку изобразительных материалов к публикации осуществляли Ю. С. Конькова, И. А. Новоселова, А. С. Рогова, Н. В. Ключов, М. А. Бангерт. В книге опубликованы фотографии А. В. Головнёва, Д. А. Куканова, Е. В. Переваловой, А. Е. Курлаева, А. С. Роговой.

Особой благодарности заслуживают ямальские оленеводы, кочевья и стойбища которых стали нашей совместной научно-исследовательской лабораторией: Майко и Едэйне Сэротэтто, Сергей и Александр Сэротэтто, Иван (Токча) и Андрей Худи, Нядма и Юрий Худи, Ёртя, Андрей и Алексей Сэротэтто, Михаил Тибичи и другие кочевники Ямала. За поддержку экспедиционных работ выражаем признательность главе администрации Ямальского района А. Н. Кугаевскому, зам. главы администрации Ю. М. Худи, директору МОП «Ярсалинское» А. С. Сэротэтто, советнику главы администрации Х. М. Езынги, главному специалисту управления природно-ресурсного регулирования М. С. Ладукану, начальнику управления по делам КМНС С. С. Вануйто, руководителю общественного движения «Ямал» Г. А. Матарца.

ТУНДРОВЫЕ КОЧЕВЬЯ

Ямал в пространстве Арктики

Ненцы-оленоводы

Система оленеводства

Промышленное освоение

Сеть маршрутов

Ритмограмма кочевий

Переправа через Обскую губу

«Морская кочевка» с Токчей

Кочевой маневр Майко

«Лепестковый дизайн» выпаса

ЯМАЛ В ПРОСТРАНСТВЕ АРКТИКИ

Арктика — акватория Северного Ледовитого океана и прилегающая территория Евразии и Америки с островами, площадью свыше 40 млн км² (около 8% поверхности Земли). Границей Арктики обычно считается Северный Полярный круг (66° 33' с. ш.), однако в ряде случаев ее соотносят с тундрой или областью вечной мерзлоты. Население Арктики составляет около 4 млн человек, половина которых живет в России (АНДР 2004:18).

Человек пришел в Арктику в каменном веке, около 30 тысяч лет назад, первоначально по путям, свободным от ледников и приледниковых морей — вдоль хребта Урала (Мамонтовая курья, 35–28 тыс. л. н.) и по долине Лены (Янская стоянка, ок. 28 тыс. л. н.). В голоцене (12–10 тыс. л. н.) люди широко расселились по циркумполярному поясу от Скандинавии до Америки. Археологи

и палеоэкологи отмечают «высокоскоростные миграции», свойственные древнейшим колонизаторам высоких широт (Первоначальное заселение Арктики 2014:20). И позднее все культуры Севера обладали высокой адаптивностью и подвижностью, унаследованной от предков — охотников-мигрантов каменного века.

В общеисторическом контексте циркумполярный мир принято рассматривать как окраину ойкумены, населенную горсткой «малых народов», уцелевших в многовековой борьбе с жестокой природой. Этот «уменьшительно-ласкательный» взгляд на коренных северян имеет мало общего с праисторической и исторической реальностью, созданной на просторах Арктики народами индоевропейской, уральской, алтайской, палеоазиатской и эско-алеутской языковых семей. В разное время здесь доминировали магистральные

Рис. 1. Ямал: циркумполярный ракурс

Рис. 2. Районы Ямало-Ненецкого автономного округа

культуры норманнов, русских поморов, коми-зырян, ненцев, якутов, эскимосов-туле, объединявшие огромные территории сетью миграционных, торговых и военно-политических связей. На Севере рождались и развивались культуры больших пространств, а не малых народов. Северяне разных эпох были обладателями на порядок большего пространства «на душу населения», чем их южные современники. И сегодня освоение Севера предполагает высокий потенциал движения.

Ямал с ненецкого означает «край земли». У этого названия несколько измерений: на географических картах оно обозначает полуостров, а расширительно распространяется на весь Ямало-Ненецкий автономный округ. Ненцы-кочевники называют так самую северную часть полуострова (где кочует ненецкий род Ямал), сакральным центром которой является святилище *Сив мя* (Семь чумов), посвященное богине *Ямал-хада* (старухе Края Земли). Подобная «растяжимость» характерна для ментальной карты кочевников, обладающей свойством трансфокации — представления объекта в различных приближениях.

С древности Ямал был перекрестком двух магистралей — широтной (по тундре и Арктике) и меридиональной (по тайге и Оби). Первая послужила коммуникационной основой формирования ненцев, вторая — хантов; в устье Оби эти магистрали пересекались, как

показывает существовавшая на рубеже эр археологическая культура Усть-Полуй. Позднее по этим магистралям прошли два потока русской колонизации, новгородский (поморский) и московский, пересекшиеся в устье Оби, где встал острог Обдорск. Сюда же на исходе средневековья стремились охваченные колониальной лихорадкой европейцы, искавшие арктический северо-восточный морской ход в Индию и Китай. Российское управление кочевниками-самоедами, состоявшее по большей части в сборе ясака, осуществлялось из Обдорска.

В советскую эпоху Обдорск, переименованный в Салехард (1933 г.), стал центром Ямальского (Ненецкого) национального округа — одного из трех северных округов СССР, для которых ненцы выступали титульным народом. Сегодня Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), расположенный в центре евразийской Арктики (площадь в 769 250 км²), занимает ключевую позицию в циркумполярной коммуникации. Современными драйверами развития Ямала служат: проекты промышленной разработки ресурсов, прежде всего углеводородных, и геостратегия обновленного освоения Российской Арктики, включая навигацию и коммуникацию по Северному морскому пути (не в последнюю очередь ввиду глобального потепления и ослабления ледовитости Карского и других арктических морей).

НЕНЦЫ-ОЛЕНЕВОДЫ

Ненцы (в прошлом *самоеды*) — самый крупный из коренных малочисленных народов Севера России. Они широко расселены по тундрам Евразии от Белого моря до Таймыра. Динамика численности последних лет показывает их устойчивый демографический рост, со среднегодовым приростом в 1 %: в 1989 г. их было 34 190, в 2002 — 41 302, в 2010 — 44 640. Больше половины ненцев живет ныне в Ямало-Ненецком автономном округе — 29 772; из них около 10 тыс. — в Ямальском районе (на п-ове Ямал). Примерно 40 % ямальских ненцев занимаются оленеводством и ведут кочевой образ жизни.

Ненцы — исконные обитатели Арктики, и их культура вобрала в себя технологии многокочевой адаптации к условиям тундры. Популярная в прошлом версия о недавнем приходе ненцев на север с Алтая и Саян лишена сколько-нибудь серьезных научных оснований (см. подробнее: Головнёв 2004). Предки ненцев действительно пришли на север с юга, но случилось это не в средние века (как полагают сторонники южносибирской гипотезы происхождения ненцев) и даже не в эпоху бронзы, а в палеолите, когда шло первоначальное заселение человеком Арктики. Южносибирская гипотеза породила археологический парадокс: на юге древнененецких памятников не обнаружено, а те, что открыты на севере, приписываются не ненцам. Самый крупный из коренных народов Российской Арктики остался без археологии, что, впрочем, долгие годы не смущало исследователей. Лишь недавно, благодаря раскопкам на Ямале и критическому анализу южносибирской концепции, появилась возможность проследить этапы развития древнененецкой культуры на Уральском Севере (Головнёв 1998; Фёдорова 2000).

Эта позиция важна для понимания ненецкого оленеводства и кочевой традиции: в южносибирской версии ненцы-оленевоеды оказываются переносчиками степного опыта в тундру, а не создателями арктических технологий; северная версия, напротив, предполагает самостоятельное становление ненецкого оленеводства и развитие кочевых технологий в Арктике. Гипотеза северного происхождения ненецкого оленеводства допускает автономное формирование скандинавского, саяно-алтайского и чукотского очагов оленеводства. Аргументами автохтонного арктического

происхождения ненецкой кочевой традиции служат не только археологические находки деталей упряжи на Усть-Полуе, Ярте и Тиутей-Сале, но и этнографические свидетельства самобытной и уникальной культуры оленеводства и номуадизма, включая технологии выпаса, кочевания, разведения и дрессуры оленей и оленегонных собак (отдельной породы ненецкой лайки), изготовления и использования мобильных средств передвижения, жилищ, одежды, пищи и т. д. Эта обширная и целостная система адаптации и жизнедеятельности не привнесена извне недавними мигрантами, а сложилась на местной основе в течение многих поколений.

Ненецкая кочевая мобильность является прямой проекцией природной динамики Арктики с ее стремительными приливами и отливами жизни. Тундровый биоценоз отличается от таежного резкими сезонными колебаниями и значительными пространственными перемещениями; в этом смысле время в тундре не течет на одном месте, а будто мигрирует по пространству и преобразует его. Тем самым слитность пространства-времени, характерная для культуры тундровых кочевников, заимствована у природы. В тайге существуют сложные и устойчивые ценозные цепи, в которые встраивается человек, и промысловая культура хантов настроена на освоение ресурсов локальной природной ниши в ритме состояний разных видов рыб, зверей, птиц, растений. В тундре с ее бурными сезонными приливами и отливами жизни возможно либо эпизодическое потребление мигрирующих биоресурсов, либо следование за ними. Ненецкое оленеводство представляет собой вариант адаптации культуры человека к натуре оленя, сложение симбиоза-в-движении.

История ненецкого оленеводства прошла несколько этапов, включавших различные по технологиям варианты взаимодействия человека и оленя, в результате которого тундровый человек оказался не менее «оболенен», чем олень — одомашнен. Ненецкая культура — изначально олененная, начиная с тех времен, когда предки ненцев охотились на дикого оленя в тундре и тайге Северного Урала. Здесь и возник очаг ненецкого оленеводства, существовавший наряду с другими центрами евразийского оленеводства (саянским, скандинавским, чукотским). Самые ранние

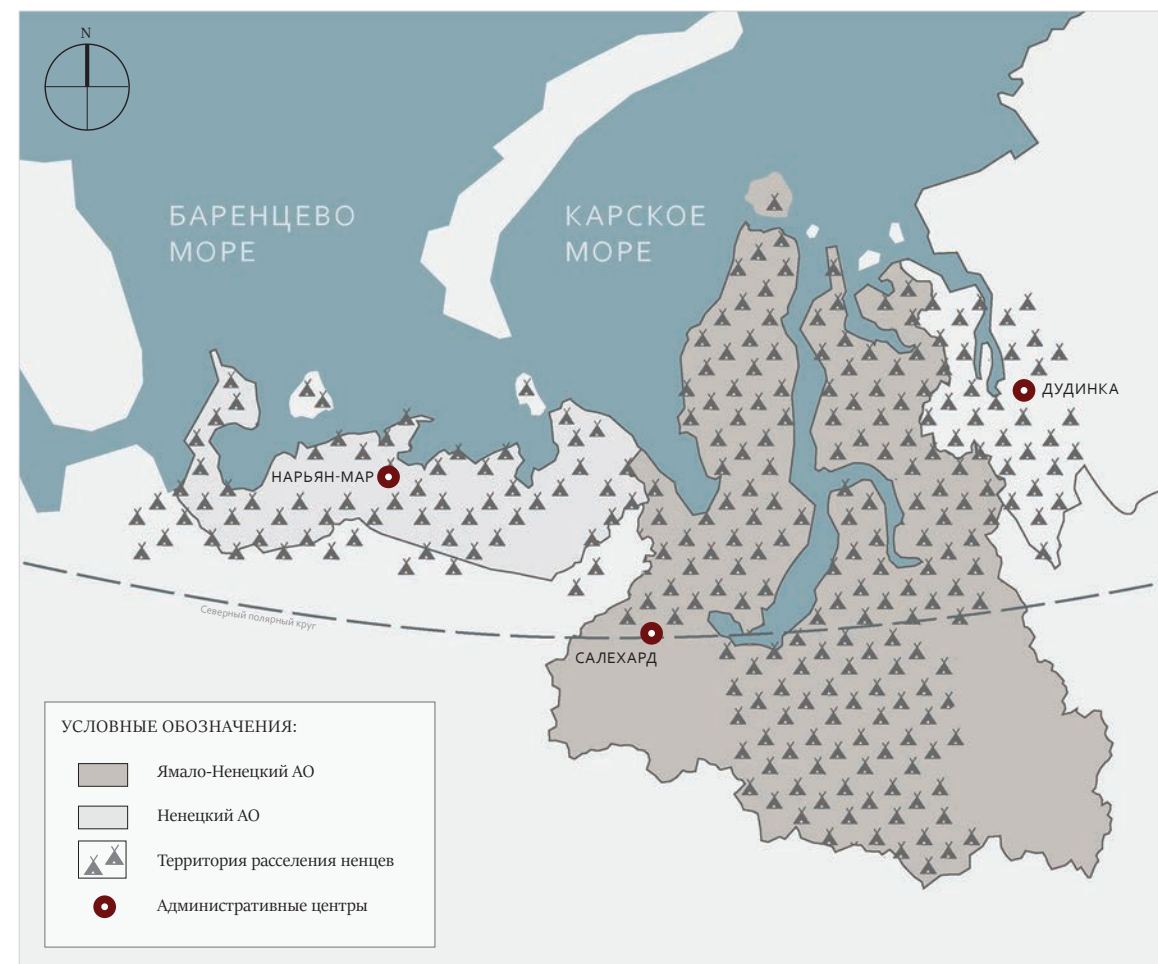

Рис. 3. Территория расселения ненцев

опыты приручения оленя имели отношение не столько к хозяйству, сколько к шаманскому искусству: как свидетельствует фольклор, шаманский олень-спутник был и участником священных ритуалов, и источником сакральных знаний, и боевым оружием; в сказаниях олень-спутник возносит шамана в небеса, сопровождает его прижизненно и посмертно, топчет и бодает его врагов. Затем прирученный олень приобрел значение транспорта, ценного товара, средства ведения войн и доминирования (Головнёв 1989; 2004:71–94).

Радикальным сдвигом стала «олeneводческая революция», прокатившаяся в XVII–XVIII вв. по всей Северной Евразии и превратившая охотников на дикого оленя в оленеводов. Причины этой революции И. И. Крупник видит в похолодании климата, способствовавшем бурному росту поголовья домашних стад (Kрупник 1993:165–169). На наш взгляд, решающую роль в этом преобразовании сыграла российская колонизация, вызвавшая рост миграционной подвижности, тундровые войны,

захват оленьих стад и «бегство в оленеводы» (отход в отдаленные тундры ради сохранения независимости). Позднее оленеводство стало крупностадным и превратилось в доминанту экономики тундры. Таким образом, в развитии ненецкого оленеводства обнаруживается три различных по социальной окраске этапа: (1) военно-торговая активность, когда оленеводы использовали оленей как товар и транспорт (в том числе военный); (2) автономное кочевание, когда, избегая колониального давления, оленеводы осваивали отдаленные тундры и наращивали поголовье стад для обеспечения независимого существования; (3) пастушество, когда северное оленеводство стало основой тундровой экономики.

В XX в. оленеводы пережили ряд радикальных советских преобразований, включая коллективизацию 1930–1950-х и кампанию перевода на оседлость 1960-х гг. Однако кочевая традиция в очередной раз успешно адаптировалась к новой административной системе. Многие оленеводы сберегли небольшие

частные стада оленей и сохранили наследственные права на использование участков пастбищных территорий; за порядковыми номерами совхозных бригад скрывались традиционные ненецкие родственно-соседские объединения *нэсы*, *таңоч*, *ханинеда*. На Ямале и Гыдане чиновники не имели легкого доступа к стойбищам ненцев, разбросанным по бескрайней тундре. Со своей стороны, пастухи-ненцы не позволяли чужакам глубоко проникать в технологию оленеводства и изобрели нехитрые приемы сбережения оленьих стад от чиновников. Одним из таких приемов было смешение государственных и частных стад: молодые оленеводы, зарегистрированные как колхозные пастухи, пасли государственные стада, а их старшие родственники, формально записанные в «пенсионеры» или «охотники», — частные. Два стада двигались бок о бок, и пастухи двух поколений согласованно регулировали их количество и качество исходя из собственных интересов.

В постсоветское время частные стада стали залогом стремительного роста ненецкого тундрового оленеводства. Ныне частное поголовье оленей в округе превышает общественное, и это преобладание растет: в начале 2015 г. общественных оленей было около 300 тыс., частных — 370 тыс. (всего 670 тыс.), в начале 2016 г. общественных — около 305 тыс., частных — 425 тыс. (всего более 730 тыс.).

Правда, картину доминирования частников дают главным образом гыданские оленеводы: в Тазовском районе частное поголовье почти впятеро превышает общественное: на 2016 г. из 243 тыс. гыданских оленей было 194 тыс. частных и 47 тыс. общественных. В Ямальском районе успехи частников скромнее (точнее, позиции муниципальных оленеводческих предприятий сильнее): в начале 2015 г. из 235 тыс. оленей 153 тыс. числилось в общественных стадах, 81 тыс. — в частных; в начале 2016 г. из 255 тыс. общественных было 159 тыс., частных — 94 тыс. (остальные отнесены к разряду «фермерских», тоже по существу частных).

Можно выделить следующие характеристики ненецкой культуры, соотносимые с ее высокой мобильностью.

- Технологии кочевания, включая годичный цикл миграций, кочевой календарь, сменяемый и обновляемый набор средств передвижения, навыки выпаса оленей, ритм и маневр в динамичном пространстве-времени.
- Практики использования природных ресурсов тундры и лесотундры (олень, рыба, морской и пушной зверь, птицы, дерево, вода/снег, мхи/лишайники и др.), перерабатываемых в базовые средства жизнеобеспечения кочевников (транспорт, жилище, одежда, пища).
- Система контроля над природным и социальным пространством, включая лидерство и следование, координацию миграций,

Рис. 5. Кораль

ориентацию в географическом пространстве, эффективную коммуникацию в родственно-соседской сети.

- Установка на активность и неприятие пассивности, умение мобилизовать и мобилизоваться, персональная ответственность по всему спектру деятельности от лова оленей и увязки нарт до выполнения культового жертвоприношения.

- Ментальность движения, предусматривающая восприятие кочевья как благополучия, а оседлости как «противоестественного» состояния бедности, болезни, инакости; мотивация движения как залога превосходства и самореализации: в фольклоре воспеваются мобильность эпических героев и богов, в наши дни поощряется пристрастие молодежи к скоростному транспорту (снегоход, квадроцикл и другие мотовездеходы).

- «Олень мышление» как соперничество и взаимная поддержка человека и оленя, их совместный ход мысли и ход действия,

выражающиеся в передвижении, кормлении, охране; человеку комфортны место и время, ритм и состояния, органичные оленю.

- Этика взаимопомощи на основе родства, дружбы и соседства, чередования и дополнения усилий мужчины и женщины, а также межличностной конкуренции, повышающей персональную ответственность в динамике кочевков и стоянок.

- Состязательность в скорости, маневренности, быстроте решений в повседневности, детских играх и празднествах с их популярными соревнованиями (гонки на упряжках и снегоходах, борьба, прыжки, конкурсы «национальной одежды» и др.).

- Эстетика движущегося стада оленей, напряжения гонки, пейзажа открытого пространства, пластики шкуры и меха. В эстетический канон входит и культ «человека работающего» (позы работы считаются привлекательными), и оценка результатов труда (красота нарт, одежды и т. д.).

Рис. 4. Ненецкое стойбище

СИСТЕМА ОЛЕНЕВОДСТВА

Со времен своего становления (XVII–XVIII вв.) тундровое оленеводство представляло собой сложную систему, ядром которой были самостоятельные оленеводы (*тэта*), кочевавшие со своими стадами в тысячу и более голов по плоской тундре Ямала от леса до моря. Их зимние кочевья располагались в лесотундре (на Хэнской стороне) или в южной тундре (на Ямальской стороне); весной караваны двигались на север по «хребту Ямала» (*Хой*) — возвышенному водоразделу Карского и Обского бассейнов — и на лето расходились веером на летние пастбища, а осенью по той же магистрали шла обратная миграция. Непременной фазой годового цикла, покрывавшего до полутора тысяч километров, была зимняя ярмарка в Обдорске, на которой шла торговля пушниной, рыбой, оленями в обмен на муку и прочие пищевые продукты, оружие, металлические и другие привозные изделия.

Оленеводческое ядро (тундра Ямала) и торгово-промышленный узел (село Обдорск) были связаны не только экономическими, но и политико-административными узлами, включавшими статусно-иерархические (в том числе ясачные) и партнерские отношения. Помимо *тэта*, часто выступавших в роли родовых вождей (*ерв*), оленеводством были заняты средне- и малооленные хозяйства, совершавшие менее протяженные миграции. Кроме того, из числа тундровиков составлялись сезонные промысловые группы охотников на пушного зверя и морского зверя, которые передавали своих оленей на выпас оленеводам, а сами сосредоточивались на промысле, сообразуя с его нуждами свои перемещения (например, зимуя в тундре). Полуавтономно вели себя и рыболовы, сезонно оседавшие на богатых угодьях лесотундры и тундры, обменивая свой улов на услуги пастухов (по выпасу их небольших стад). Многие оленеводы оставляли по ходу кочевий сезонные промысловые группы, подбирая их (с добычей) на обратном пути. Таким образом, тундровая оленеводческая система включала крупностадное ядро, связывавшее своими протяженными миграциями все пространство полуострова, и периферию, включавшую сателлитные группы малооленных пастухов, охотников и рыболовов. Вне связи с оленеводческим ядром периферийные группы не могли существовать; в свою очередь тундровое оленеводство нуждалось

во вспомогательных звеньях, дополнявших его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, а на отдельных этапах хозяйственного цикла — совместными усилиями и средствами; в кризисных ситуациях промысловые станы служили убежищем для разорившихся оленеводов. Согласно ценностным установкам, каждый «сидячий» тундровый промысловик стремился «подняться на каслание» (нарастить поголовье стада и сделаться пастухом), но в случае бедствия (эпизоотии, гололеда, волчьей потравы, лихоимства соседей) оленевод мог осесть на промысловых угодьях (Головнёв 1997).

В своей динамике и мобильности система ямальского оленеводства представляется не только трансформером, меняющим конфигурацию в пространстве-времени, но и матрицей, в которой отдельные ячейки заменяются или дополняются новыми. Например, в конце XIX в. она дополнилась неводным лесотундровым товарным рыболовством, а в XX в. — целым комплексом поселковых производств и служб. В советское время роль таких магистральных оленеводов стали играть совхозные бригады. Устойчивость и одновременно динамизм тундровой хозяйственной системы придают миграции оленеводов, охватывающие все пространство тундры от морского побережья до границ леса.

Впрочем, и карта миграций оленеводов может меняться, как это случилось после коллективизации и распределения пастбищ между совхозами. На закате советской власти ямальские тундры принадлежали трем совхозам с центрами в Яр-Сале, Панаевске и Сеяхе. Нарушение прежнего режима миграций и пастбищеоборота урезало диапазон маневров кочевников, особенно в периоды бедствий (эпизоотий, гололеда), когда приходится принимать экстраординарные решения и менять маршруты движения. Однако и в новой конфигурации нашлись свои выгоды: установление зон ответственности, оснащение каждой из трех тундр (ярсалянской, панаевской и сеяхинской) своим комплексом факторий, коралей, забойных пунктов и иных элементов инфраструктуры и коммуникаций. Общее поголовье оленей на Ямале (в Ямальском районе) выросло с 205 тыс. в 2000 г. до 250 тыс. в 2016 г. Их выпасом заняты 1 210 кочевых хозяйств (5 876 чел.).

Рис. 6. Инфраструктура ямальского оленеводства

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ

Открытие и разработка месторождений газа и нефти на Ямале в конце прошлого века существенно изменили систему оленеводства и движения кочевников. На полуострове Ямал находится 32 месторождения углеводородов, суммарные запасы которых оцениваются в 26,5 трлн куб. м газа, 1,6 млрд тонн газового конденсата, 300 млн тонн нефти. Здесь сформировались Бованенковская, Тамбейская и Южная промышленные зоны, с растущей транспортной и поселенческой инфраструктурой. С «большой землей» их связывают авиарейсы, морской транспорт, газопроводы, автодороги, железная дорога «Обская–Бованенково», которая сама по себе превратилась в главную транспортно-инфраструктурную магистраль Ямала. Вахтовики, занятые в газодобыче, располагаются в основном в трех крупных вахтовых поселках — Бованенково, Харасавэй и Сабетта; число вахтовиков на Ямале не поддается точному исчислению, но оно существенно превышает количество постоянных жителей (Головнёв и др. 2014:14–17).

Вахтовый поселок Бованенково рассчитан на проживание 5–6 тыс. чел., обслуживающих Бованенковское месторождение, газопровод и аэропорт (для легкой и тяжелой авиации). В 110 км от него, на Карском берегу, находится вахтовый поселок Харасавэй на 1 тыс. чел., обслуживающих Харасавэйское месторождение, морской порт Харасавэй; здесь же расположена воинская часть погранзоны. На восточном берегу полуострова Ямал вырос новый вахтовый поселок Сабетта, рассчитанный на проживание 6 тыс. чел., обслуживающих Южно-Тамбейское газоконденсатное месторождение, морской грузовой порт Сабетта и аэропорт. На строительстве железной дороги Обская–Бованенково было задействовано около 7,5 тыс. чел.; сейчас на ее 8 станциях и 15 разъездах занято около 800 рабочих и сотrudников. В целом численность вахтовиков на Ямале колеблется сезонно от 6 до 14 тыс. чел. В обозримой перспективе «промышленный контингент» на Ямале может вырасти вдвое, достигнув 30 тыс. чел.

Развитие газодобычи на Ямале не просто создало альтернативу прежним приоритетам кочевой оленеводческой экономике, включая добычу рыбы и пушнины (прибыльная некогда пушходобыча ныне пришла в упадок,

и в какой-то мере ее товарная роль перешла к заготовкам пантов), но и заметно их превзошло. В Ямало-Ненецком округе сосредоточено 22 % мировых разведанных запасов газа и 85 % добычи природного газа в России. Промышленно-транспортное освоение Ямала создало новую конфигурацию путей и селений, к которой в очередной раз адаптируется оленеводство.

В этой адаптации сочетаются эффекты прямого и опосредованного действия. Первые включают последствия непосредственного воздействия индустрии на жизнедеятельность коренного населения. К ним относятся отчуждение пастбищ, загрязнение среды, отвлечение оленеводов от их основных занятий (в том числе изменение маршрутов и ритма кочевий). При оленеемкости в 110 тыс. оленей ямальские пастбища уже много лет несут нагрузку вдвое большего стада (достигающего в отдельные годы 300 тыс.). Впрочем, развитие индустрии открывает новые возможности реализации продукции оленеводства благодаря появлению прямо в тундре рынков сбыта, а также строительству коралей, факторий и забойных пунктов, оснащенных современными технологиями заготовки, хранения и переработки сырья.

Второе подразумевает воздействия не столько материального, сколько ментального свойства, которые обобщенно можно назвать соблазнами оседлости. Самый очевидный из них — компенсационное строительство благоустроенного жилья для оленеводов в поселках. Ныне почти все оленеводы имеют квартиры, в которых сами останавливаются при посещении поселков несколько раз в год и предоставляют их в распоряжение родственников, в том числе учащейся молодежи. Тем самым среди молодежи приоритет кочевья постепенно замещается приоритетами оседлости, а пристрастие к технологиям оленеводства уступает место hi-tech привязанностям. К числу «соблазнов» относится и перспектива (не в последнюю очередь за счет дотаций Газпрома) переоснащения оленеводов новыми средствами транспорта и навигации, что чревато снижением уровня традиционной транспортной культуры ненцев-оленеводов. Сегодня самые сложные маневры кочевий сбора оленей нередко выполняются уже не на упряжках, а на снегоходах.

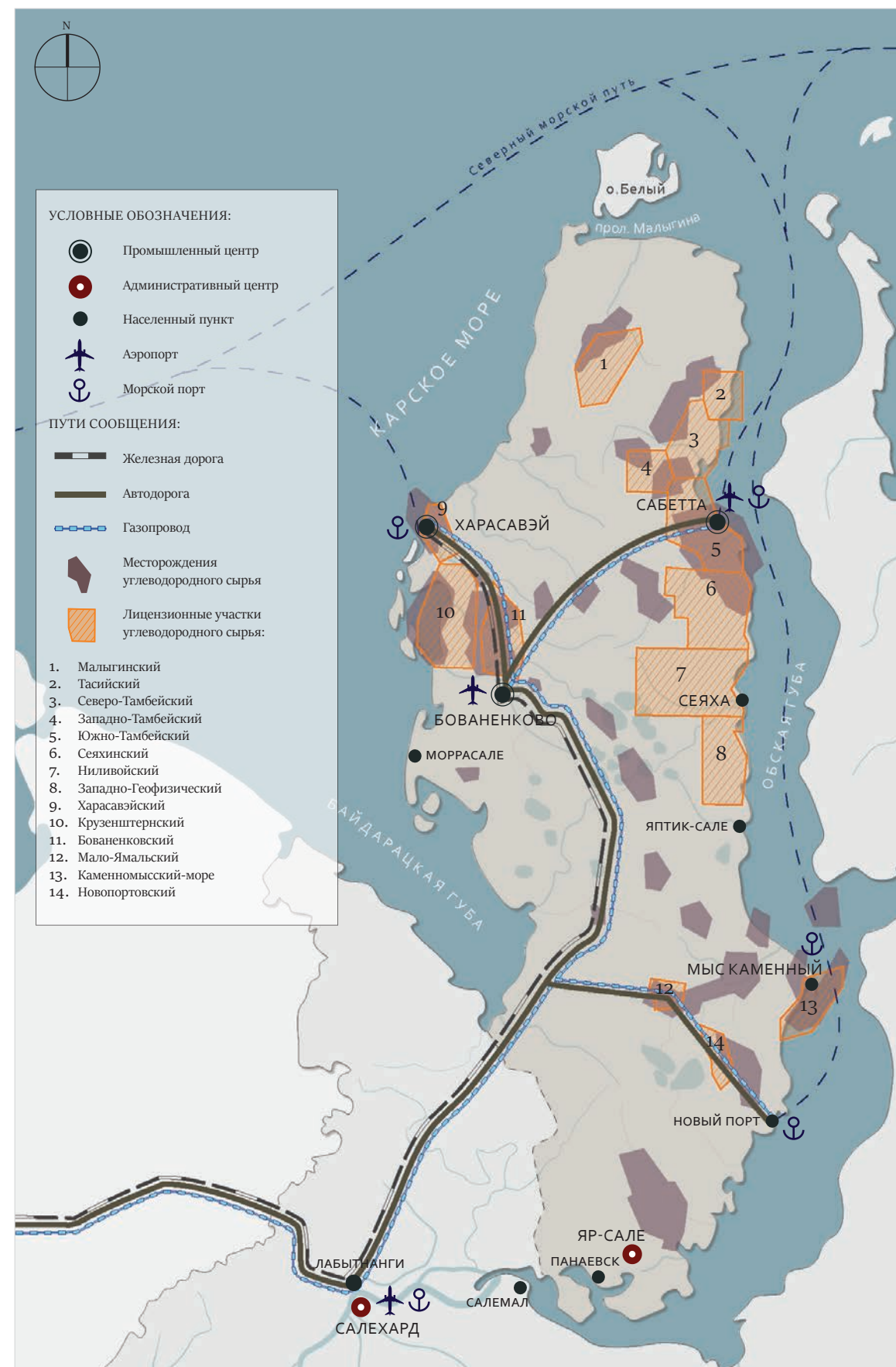

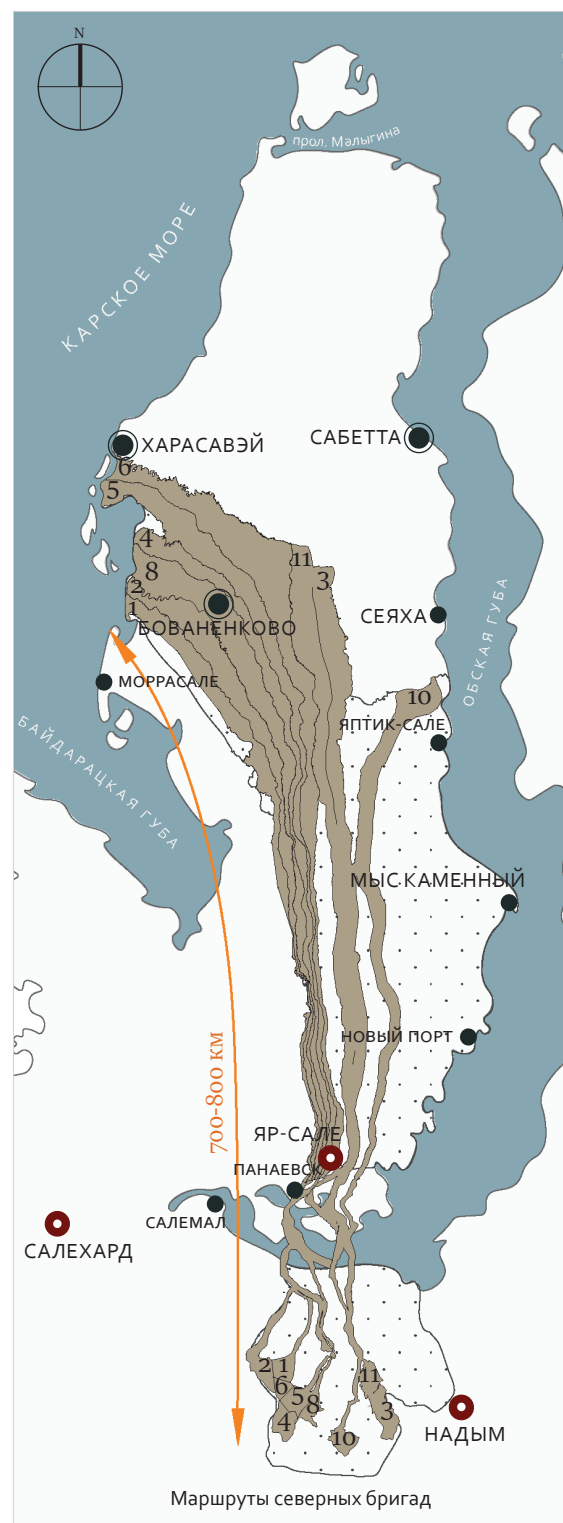
Рис. 7. Инфраструктура ямальской газонефтедобычи

СЕТЬ МАРШРУТОВ

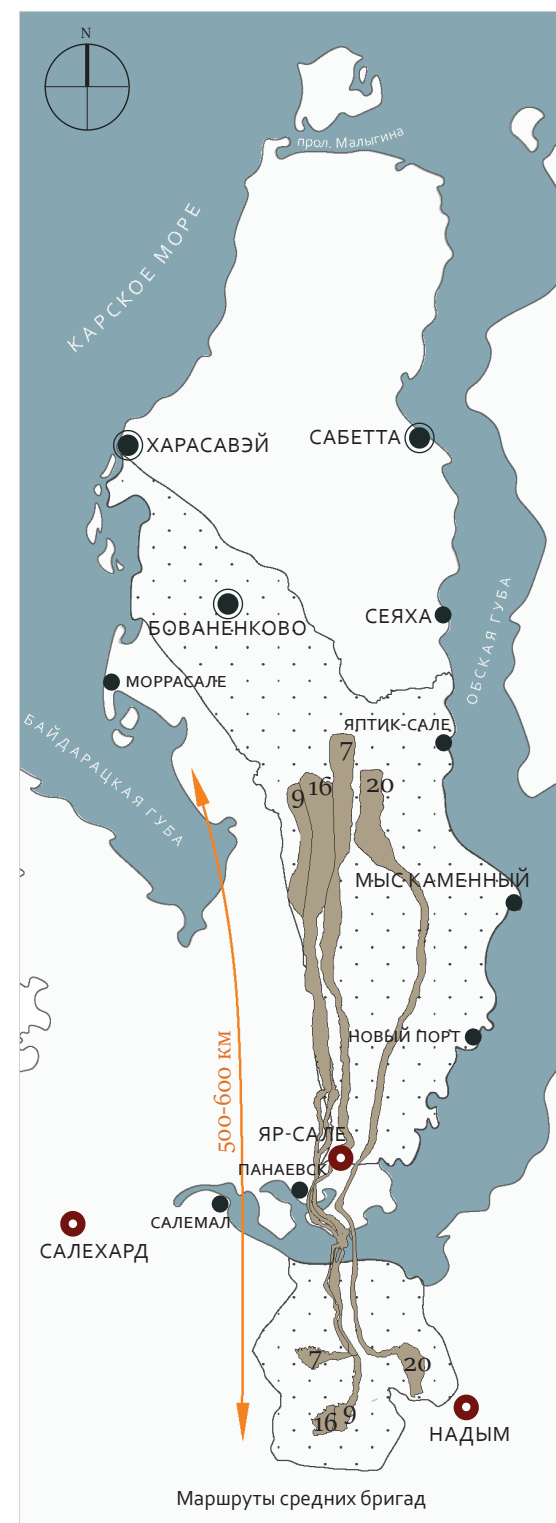
Оленеводы, приписанные к райцентру Яр-Сале, поселкам Сюнай-Сале и Новый Порт, составляют самую многочисленную группу кочующих хозяйств с 200 тыс. оленей — ядро современной оленеводческой системы Ямала. Это сообщество оленеводов «ярсалянской тундры» покрывает кочевьями львиную долю полуострова и образует его оленеводческую кочевую магистраль. Их маршруты протяженны, достигая в год до полутора тысяч километров, весной и осенью проходят близко друг к другу, создавая иногда (особенно в тумане и пурге) угрозу смешения стад. Для упорядочения движения стад их маршруты со времен совхозного оленеводства разделены на северные, средние и южные (ныне наследниками совхозов выступают муниципальные оленеводческие предприятия — МОП).

Восемнадцать бригад МОП «Ярсалянского» и частники соблюдают последовательность северные-средние-южные уже на старте весенних перекочевков, выходя на переправу через Обскую губу. В этом порядке они выстраиваются на День оленевода вокруг райцентра Яр-Сале, а затем снимаются со стойбищ и отправляются на каление к отельным и летним пастбищам. Кочевья растягиваются по всему Ямалу и расходятся веером ближе к морским берегам. Пройдя по льду Юрибей, северные кочевья разделяются на левые северá (направляющиеся к Харасавэю и Карскому берегу) и правые северá (идущие в сторону Сё-яхи, к Обской губе). Средние занимают удобные пастбища в центре Ямала, южные после ухода северных и средних выбирают пастбища в южной тундре.

Северные бригады и частники — самые многооленные и мобильные. Их летние пастбища считаются самыми безопасными и удобными для нагула оленей (пастухи называют такие приморские пастбища с обилием корма и минимумом гнуса «оленеводческим раем»). Считается, что олени северных и южных стад по-разному держат маршрут: северные олени идут только вперед, не сворачивая в стороны (по словам пастухов, «их невозможно повернуть»), и они так спешат, что подгонять не надо, напротив, приходится «держат стадо с головы». Пока олени северного стада не дойдут до моря, их не остановить: «Пока он не увидит это море, он голову обратно не повернет». Впрочем, простояв всего два-три августовских дня у моря и насытившись

морской солью (по наблюдениям пастухов, морская соль играет не последнюю роль в этологии оленя), стадо разворачивается в обратный путь. Средние и южные бригады по-своему решают проблему обилия гнуса на юге тундры, выбирая высокие холмистые, обдуваемые ветром места. Их преимущества состоят в обилии

рыболовных угодий, в том числе на озерах Яро-то и Ней-то, досягаемости (независимо от капризов погоды) весенних отельных пастбищ. В целом бригады и частники образуют динамичную сеть кочевий, расходящуюся на летние и зимние пастбища, а в межсезонье сплетающуюся в поток каланий.

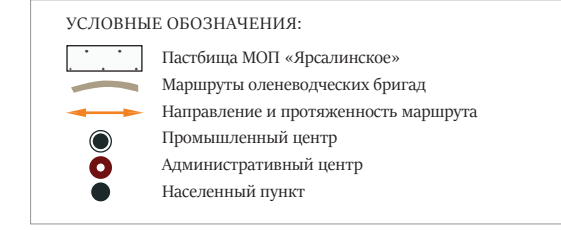

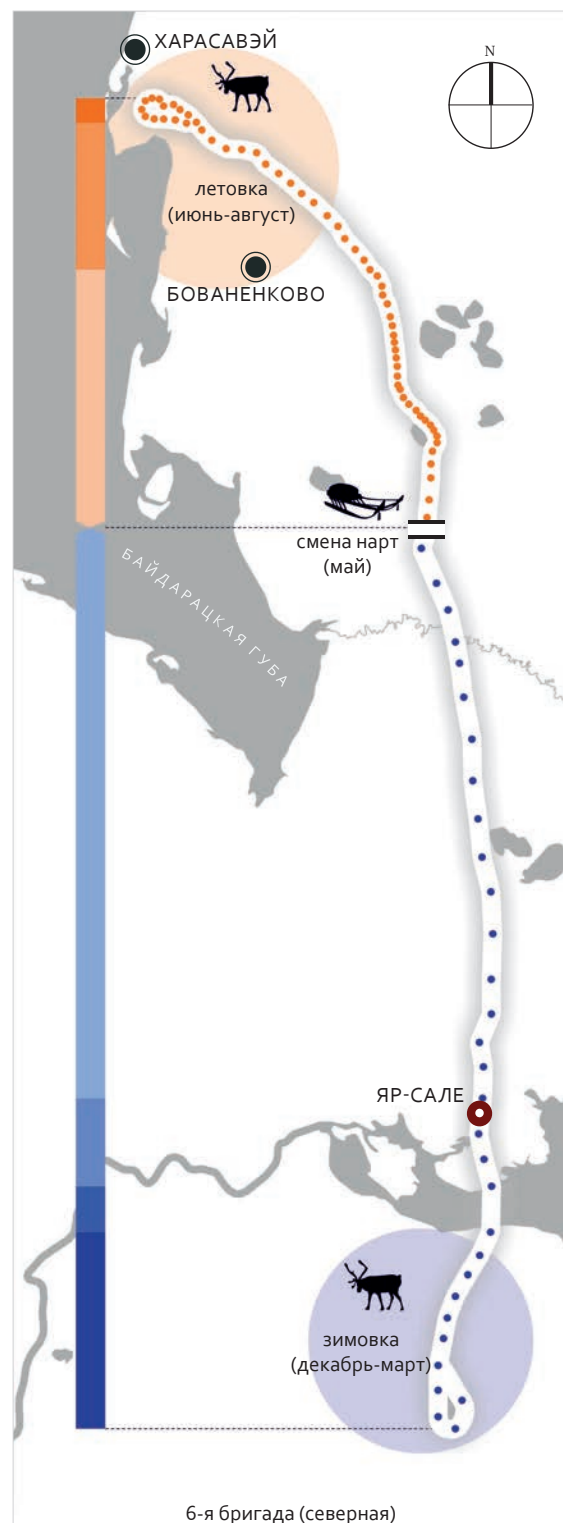
Рис. 8. Схемы миграций ярсалянских бригад

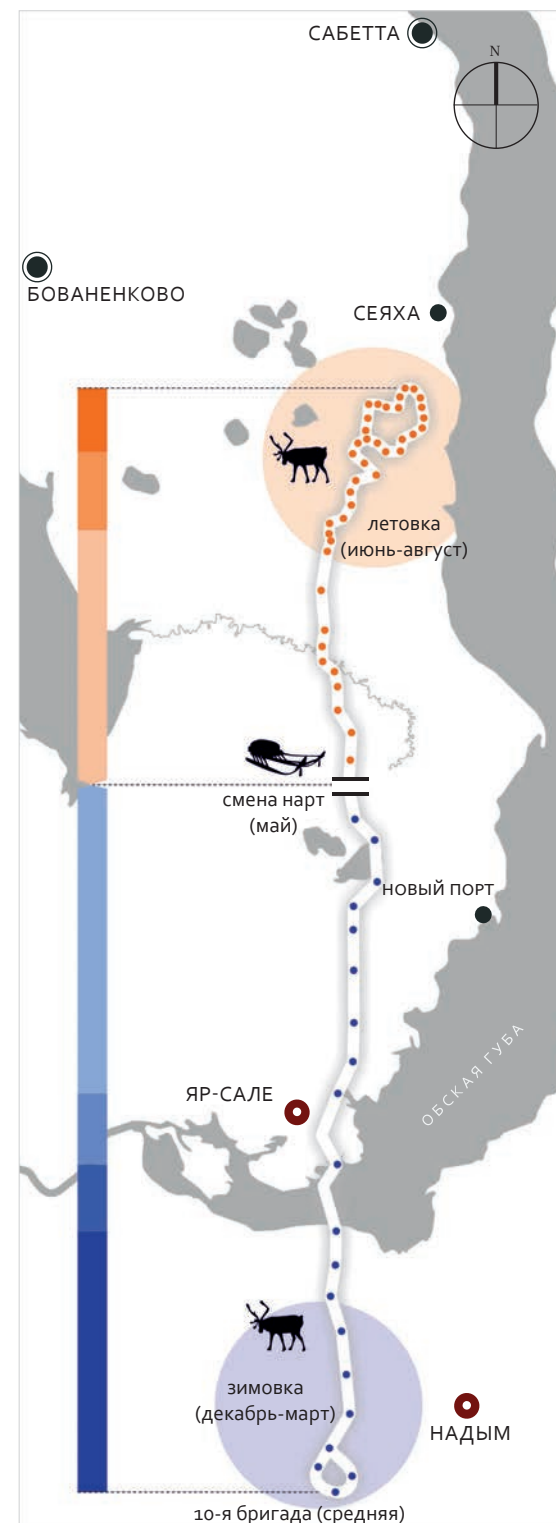
РИТМОГРАММА КОЧЕВИЙ

В течение года 17-я бригада совершает около 80 перекочевков (на маршруте общей протяженностью 700 км), 10-я бригада — 110 перекочевков (1 300 км), 6-я — 120 (1 500 км). В течение года кочевье от 80 до 120 раз превращается в стойбище. Зимой перекочевки редки, а стоянки длительны, и кочевье «отдыхает» (так о зимнем состоянии, несмотря на все его трудности, говорят оленеводы). Весной стоянки коротки, перекочевки стремительны и протяженны, кочевье движется к весенне-летним пастбищам; поздней весной стадо «телится» и резко снижает скорость движения, а летом спокойно «пасется» (это главный сезон нагула в году). Зимой средняя длительность стоянки в лесотундре — месяц (или полмесяца; иногда стойбище всю зиму стоит на одном месте), весной — 1–3 дня, летом и осенью — 3–5 дней. Длина перекочевки в среднем составляет 9 км (от 5 до 20) и зависит как от ситуации (перевалка через Обскую губу достигает 80 км), так и от режима окарауливания стада: ранней весной кочевье мчится на предельной скорости, делая «прыжки» по 20 км; поздней осенью оно следует за стадом (иногда при раздельном «бесчумном» выпасе с разделенным стадом), делая частые, но короткие перекочевки в 5–7 км.

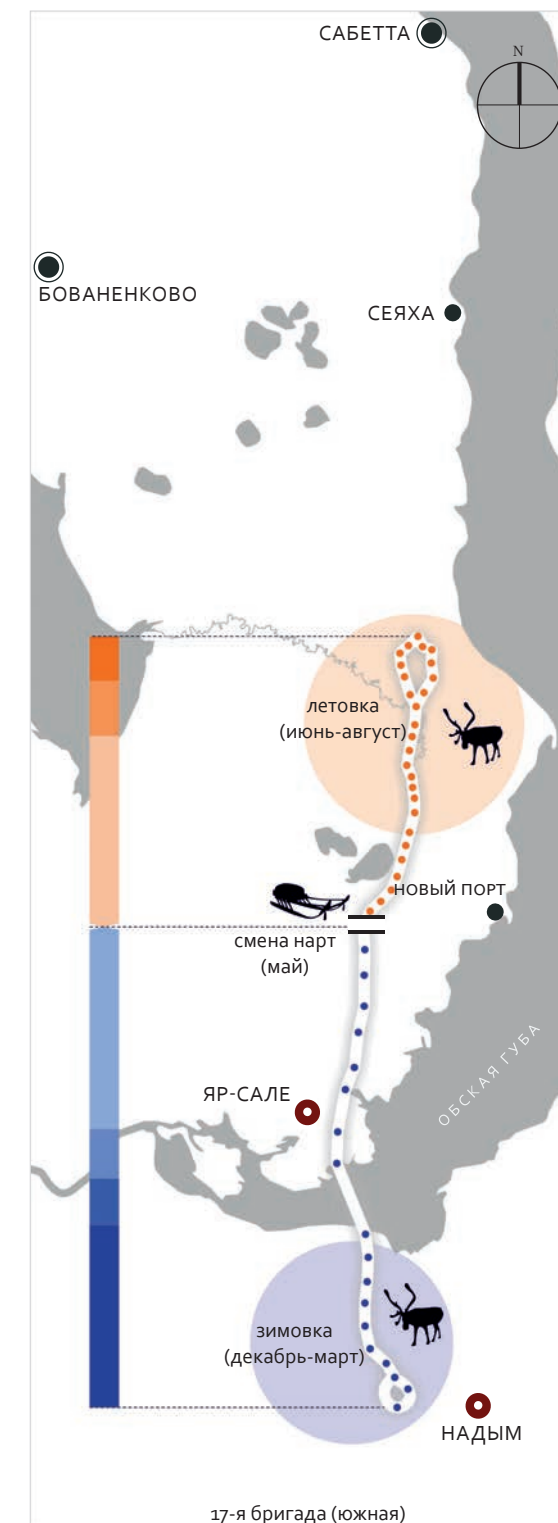
Ритм в кочевье важен так же, как в музыке, но это не отсчет метронома и даже не пульс живого организма, а сложное сочетание био-эко-техноритмов, которые связаны в единую композицию. Ритм этот меняется в зависимости от сезона, маршрута, размера и состава стада, погоды и попутных событий, возраста и темперамента оленевода (к тому же сам по себе человеческий организм — «полиритмичная машина»). Оленевод наделен этим специфическим чувством ритма от рождения, и его отсутствие или замещение создает кочевнику дискомфорт в седлом уюте. Жить в кочевом ритме означает мотивацию и программу желаний и действий на уровне врожденно-приобретенного инстинкта. Эта чувственно-рациональная программа исполняется в слитном пространстве-времени: путь к лету оказывается дорогой к морю, а зима приближается не только с падением температур, но и со сгущением леса. По традиции, рубежом между зимним и летним кочевьями служит точка сезонной смены караванов (на лето здесь остаются зимние нарты, на зиму — летние).

Эта точка достигается в нужное время в нужном месте; своевременность-уместность этого превращения обеспечивается ритмом кочевий. Способность к кочеванию определяется этим ритмом как поведенческой стратегией: кочевник не просто меняет стойбища, следуя за оленями, он выполняет этот цикл движений

так увлеченно и ответственно, словно в нем есть состязательный азарт, и его собственное предназначение немислимо без этой гонки длиной в жизнь. Рубеж смены нарт совпадает во времени с переходом от зимы к лету. В ненецкой традиции календарный год делится на год-зиму

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ● Маршрут в пространстве
- ■ Шкала времени
- Стойбище года-зимы
- Стойбище года-лета
- Административный центр
- Населенный пункт

Рис. 9. Схемы годичных миграций

и год-лето, которые различаются настолько (по погоде, одежде, характеру передвижений и занятий), что считаются самостоятельными годами; оттого в старом ненецком времяисчислении количество лет удваивалось. Этот рубеж в календаре называется *по* (букв. дверь) — так же, как год. Ритм кочевий и выпаса стада летом и зимой заметно варьируют по частоте, протяженности, ориентации на водоемы, учету направления и силы ветра.

В основе ненецкой кочевой традиции лежит принцип динамичной кооперации. Ненецкая семья, даже объединяясь с другими семьями, самостоятельно кочует, ведет хозяйство, совершает ритуалы. Она чередует состояния, называемые по-ненецки *нарава* (свободная, отдельная жизнь) и *номдабава* (жизнь в объединении). Семья может в любой момент, собрав своих оленей, откочевать прочь и, по мере надобности, присоединиться к другому стойбищу. Этика родственных и соседских отношений исключает хаотичные миграции и обеспечивает устойчивость стойбищных объединений; вместе с тем, серия сезонных объединений и разъединений составляет обычный цикл хозяйственного и социального взаимодействия.

Средняя семья оленеводов (из 5–6 человек, владеющая собственным чумом, караваном нарт и стадом оленей в 300–400 голов) начинает самостоятельную весеннюю миграцию от границы леса в тундру (слова *нарава* «весеннее кочевье» и *нарава* «отдельное кочевье» близки по звучанию и смыслу). На весенний период отела она объединяется с двумя-тремя другими семьями в стойбище (*насы*; от *насянзы* — «соединиться, сжаться»); затем, на комарный летний период, образует в составе двух-трех *насы* «объединенное стойбище» (*ноб' насырма*). Осенью она покидает «объединенное стойбище» и, обычно в паре с другой семьей (*таха'ва* — «направляющиеся в разные стороны» или *тэрачу* — «выделяющиеся»), кочует из северной тундры к зимним таежным пастбищам. В течение оленеводческого цикла отдельные члены семьи могут участвовать в промыслах линного гуся (летом на угодьях *ябтарма*), песка (осенью в составе группы *ханинеда* и зимой в облавной охоте *таларава*), рыбы (летом в составе группы *халямгадабада*). Кроме того, на разных этапах кочевания семья вступает в торгово-обменные отношения с морскими охотниками, стойбищами южнотундровых и лесотундровых рыболовов (*таоч*, *ёртяндер*). В общей

сложности члены одной семьи в течение года оказываются непосредственными участниками семи-восьми различных хозяйственных объединений, вступают в торгово-обменные контакты с таким же количеством самостоятельных промысловых стойбищ, посещают многолюдные торжища (в далеком прошлом ярмарки, в последние десятилетия совхозные собрания оленеводов в поселках и на факториях). При этом ненецкая семья предпочитает взаимодействовать с другими семьями в стиле временной кооперации, а не постоянной зависимости.

Круг контактов семьи в течение года включает несколько десятков (принимая во внимание ярмарки и поселковые съезды) других семей. Этот круг настолько же постоянен, насколько устойчивы маршруты оленеводческих и промысловых миграций. Каждая семья образует свой социальный кластер — подвижную сеть контактов, растянутую между опорными точками кочевий: *мядырма* (место оленеводческого стойбища), *ябтарма* (место промысла линной дичи), *носилава* (место пушной охоты), *ёлава* (рыболовное место), *тэмдолава* (место торговли). Благодаря частичному совпадению и расхождению кластеров разных семей общество ненцев представляет собой социальную среду с гибкими связями и границами. Кластерная организация имеет свои узлы, где территориально и сезонно сходятся контакты многих семей: летние объединенные стойбища оленеводов и зимние ярмарочные съезды; с ними соотносятся наиболее значимые общественные ритуалы — зимний и летний «срединные дни», зимние гостевания и свадьбы.

На первый взгляд, ритм кочевья удобнее всего измерять стоянками (стойбищами), и тогда ритмограмма будет иметь вид тактов, в которых будет указана длительность статики, а перекочевки окажутся тактовыми чертами. Однако в кочевой традиции путь измеряется не стоянками, а собственно касланиями (перекочевками), и в этом варианте в такте будет длительность-протяженность перекочевки, а стоянки станут тактовыми чертами. Впрочем, те и другие состояния по-своему важны, поскольку стойбищная статика лишь по отношению к форме караванного движения выглядит остановкой, и на стойбище активизируются иные формы динамики (например, женская мобильность, активация распакованных вещей и др.).

Рис. 10. Стойбище

Рис. 11. Кочевье

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОБСКУЮ ГУБУ

Обская губа называется по-ненецки *яв* (море), и переправа через нее буквально означает «морское кочевье» — *яв-мюсева*. Через Обскую губу оленеводы переходят по льду — осенью после ледостава (в декабре) и весной до ледохода (в апреле). Эта переправа (перевалка) — самая длинная перекочевка, около 70 км, длится весь световой день, а иногда из-за ненастья и дольше; но прерывать ее остановкой нельзя, поскольку оленям на льду нечего есть. В периоды бедствий пастухи запасали ягель в мешках и подкармливали оленей на долгой переправе. Значимость «морского кочевья» подчеркивается тем, что в начале перевалки близ урочища с названием Хэ (Священное место, Священный водоворот) спускающиеся на лед оленеводы совершают обряд жертвоприношения в честь бога воды *Ид ерв*. В конце XIX в. здесь, на перекрестке кочевых путей, был основан Хэнский миссионерский стан, а вся южная сторона Обской губы именовалась Хэнской (или Низовой).

С Хэнской (лесотундровой) стороны на Ямальскую (тундровую) ведут шесть дорог (*сехэры, недарма*), по которым следуют кочевья бригад и частных: из них четыре идут на юго-восток Ямала (Яр-Сале, Сюнай-Сале, Новый Порт), а две — на юго-запад (Панаевск, Салемал). Ярсалинские бригады движутся по четырем дорогам — через Хэ, Кутоп-юган, Ярцанги и Шугу. Помимо широтного разделения кочевых потоков, оленеводы образуют группы по оси север-юг. Первыми переправляются северные бригады (уходящие раньше и дальше всех на север), следом — средние, последними — южные, располагающиеся относительно недалеко от поселков.

Среди ярсалинских бригад северные выделяются стремительными кочевками: они первыми «выскакивают» на ямальский берег, а их олени спешат на север, следуя привычной схеме миграции. Южные, напротив, нарочито не спешат, иногда даже бравируют спокойными передвижениями по ту сторону «морья», где их никто не стесняет и не подгоняет. Они пасут оленей на оттаивающих ягельниках и следят за приближением проталин и шуги с верховьев рек. В конце апреля, с приближением признаков ледохода, а особенно после первого весеннего дождя, они резко снимаются и переваливают

на ямальскую сторону, где спокойно выбирают пастбища, опустевшие после ухода северных и средних бригад. Случается, что неожиданное вскрытие льда перекрывает путь на Ямал, и тогда им предстоит изнурительная летовка в лесотундре с ее тучами комаров, частым безветрием и множеством болот.

В давние времена порядок перекочевки через «море» и дальнейшего движения по хребту Ямала согласовывался в ходе многочисленных зимних гостеваний, иногда напоминавших тундровые конференции. В советский период проводились специальные совхозные собрания на р. Ярудей, где эти планы и маршруты корректировались и утверждались. Оленеводы старались точно, до дня и километра, соблюдать договоренности, поскольку от этого зависело их собственное благополучие. В этом отношении кочевой пространственно-временной календарь, размечавший последовательность кочевки и стоянок, имеет не меньшее значение, чем точная работа диспетчерских служб аэропортов. Сейчас, с распространением сотовой связи, коммуникация стала проще и чаще, что дает дополнительные возможности пересогласовывать распорядок движения, но одновременно «расслабляет» оленеводов, позволяя им не столь строго соблюдать предварительные установки.

Весной 2016 г. переправа началась 19 марта. Первой перевалила Обь по Нарачинскому выходу 6-я бригада (левый север). Примечательно, что она зимовала без бригадира, который со своим личным полуторатысячным стадом зимовал в ямальской тундре у рыбных озер. Зима (если благополучная по погоде) — отдых для оленеводов: перекочевки крайне редки (одна-две в месяц), олени не уходят далеко от стойбища, вокруг чумов полно дров. Поэтому отсутствие бригадира не критично, тем более что он не просто «отдыхал на рыбалке», а приучал выпасаемое им стадо к самостоятельному движению (так следует по плану дальнейших маневров и разделов стада). Бригадир встретил и возглавил свою бригаду в преддверии длительного каслания на север в район Бованенково (6-я бригада идет первой и возглавляет большую миграцию по Хою). Подобный маневр разъединения-воссоединения бригады — не нарушение трудовой дисциплины, а маневр (вполне в стиле традиционного дробления зимних кочевий),

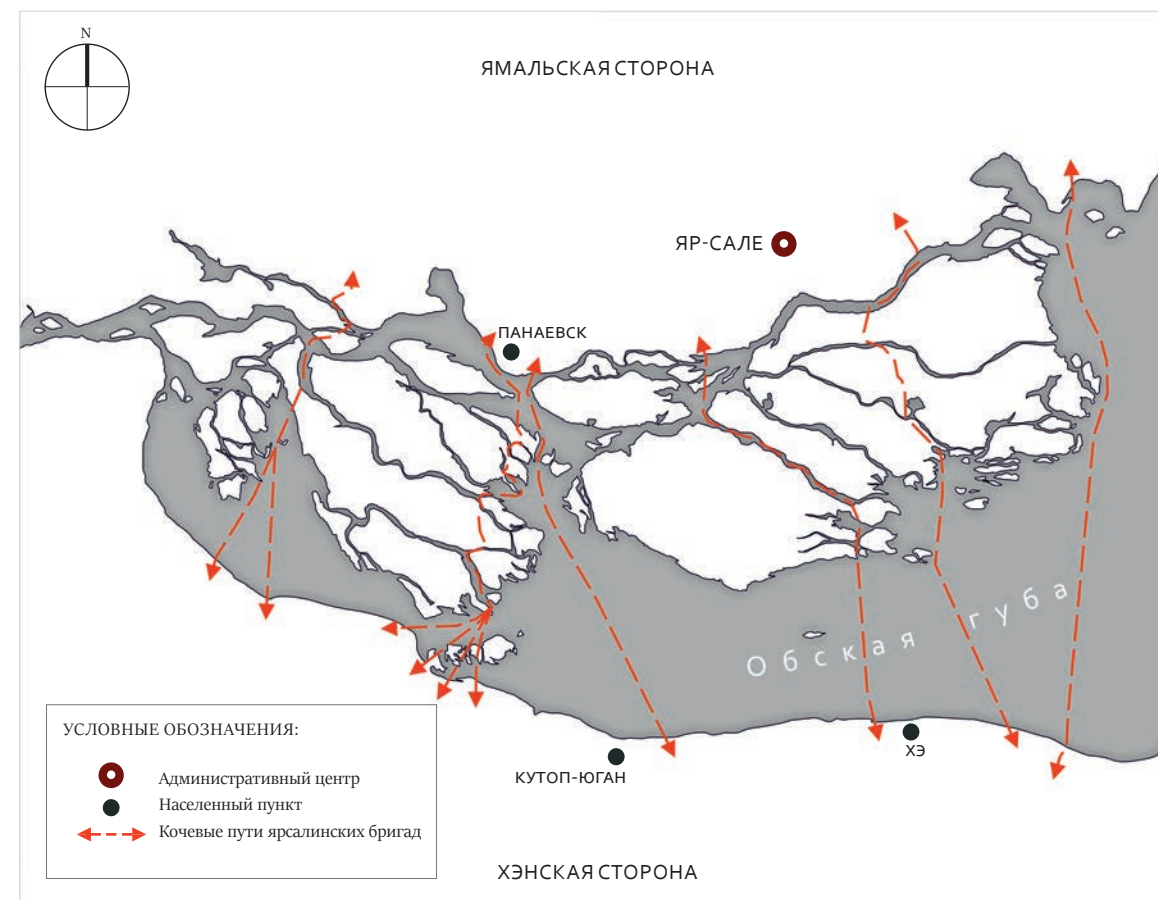

Рис. 12. Кочевые пути через Обскую губу

оптимальный для осуществления общего плана. Он показывает эффективность «мобильного модуля», каковым является отделившийся от бригады аргиш-чум бригадира. Этот «модуль» по необходимости кочует автономно в течение зимы, а затем в нужный момент стыкуется с кочевьем 6-й бригады.

22 марта Обскую губу перевалили одновременно 1-я и 5-я бригады, а также крупный частник Вылка. Сроки их кочевий совпали, хотя каждый лидер (*нэсы ерв*) самостоятельно принимал решение об отправке. Выйдя на рискованное синхронное каслание, они старались держать дистанцию на параллельных курсах. Ясная с утра, погода неожиданно испортилась, как только караваны сошли на лед. Обряды умиловления духа переправы совершались уже в начавшейся пурге. Бригадам удалось благополучно перевалить губу и встать стойбищами на ямальском берегу во многом потому, что ямальский берег был еще пуст и удобен для расположения трех стад (6-я бригада к этому моменту отошла вглубь тундры). В иной ситуации дружный выход нескольких тысяч оленей трех больших стад мог бы привести

к «аварии» — смешению стад на центральной дороге кочевий.

23 марта продолжалась пурга, и бригады оставались на прибрежных стойбищах. 24-го они снялись и отошли от берега на новые стойбища, уступив берег следующим форсирующим Обь кочевьям. С этого времени берег напоминал посадочную полосу, куда приземлялись кочевья и вскоре (ночь или сутки спустя) отходили вглубь тундры, освобождая полосу для очередных посадок. 26-го через губу перевалила 8-я бригада, 27-го — 4-я бригада и крупный тысячник Медко (Медный). Постояв день, они тоже отошли в тундру на расстояние 10 км, уступив берег 2-й бригаде и сопровождавшим ее частникам. Таким образом, к началу апреля все «левые северы» — бригады и частники — выстроились в традиционном «шахматном порядке» к западу от Яр-Сале. Сразу после Дня оленевода, 4-го апреля, они отправились в большое каслание: первой ушла 6-я, за ней 8-я и 4-я бригады. Одновременно сходные маневры и согласования на всех шести дорогах (выходах) совершали бригады и частники других оленеводческих групп.

«МОРСКАЯ КОЧЕВКА» С ТОКЧЕЙ

Токча (Иван Пырьевич) Худи, 56 лет — частник, оленщик-тысячник (хозяин тысячного стада). Общая протяженность его годовичного кочевого пути — 1 200 км. Его ненецкое имя-прозвище Токча означает «крылышко», и в шутку его называют «Крылышкин». Эта «птичья» ассоциация, вкупе с его небольшим ростом, усиливается при виде его необыкновенного проворства в действиях на стойбище и обращении с оленями. Все его движения — лов оленей, перетаскивание нарт, сбор упряжек — точны и непринужденны; кажется, они даются ему без малейших усилий. При взгляде на него понятно, почему в ненецком языке *сата* имеет два значения: «сильный» и «быстрый». Токча управляется со своим тысячным караваном, будто с одной упряжкой. Опыт «морской кочевки» с ним показывает, насколько эффективны в практике оленеводов быстрые решения и действия.

На стойбище Токчи два чума: его и Тимофея, его товарища (*ня*) по стойбищу и кочевью. В чуме Токчи две семьи — его (с женой и взрослой дочерью) и сына Андрея (с женой и малолетними детьми). В караване Токчи 22 нарт, у Тимофея вдвое меньше — 11. Кроме нарт в кочевье участвуют грузовые снегоходные нарт, груженные тяжестями вроде дров и заготовок для нарт.

Кочевья частников обычно состоят из ведущего и ведомого. Токча — ведущий, глава стойбища, *нэсы ере*, и взаимодействие в паре крайне важно. Когда каслающие вместе оленеводы подходят друг другу, о них говорят: *нупой еуга* (в один шаг). Бывает, что соседи настолько расходятся по жизненным ритмам, привычкам спать и есть, что не могут вместе кочевать.

Рис. 13. Токча Худи, 56 лет

По словам Александра Сэротэтто, «если ты встал, чай попил, нарт перетянул (чтобы на новое место каслать), чум снял, а сосед еще в чуме — это плохо». В бригадах постоянно идет неформальное соревнование: кто быстрее снимет чум вслед за бригадиром; особенно внимательны к этому ритму «бригадирши», которые стараются соответствовать фольклорным эталонам, когда «женщина быстро снимает чум, будто просто проходит мимо него». У этого темпа есть свой рациональный резон: как говорят ненцы, «если днем прикаслаешь на новое место, успеешь за дровами съездить».

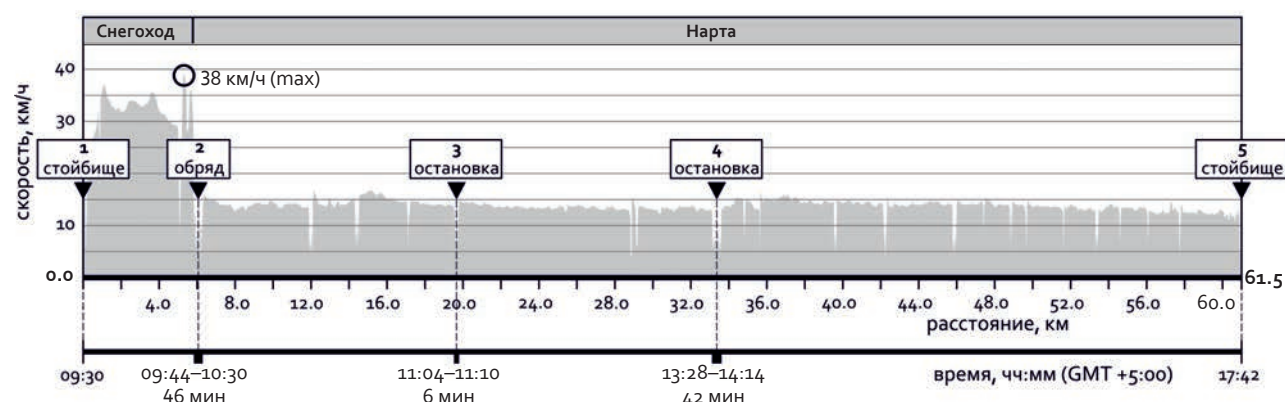

Рис. 14. График скорости каслания Токчи. Фрагмент от точки 1 до точки 5 (28.03.2016)

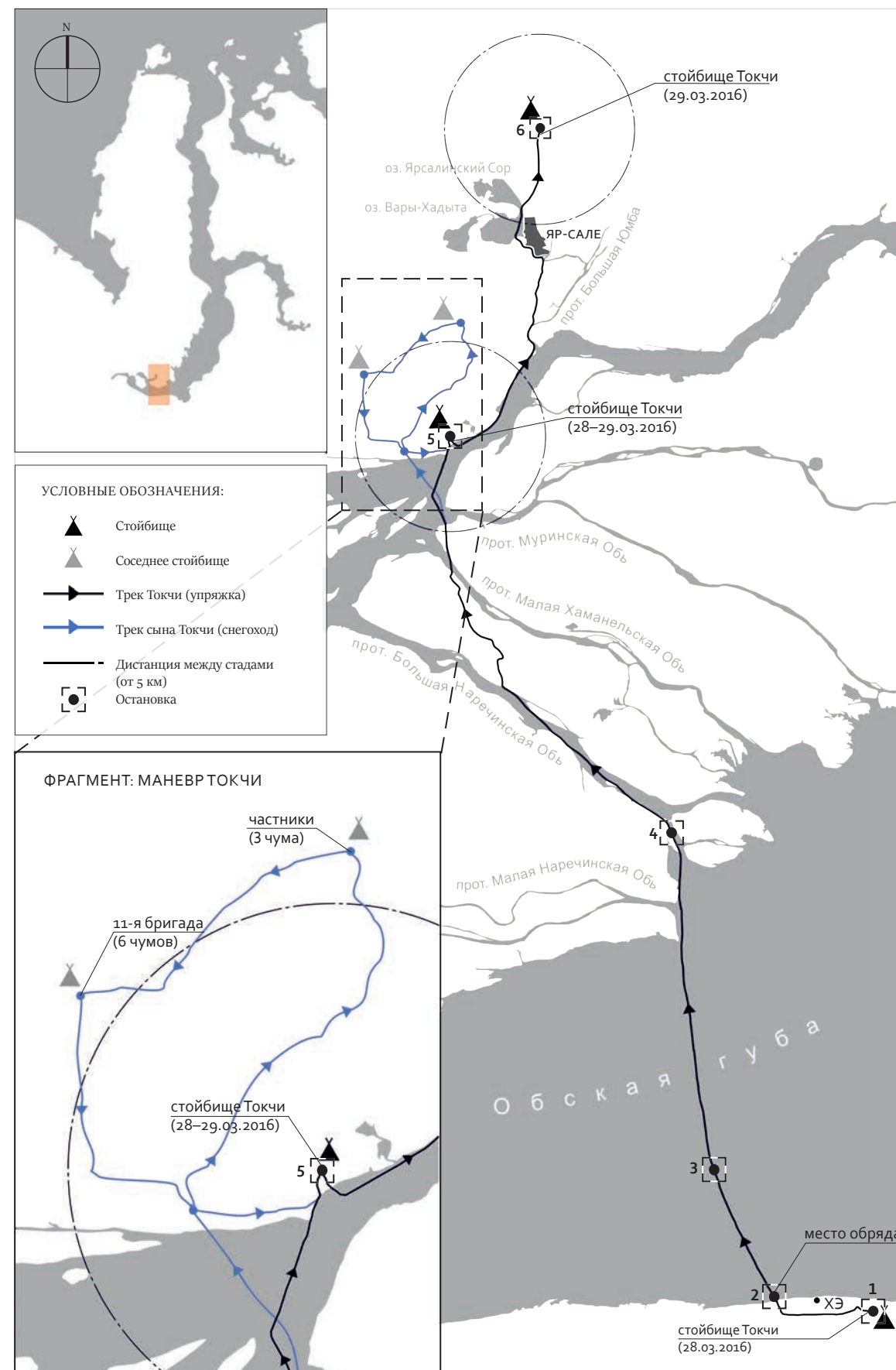

Рис. 15. Трек перекочевки Токчи через Обскую губу

в соседний лес, все будет удобно; а если вечером прикаслаешь, там ничего не видно, даже куда чум ставишь, руками все щупаешь».

Токча вел свой *мюд* (караван) быстро, но не загоняя оленей; при этом не останавливаясь на разговоры с проезжающими на снегоходах соседями (исключением было короткое священнодействие в честь духа вод при спуске на лед). Проезжавшие навстречу и попутно снегоходы с прицепленными к ним аргишами вызвали неодобрительную реакцию Токчи: он считает, что снегоходное каслание — «нечестное». Караван можно вести по-разному. Есть «ленивые караваны» (*мюсьюкова*), есть быстрые каслания (*сата мюсева*). Токча миновал 60-километровое «море» всего за 8 часов (с остановками общей длительностью 2 часа). Перед его выездом на ямальский берег его сын Андрей едва успел провести снегоходную разведку берега.

Перекочевка через Обь рассчитывается так, чтобы выйти на свободный участок прибрежной тундры. Когда переваливал Токча

(27 апреля), ямальский берег был уже занят северными бригадами и частниками, хотя, следуя правилам, они пользовались береговой полосой только для «подскока» (ночлега после перевалки), на следующий день отступая вглубь тундры. Выехавший на берег на снегоходе Андрей сразу увидел оленей по всему горизонту, отцепил грузовую нарту и налегке посетил ближайшие стойбища. Это были стоянки перекаславших накануне 11-й бригады (слева 6 чумов) и частники (3 чума). Последние оправдали свою медлительность (с отходом с береговой линии) тем, что у них «слабые олени», но согласились «убрать быков» (отогнать для прохода стада Токчи) и предложили «выпить кружку чаю». Андрей не промедлил ни минуты, отказался от чая и поспешил наперерез отцу, чтобы предупредить его о ситуации на берегу. Токча на ходу принял решение о смене курса и направился на ночлег на свободный остров Нагорный (все другие варианты грозили смешением стад).

Рис. 17. Прогон стада мимо Яр-Сале

Рис. 16. Выход аргиша на акваторию Оби

Нагорный был свободен не случайно: это болотистая травянистая местность, почти лишенная ягеля. Выбирая место для стойбища, оленевод соскакивает с нарты или снегохода и первым делом зарывается в снег (иногда снаружи видны только его меховые кисы), раскапывает его до почвы и проверяет, есть ли ягель и зеленая трава, которую едят олени. Пригнав стадо, он наблюдает, зарылись ли олени мордами в снег. Если да, все в порядке: они едят, им нравится место; если они идут, значит, место им не нравится; если лежат, значит, место неплохое, они отдыхают и переваривают пищу; сочетание копания и лежания — отличная характеристика места (так на практике работает *ты"ил* — «оленье мышление» ненца). На Нагорном олени сразу разбрелись в поисках зелени под снегом, и Токча торопился со сном, чтобы раньше встать.

В тот же вечер к нему нагрянули гости из поселка — родня. Кажущееся несвоевременным гостевание, тем не менее, имело практический смысл: Токча получил из первых рук сведения о расположении уже переваливших на Ямал оленеводов; кроме сведений от родни он через звонки знакомым и знакомым знакомых уточнил состояние одного из предпочтительных для следующего стойбища места поблизости от Яр-Сале. Это один из важных эпизодов сегодняшних отношений и связей в тундре. При появлении стойбища к нему

немедленно едут родственники из поселка, и помимо угощений везут новости о диспозиции стойбищ. Обмен сведениями важен для выбора удобного стойбища (для поселковых дел) и последующих ходов.

Утром Токча собрал стойбище в аргиши и быстро двинулся в избранном направлении. Он вел караван и стадо прямо по зимнику (зимней дороге Яр-Сале–Салехард), и проезжающие машины испытывали затруднения с проездом (что ничуть не смущало Токчу). Мало того, он прогнал свое стадо чуть ли не по улицам райцентра — по очищенной грейдерами площадке для предстоящих праздничных гонок. Из комментариев Токчи и взглядов зевак было понятно, что это не совсем обычный вариант каслания, но Токча избрал его как ход на опережение, чтобы занять едва ли не последнюю удобную для стойбища позицию.

Выбор удобного стойбища поблизости от Яр-Сале дал Токче возможность не только полноценно поучаствовать в Дне оленевода, но и быстро завершить всякого рода дела в райцентре (закупка продуктов, оформление различных документов, разрешений, справок). Скоростные способности, вероятно, передаются по наследству: дочь Токчи Тоня — чемпионка женских гонок на оленях.

КОЧЕВОЙ МАНЕВР МАЙКО

Весенние и осенние миграции оленеводов по водораздельному хребту Ямала (*Хой*) — массовые и быстрые. Стада движутся весной на север с зимних пастбищ на летние, а осенью в обратном направлении, создавая своего рода тундровый трафик, в котором случаются пробки и аварии (смещения стад). Особенно напряженна пора начала весенних касланий после перевалки стад через Обскую губу и их скопления вокруг поселков (Яр-Сале и Панаевск) для участия в Дне оленевода, закупок продуктов и улаживания разных формальных дел. В конце марта — начале апреля в радиусе 20–30 км от поселков встают десятки стойбищ с десятками тысяч оленей, стараясь соблюдать дистанцию в 10 км от стойбища до стойбища, чтобы радиус вращения стада вокруг чума был не менее 5 км. К тому же стойбища стараются ставить в шахматном порядке для обеспечения максимального пространства для выпаса и окарауливания стад.

На время праздника строй стойбищ соответствует стартовому порядку кочевий. Крайние к северу (первыми на старте) позиции занимают северные бригады (и связанные с ними частники), которые раньше других перевалили Обскую губу; южнее встают средние бригады (и окружающие их частники); южные бригады

остаются на это время на Хэнской стороне, за Обской губой, во избежание излишней суетоки на ямальском берегу (оленеводы приезжают на праздник в поселок, но их стойбища и стада остаются на той стороне).

Скопление людей, гонки, состязания по борьбе и прыжкам, конкурсы нарядов вперемешку с рутинными делами, встречами, гуляниями (в том числе хмельными) — все это создает атмосферу праздника и одновременно напряжения. Оленеводы сравнивают этот «хаос» с состоянием коротких снов (по пять часов). По окончании праздника кочевая армада снимается со стойбищ и пускается в двухмесячную гонку, которую ненцы иногда сопоставляют с игрой в шахматы и в которой есть свои правила и отклонения.

Стартовые условия этой гонки-касания заведомо различны. Северные не только имеют фору по расположению стойбищ, но и по повадкам и выучке оленей, которые, в отличие от относительно спокойных оленей средних и южных бригад, «сами прут» на север; их приходится не подгонять, а сдерживать (оленеводы называют этот прием «держать голову стада»). Между тем средние и южные могут уйти в сторону, особенно в туман или пургу (в 2015 г. отколовшиеся в тумане олени

Рис. 18. Лов оленей

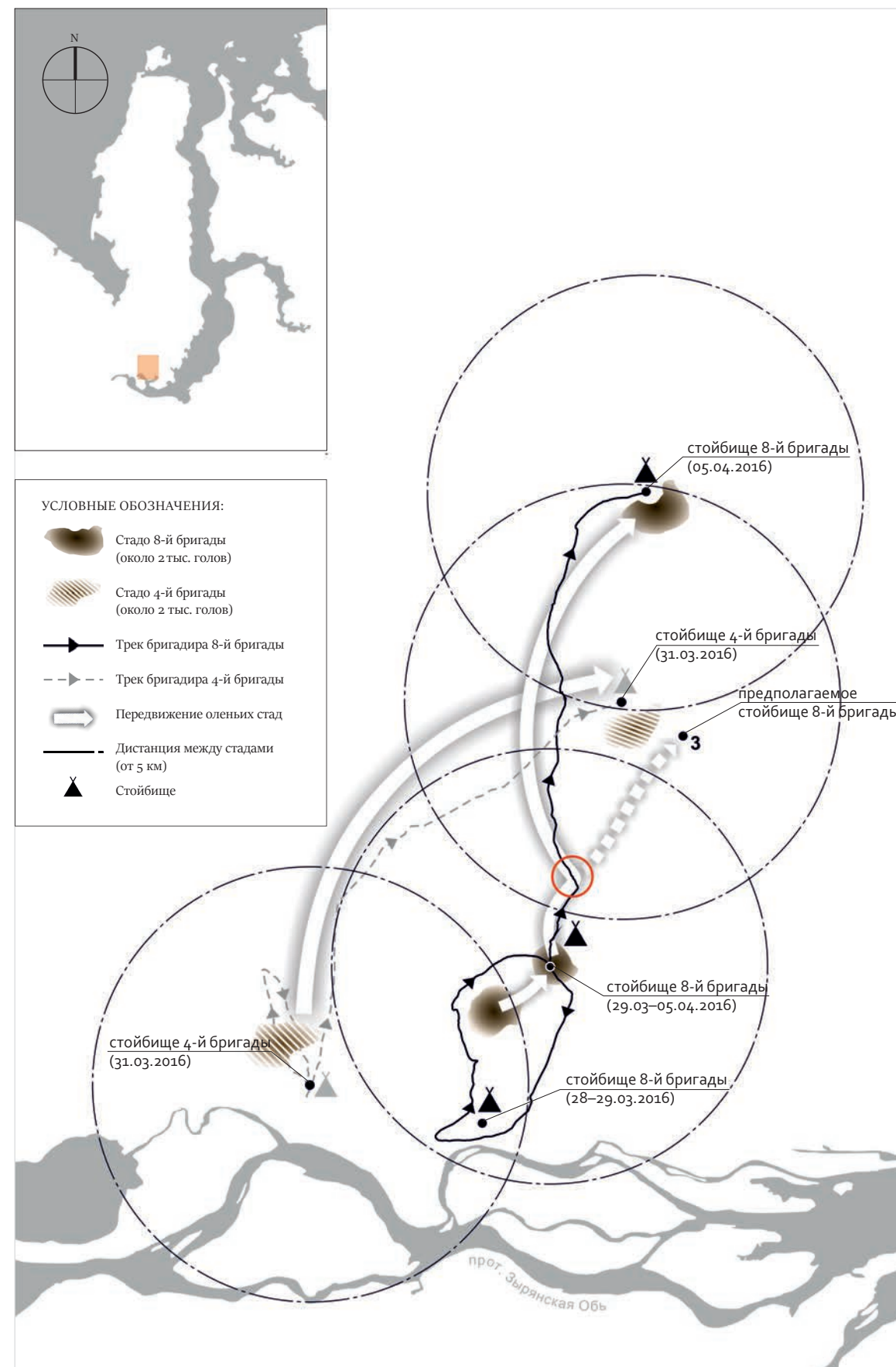

Рис. 19. Маневр 8-й бригады

Рис. 20. Бригадир 8-й бригады Майко Сэротэтто

ушли от Яр-Сале до Нового Порта). Перед стартом в день первой перекочевки, с которой начинается большой ход, бригадир объезжает пройденное недавно пространство, поскольку там могли остаться или туда могли вернуться олени его стада. За неделю праздников олени могли разбрестись, особенно если их вспугнули (если оленей вспугнуть, они возвращаются туда, откуда только что пришли). Глава кочевья — в нашем примере бригадир 8-й бригады Майко Сэротэтто — делает большой круг по солнцу, вглядываясь в горизонт и одновременно внимательно следя за следами на снегу, нет ли следа отколовшейся и ушедшей в сторону группы оленей. Он совершает объезд на снегоходе, так быстрее и проворнее; но останавливается, глушит двигатель, вслушивается и всматривается в тундру. Бригадир замечает, где находится стадо, но проезжает мимо, возвращается на стойбище и направляет пастуха (тоже на снегоходе, хотя нередко это делается и на упряжке) пригнать стадо к стойбищу.

Когда стадо подходит к стойбищу, чумы уже собраны и уложены в нарты, аргиши выстроены рядами у темных чумовищ; к нартам остается только припрячь ездовых оленей. Бригада собирает ездовых оленей в коральный круг (*ёркулава*), хозяева распределяют их по аргишам и нартам. Караван 8-й бригады отправляется в путь, бригадир ведет длинную вереницу аргишей в сопровождении стада в направлении предполагаемой стоянки на расстояние около 6 км.

Однако по ходу к нему подъезжает высланный вперед разведчик на снегоходе, который сообщает, что по ходу аргиша обнаружилось стадо оленей. Это означает, что кто-то из соседей по кочевью сделал ход-перекочевку раньше 8-й бригады и занял намеченное Майко для стойбища место или (как в данном случае) перегородил своим стадом ход на нужное место. Бригадир, не останавливая караван, закладывает левый «вираж» — в обход еще не показавшегося стада (когда оно появится на виду, может быть поздно, потому что стада движутся на сближение). Вскоре караван совершает остановку, чтобы дать возможность разведчику осмотреть новую траекторию во избежание иных нежелательных столкновений.

Вождение стад по тундре напоминает судходную навигацию, когда по пути следования необходимо не только выполнять намеченный маршрут, но и учитывать множество обстоятельств, которые могут привести к «стадокрушению» — его столкновению и смешению с другими стадами.

Между бригадами успевают проскочить частники, среди которых есть *тэта* (оленички, богатые оленеводы). За их передвижениями пристально следят, пропускают вперед и устремляются вслед. Идти впереди *тэта* или бригады мелкие частники не решаются, а маневрировать вокруг них принято так, чтобы «олений не запутать и под бригаду не попасть».

Искусство ненца-оленевода состоит в маневре со стадом в «море оленей». Навигация среди множества стад, особенно в потоке массового кочевья по хребту Ямала, предполагает умение избегать столкновений с другими стадами и при этом не отставать (опоздавший идет по опустошенным пастбищам). Успешные маневры невозможны без поддержки родни и благорасположения соседей. В родственных и межродовых отношениях оленевод должен быть столь же виртуозен, как в обращении с арканом и упряжкой оленей.

Тундровые миграции напоминают, по словам самих оленеводов, игру в шахматы; эту ассоциацию усиливает ненецкое правило

движения: «Мы кочуем в шахматном порядке, чтобы не смешать оленей». Каждый «игрок» ведет свой аргиш по хребту Ямала, стремясь опередить соседей и первым занять лучшее пастбище. Однако постоянные ходы на опережение недопустимы, и лидер кочевья на время уступает инициативу соседу, чтобы иметь основания в нужный момент (например, при выходе на отдельные пастбища) сделать критически важный опережающий ход. Традиция регламентирует попеременный выход в авангард кочевий разных бригад. В этих кочевых маневрах соединены понятия: *табеко* (правило, закон), *тасламбава* (переговоры), *пирдырма* (конкуренция).

Рис. 21. Упряжка бригадира

«ЛЕПЕСТКОВЫЙ ДИЗАЙН» ВЫПАСА

Ямал с его обширной низинной вытянутой от леса до моря тундрой задает сезонный ритм меридиональным миграциям оленеводов протяженностью до полутора тысяч километров с круглогодичным окарауливанием больших стад на оленьих упряжках с помощью собак-оленегонок. Столь масштабные перекочевки обусловлены нуждой в древесине и укрытии от ветров зимой и в северных приморских пастбищах летом, когда остальная тундра накрыта тучами комаров и оводов (удобную летнюю тундру называют «оленеводемским раем»).

Если миграционный ход по хребту Ямала напоминает гонку или шахматную игру, то летний выпас настроен, наоборот, на «ослабление вожжей» и свободный выпас: это время нагула стада на весь год, на летних пастбищах растут телята и набирают вес и силу взрослые олени. Судя по записям треков ямальских оленеводов, они выпасают стадо вокруг стойбища на площади радиусом около 5 км, каждый раз отгоняя оленей на новый участок, следующий по солнцу за предыдущим. Пастухи во время своего дежурства направляют стадо на ночь вдаль от стойбища, днем — к стойбищу. Следующий дежурный вновь отгоняет стадо километров на 5–7 от стойбища, но не точно в ту же сторону, куда они ходили прошлой ночью, а правее (по солнцу), причем возвращается стадо тоже не по своему следу, а еще чуть правее. Так возникает рисунок выпаса, напоминающий лепестки. Обычно таких лепестков вокруг стойбища оказывается 3–5, прежде чем стойбище снимется и перейдет на новое место, на расстоянии 7–10 км. Вокруг нового стойбища стадо вновь начинает описывать петли-лепестки, затем бригада кочует на новое место, и снова пасет стадо вкруговую посолонь. В этой очередности образуется «лепестковый дизайн» движения стада.

В оленеводческом «кружеве» есть целый ряд дизайнерских находок. Во-первых, это надежный способ не сбиться с учета пройденных пастбищ, а в случае потери оленя (например, покалеченного или заболевшего) вернуться к нужному месту. Во-вторых, это удобный способ сочетания природных оснований и дополнительной дрессуры стада, которое кружит «по умолчанию» (кружение вообще заложено в этологических основаниях оленя). В-третьих,

эта лепестковость (или спиральность) — дизайнерски совершенная модель пространственно-временной слитности.

Наконец, главное достоинство этого стиля движения состоит в его экологичности. Стадо, даже крупное, в несколько тысяч голов, при таком вращении не травит пастбище, а сохраняет его по ненецкой пословице *я пуна хаёда* (земля после нас остается). Залог реализации этого правила состоит в постоянной динамике — не в численности стада и не в качестве растительности, а именно в динамичной и по-своему эстетичной манере выпаса. Если то же стадо остановится (например, надолго сгрудится вокруг чумов), оно «втопчется и вроеется» в землю. Тогда с тундрой произойдет то, что передается другой ненецкой поговоркой: *яда тахабэй* (земля перевернута). По словам мастера оленеводства Сергея Сэротэтто, «когда у чума пасется большое стадо, начинается копытка». Точка Худи убежден: «Летом, чтобы олени не болели, нужно касаться через один–два дня: пастбище должно быть чистым». Нялма Худи замечает, что олени особенно страдают в жару, когда преодолевают комары и оводы, нарастает угроза заражения «копыткой» (*necrobacillosis*) и «кашлем» (*serphenomiosis*). Заметив болезнь, бригадир немедленно отгоняет больных оленей в хвост стада или отправляет больной кусок в сопровождении пастушьего чума на отдельный выпас.

Этот «кружевной стиль» создает тот самый эффект движения, который мы считаем одним из основных принципов кочевых технологий: в статике стадо губит тундру, извлекая из подтаявшей мерзлоты болезнетворных бактерий, а в динамике проходит ее благополучно и экологично, будто на воздушной подушке. Не исключено, что отмечаемый ныне экологический рост песчаных обнажений и других экологических повреждений тундры — следствие не только и не столько большого числа оленей, сколько их недостаточно мобильного и искусного вожения. Сам по себе эффект перевыпаса может быть дополнительно изучен и проанализирован с позиции мобильности, а не только формальной статистики поголовья стад.

Этот же эффект следует иметь в виду при землеотводах, в том числе отчуждении территорий под промышленное освоение. На землеустроительных картах маршруты оленеводов

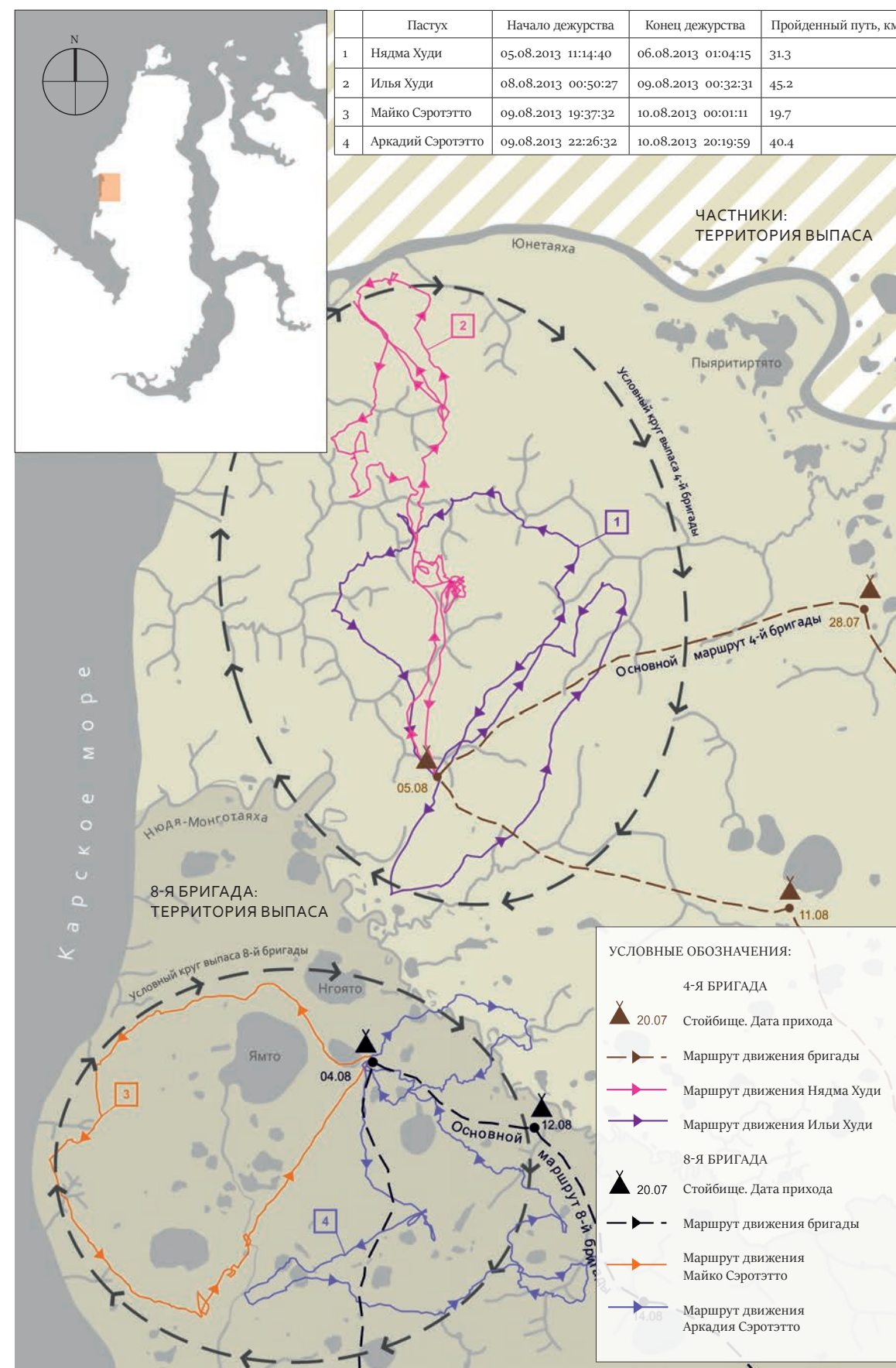

Рис. 22. Круги выпаса

прорисованы линиями. Как видно, в действительности кочевой путь — не линия, а кружево. Отвод и разграничение территорий без учета этого обстоятельства чреват потравой и истощением пастбищ.

Круговая система выпаса чем-то напоминает вращающийся маховик, который позволяет охватить большое пространство пастбищ и сберечь их кормовые ресурсы. Впрочем, этот маховик может столкнуться с подобным вращением соседнего стада, особенно в условиях тумана (пурги, гололеда, атаки волков, ошибки пастуха), что ощутимо нарушает ритм кочевий и выпаса. На «шахматной доске» кочевий многотысячное стадо представляет собой главную фигуру: оно движется быстрее мелких стад и его «маховик» охватывает огромные площади. Если большое стадо «накроеет» оленей нерасторопного мелкого оленевода, ему предстоит либо трудоемкий отлов своих оленей в огромном стаде соседа, либо покорное следование за ним (Головнёв и др. 2014:32–50).

Выпас стада вокруг стойбища составляет значительную долю миграционного движения. На стойбищах кочевники как будто пребывают в фазах статике, но на самом деле они лишь меняют формы динамики. Стадо продолжает свое безостановочное брожение, но следует не по маршруту каслания, а по «лепестковому» кружеву выпаса вокруг стойбища. Оленеводы продолжают отчасти кочевать: один из пастухов каждый день выезжает караулить стадо, в течение суток следит за ним и движется с ним; если стойбище состоит из двух чумов (или одного чума с двумя семьями), то взрослые мужчины попеременно кочуют с оленями, лишь на время возвращаясь в чум. Этот ритм каждодневного отправления-возвращения обеспечивает не только смену пастухов, но и контакт людей с оленями (что важно во избежание «одичания» оленей), наблюдение за их упитанностью и здоровьем, ростом телят, состоянием шкур и рогов.

Контроль за движением этого «маховика» в динамике миграций и контактов составляет заботу главы кочевья (бригадира). Искусство тундровой навигации напоминает судовождение со своими специфическими лощиями, фарватером и мелями, но при этом ведомый караван не ограничен бортами; вернее, роль бортов играют регулярные рейды и дежурства караульчиков стада. Ведение стада по маршруту — навигационное искусство, предполагающее владение экологическими и социальными технологиями. Не случайно

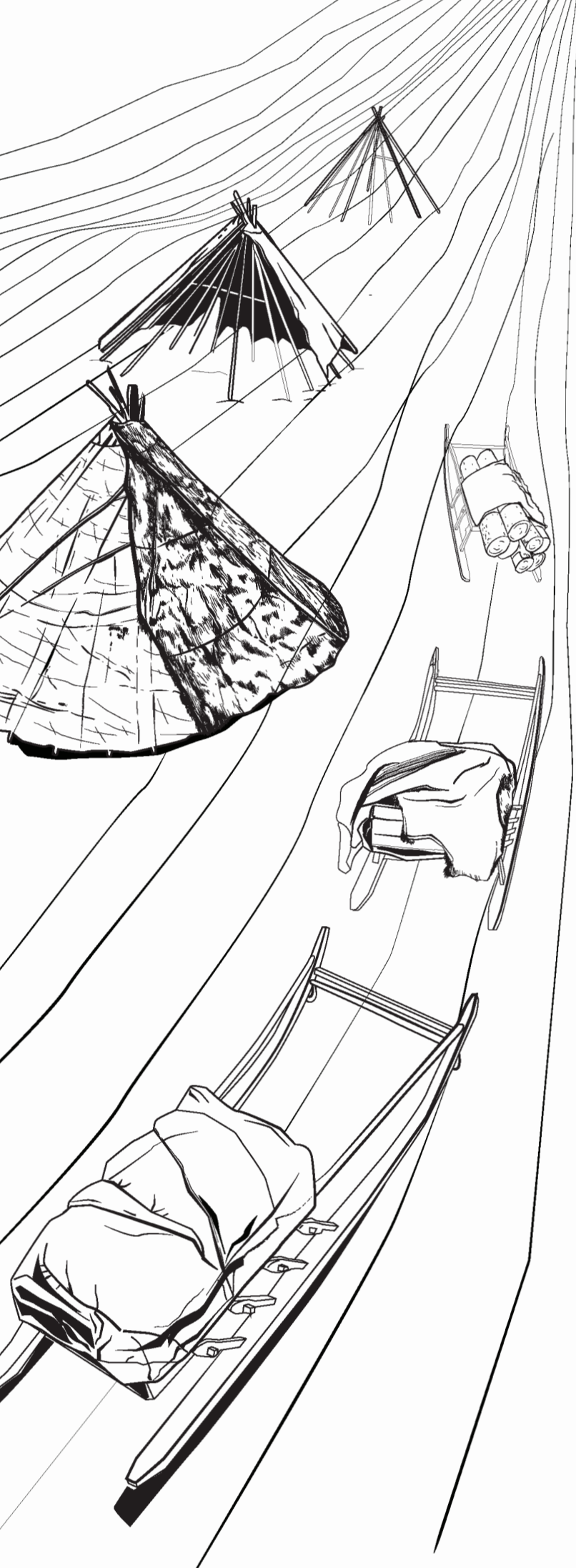
трек бригадира обычно протяженнее трека рядового пастуха, поскольку он охватывает не только стадо, но и обширное пространство окрестностей. Именно бригадиру принадлежит право и ответственность поддерживать контакты и улаживать конфликты с соседями, встречаться и вести переговоры с ожидаемыми и непрошеными гостями (в том числе промышленниками и торговцами).

Бригадир может не только исправно выполнять свои обязанности и поддерживать традицию кочевания, но и проводить эксперименты, как это сделал Сергей Соокович Сэротэтто с технологией «бесчумного выпаса». Летом после отела стадо делится на две части — стада важенок с новорожденными телятами и остальных (ездовые быки, производители, прошлогодний приплод), которые пасутся отдельно: важеньки в удобной пойме поодаль от стойбища, быки и прочие неподалеку от чумов. В летнее «комарное» время на пойме с утра до полудня туман, что создает благоприятные условия для роста оленят. К ним ежедневно выезжают два пастуха, причем дежурные меняются не в чуме, а в стаде. Трудозатраты на этот сложный выпас больше, но и эффект впечатляющий: например, стадо 8-й бригады за одно лето увеличилось с 2 500 до 3 900 голов, поскольку от 1 500 важенок было получено и сохранено 1 400 телят (в отличие от обычных 60%). Впрочем, этот «сказочный приплод» (по выражению бригадира) требует соответствующей системы реализации продуктов оленеводства, во избежание кризиса перепроизводства, экологического дисбаланса и деградации пастбищ.

«Лепестковый дизайн» — в основном летний рисунок выпаса стада, хотя и в другие сезоны олени и оленеводы предпочитают круговое движение по солнцу; эта особенность отражена в обрядности ненцев, где для разного рода обходов и объездов задан вектор «посолонь», а обратное направление считается «болезнетворным» и «смертоносным». С учетом того, что лето — период максимальной нагрузки на пастбища, можно считать этот алгоритм движения экологически выверенным по ненецкому правилу *я пуна хаёда*. Важным принципом действия этого алгоритма является безостановочное движение стада, вернее, соблюдение излюбленного оленями ритма брожения-лежания оленей с долями (в зависимости от погоды, размера стада, внешних обстоятельств): «2 часа идут, 2 часа лежат», «1 час идут, 1 час лежат» и т. п.

Рис. 23. Арёалы выпаса 4-й и 8-й бригад

КОЧЕВОЙ ТРАНСФОРМЕР

Кочевье — стойбище

Мобильный модуль

Оптимальное стадо

Гендерные ритмы и треки

КОЧЕВЬЕ — СТОЙБИЩЕ

Что первично — кочевье или стойбище? — основной вопрос номадизма, который сами кочевники никогда не задают. Для них стойбище (*чэсы*) и кочующий караван (*мюд*) — не два противоположных состояния, а ритм жизни. Для кочевника они неразделимы в их естественном чередовании: как караван немислим без остановки, так и стойбище предполагает кочевье. Слова *мю* (кочевка) и *мя* (чум) созвучны, будто доли одного ритма.

В языке ненцев-кочевников, в отличие от языков оседлых народов (например, русском или английском), последним в предложении стоит непременно глагол. Скажем, выражение «по дороге движется караван» звучит по-ненецки *сехэрэвна мюд мица* — букв. «по дороге караван движется». Так выглядит и жизненная динамика: у ненцев событие завершается не существительным-итоном, а глаголом-действием. Иначе говоря, движение-действие оказывается опорной категорией, если угодно состоянием по умолчанию. На бытовом уровне это заметно в том, что мужчина и женщина чувствуют себя уютно, в покое, если не бездельничают (это вызывает тревогу),

а выполняют какую-то работу (например, женщина шьет, мужчина строгает нарту). В жизненной онтологии картина примерно та же: у ненцев нет окончания движения в виде финального покоя, поскольку покойники тоже кочуют по своей потусторонней тундре; нет и исходного состояния вне каслания, поскольку младенец кочует уже в утробе матери (вместе с ней на женской нарте), а иногда рождается прямо в пути; в этом случае ему дают имя *Мюсена* (рожденный в кочевье, букв. «кочующий»).

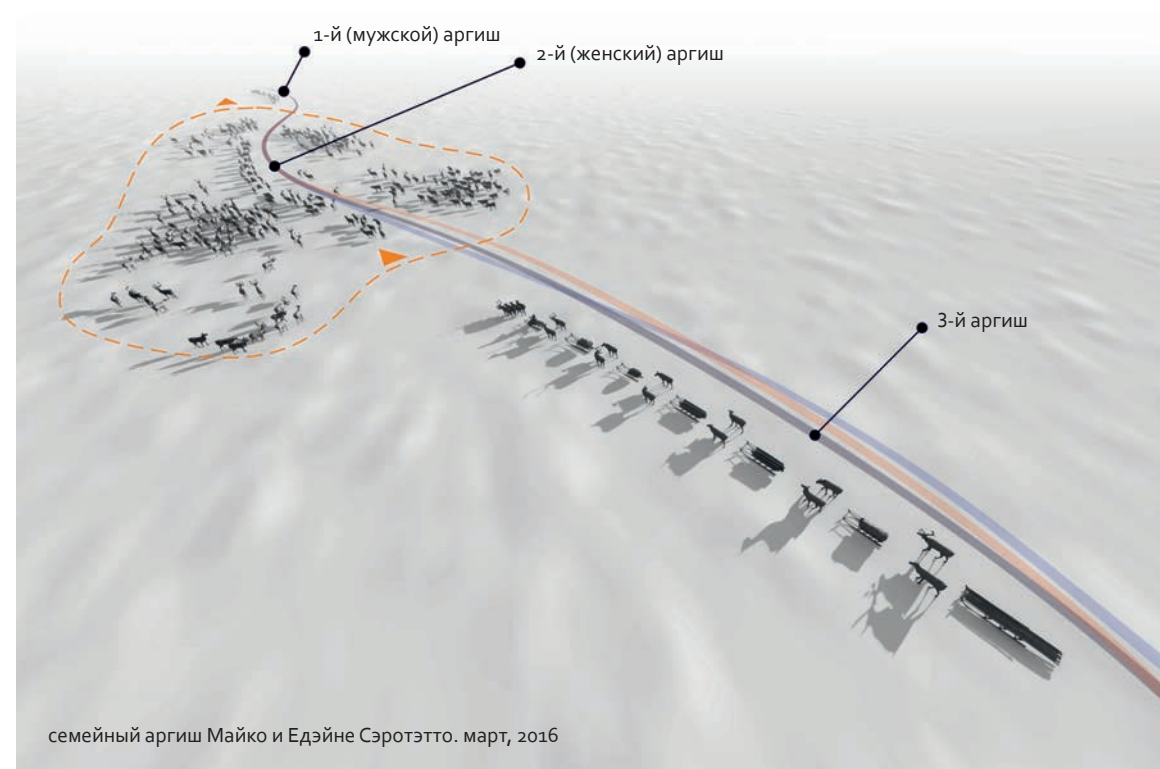
Вся ненецкая культура — кочевой трансформер, перемещающийся в пространстве-времени и меняющий свой облик в разных ритмах и измерениях. В годичном цикле трансформация состоит в смене конфигурации тундровых кочевий от зимы к лету (зимой они сосредоточены в южной тундре и лесотундре, летом — рассредоточены по просторам тундры с захватом ее северных и приморских окраин). В точке перехода от лета к зиме, называемой *по* («дверь»; так же обозначается и весь год), происходит замена летнего снаряжения на зимнее; тем самым кочевье

Рис. 25. Обозначение места нового стойбища

Рис. 26. Аргиш в пути

семейный аргиш Майко и Едэйне Сэротэтто. март, 2016

Рис. 24. Движение семейного каравана

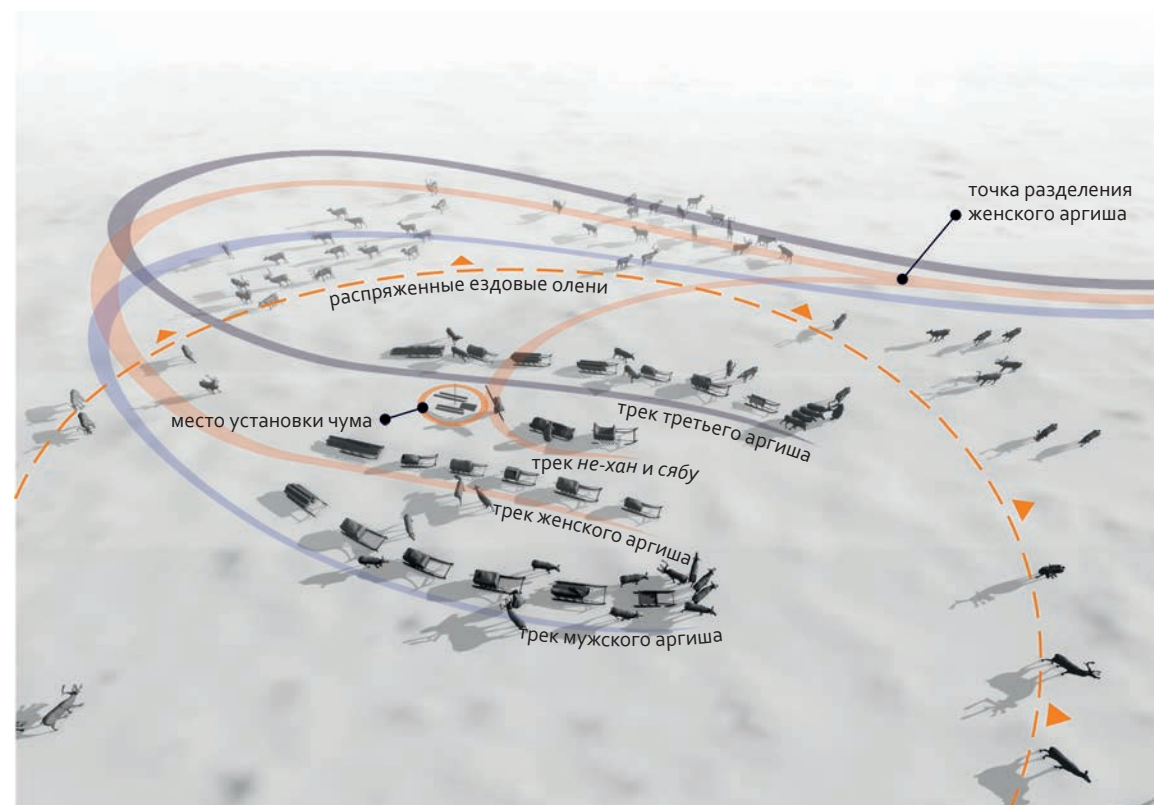

Рис. 27. Заворот каравана на новое стойбище

полностью переодевается и переоснащается. В повседневности самым очевидным выражением трансформера является превращение кочевья в стойбище и наоборот. Если принять за норму 120 перекочевок в год, то получится, что усредненный ритм этой трансформации равен двум долям стойбища и одной доле кочевья (два дня остановки, один день перекочевки), а полный пространственно-временной оборот стойбище–кочевье–стойбище составляет три дня. У малооленных и краткомаршрутных хозяйств этот ритм может составлять 5–7 дней. Кроме того, зимой ритм значительно (на порядок) замедлен — на это время приходится своего рода «сон кочевья».

Главным средством кочевья (не считая людей и оленей) является нарта (хан) и нартенный караван (мюд, аргиш), основным элементом стойбища — чум (мя), хотя нарты выполняют функции интерьера и на стойбище. Например, продуктовые нарты (нянь-хан, намзи-хан, ларь-хан) служат наружными хранилищами хлеба, мяса, рыбы и другой пищи, а нарты с одеждой и шкурами — удобной уличной кладовкой. Тем самым мюд никогда полностью не распаковывается; караванная упаковка продуктов и запасной одежды надежна и практична на стойбище (особенно

в ненастье), а по необходимости используемое в быту имущество может быть мобильно заменено и пополнено из стоящих вокруг чума нарт. Таким образом, интерьером стойбища можно считать не только чум, но и окружающие его нарты (остановленный и уютно расставленный обоз). Соответственно, распределение вещей по нартам имеет смысл не кратковременного перевоза, а постоянного хранения. Даже если нарта полностью освобождается от груза (например, с нутто снимаются чумовые шесты), она все равно «не расстается» со своим содержимым: нутто приставляется к чуму снаружи (со стороны си), подпирает шесты чума и служит то вешалом для сушки мяса или рыбы, то, в случае нужды, лестницей к верхушке чума.

Караван ведет глава (ерв) кочевья. Он первым выезжает со стойбища на запряженной четверкой или пятеркой оленей легкой нарты нэдалёсь, за которой следуют мюд-хан (нарты обоза); эти нарты идут друг за другом; каждую тянет пара обозных оленей (мюд"ты). Собственный мюд главы кочевья включает несколько нарт: хэхэ-хан (священная нарта), пи-хан или пэхэрэй-хан (нарта с дровами), на-но-хан (нарта с лодкой — летом), поң-хан и яң-гу-хан (нарты с сетями и капканами), вандако

Рис. 29. Крепление шестов *ти*

Рис. 30. Заготовка дров для очага

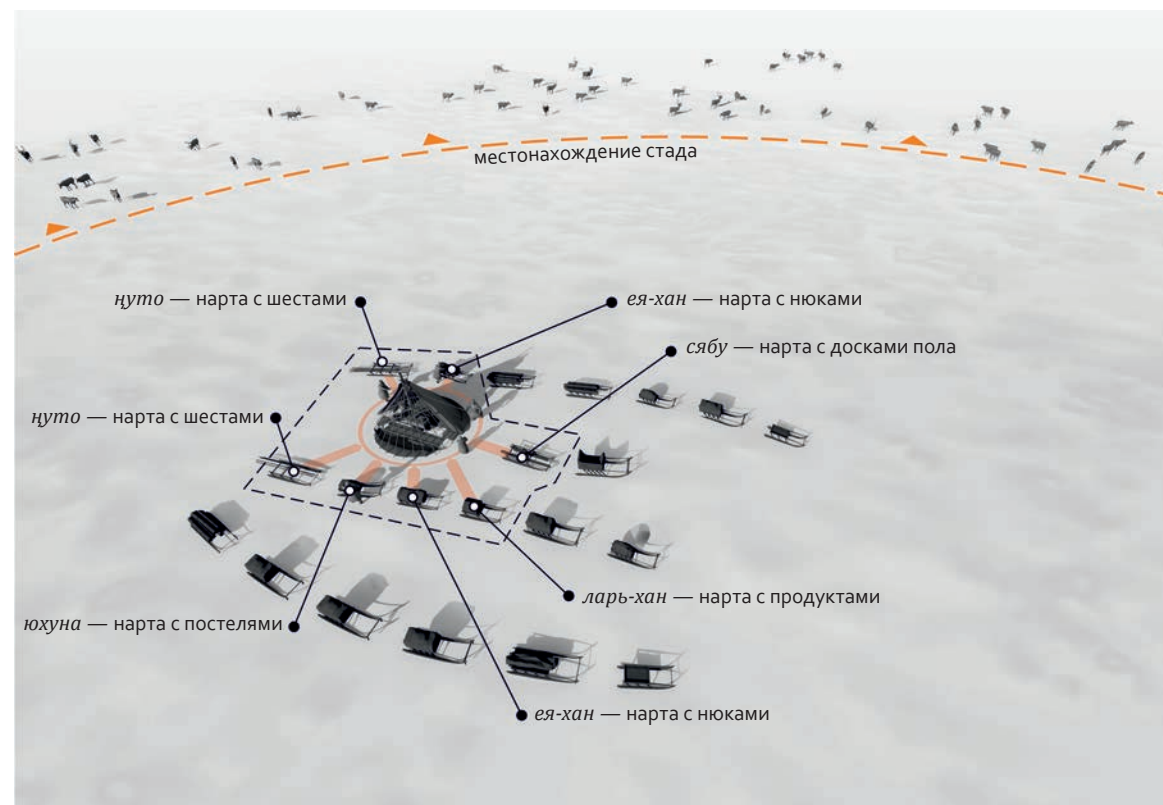

Рис. 28. Распаковка нарт, установка чума

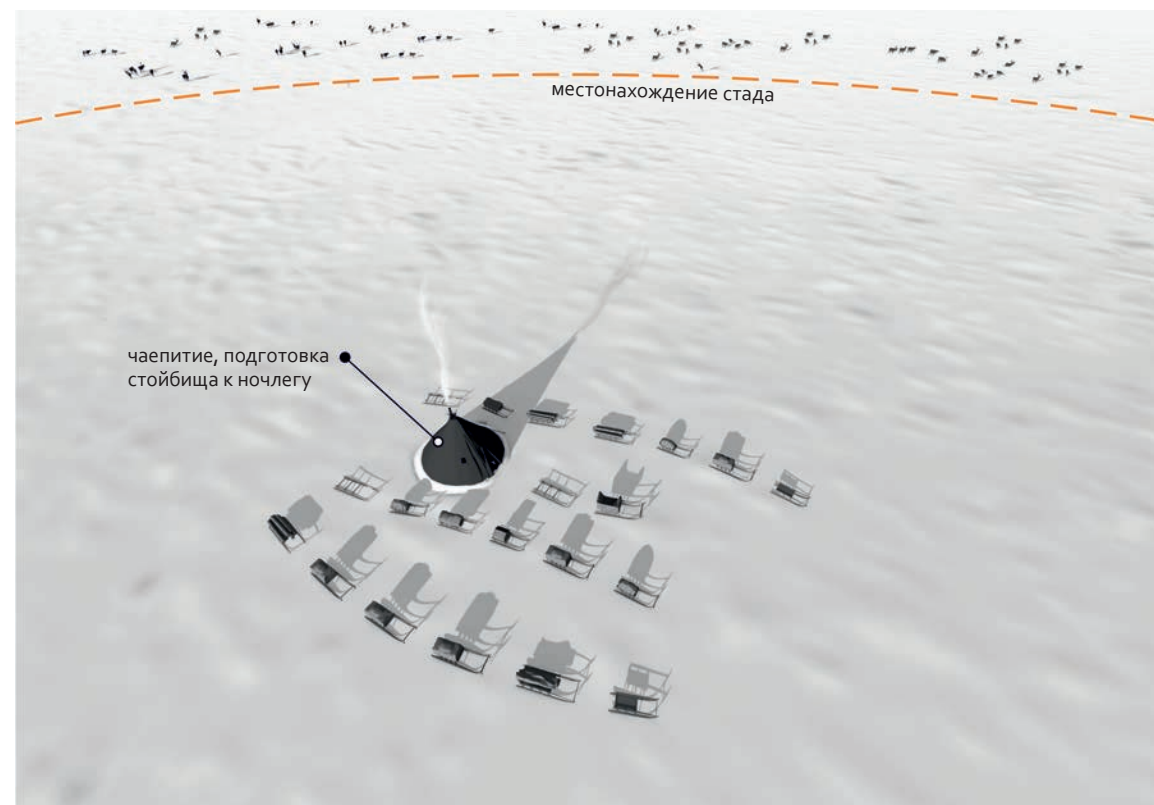

Рис. 31. Отдых на стойбище (вечер)

(с провизией), *хурумы* (с инструментами и заготовками для нарт). За *мюд* главы семьи следуют аргиши взрослых членов семьи, состоящие из 6–9 грузовых нарт. Женский *мюд* начинается с крытой наподобие кибитки *не-хан* (нарти для женщин и детей), за которой идут *сябу* или *ся* *мэй-хан* («грязная» нарта для половых досок чума, циновки из прутьев, очажного листа и женской обуви), *ларь-хан* (для продуктов), *намзи-хан* (мясная нарта), *юхуна* (для постели, пологов и домашней одежды), *ея-хан* (для верхних нюков), *вандако* (для одежды и шкур), *нүто* (для шестов от чума, котлов и нижних нюков), иначе называемая *ямб-хан* (длинная нарта, с которой свисают шесты чумов). Общий *мюд* семьи может включать 4–5 аргишей, а общий семейный караван заметно удлиняется за счет того, что вместо одной *нүто* оказывается две, вместо одной *вандако* — три: *нарка вандако* (для верхней мужской и женской одежды), *ер вандако* (для выделанных шкур, меховых мешков, заготовок), *нюдя вандако* (для невыделанных шкур). Это зависит от того, какой чум кочует — большой (широкий, богатый) или иглоподобный (узкий, бедный).

Когда стойбище, состоящее из нескольких чумов, преобразуется в кочевье, нить каравана

растягивается от горизонта к горизонту, иногда на несколько километров. В этот момент возникает ассоциация кочевого трансформера с гигантской змеей, сворачивающейся в клубок на стойбище и разворачивающейся во всю длину в движении. Примечательно, что при перекочевке стадо не надо гнать — олени охотно пристраиваются к каравану и движутся вместе с ним. Кочевье оказывается самым органичным способом сосуществования и совместного движения людей и оленей.

Кочевье сжимается в стойбище так же впечатляюще быстро, как разворачивается. Глава кочевья втыкает свой хорей на месте нового стойбища, и тут же вслед за ним к месту стойбища подходят и в привычном порядке располагаются другие аргиши. Расстановка нарт на новом стойбище имеет свой порядок: куда бы ни направлялось кочевье, при остановке нарти ставятся носами на восход (иначе стоят только нарти покойников); кроме того, женские нарти (*не-хан* и *сябу*) не должны пересекать пространство *си-няңы* (условная линия, идущая от очага к священному шесту симсы и далее на закат). Кстати, на каждой стоянке нарти непременно разворачиваются носами на восход. Аргиши с нартами, перевозящими чум — *нүто* (жерди) и *ея-хан* (верхние

Рис. 33. Загон стада

Рис. 34. Выбор упряжных оленей

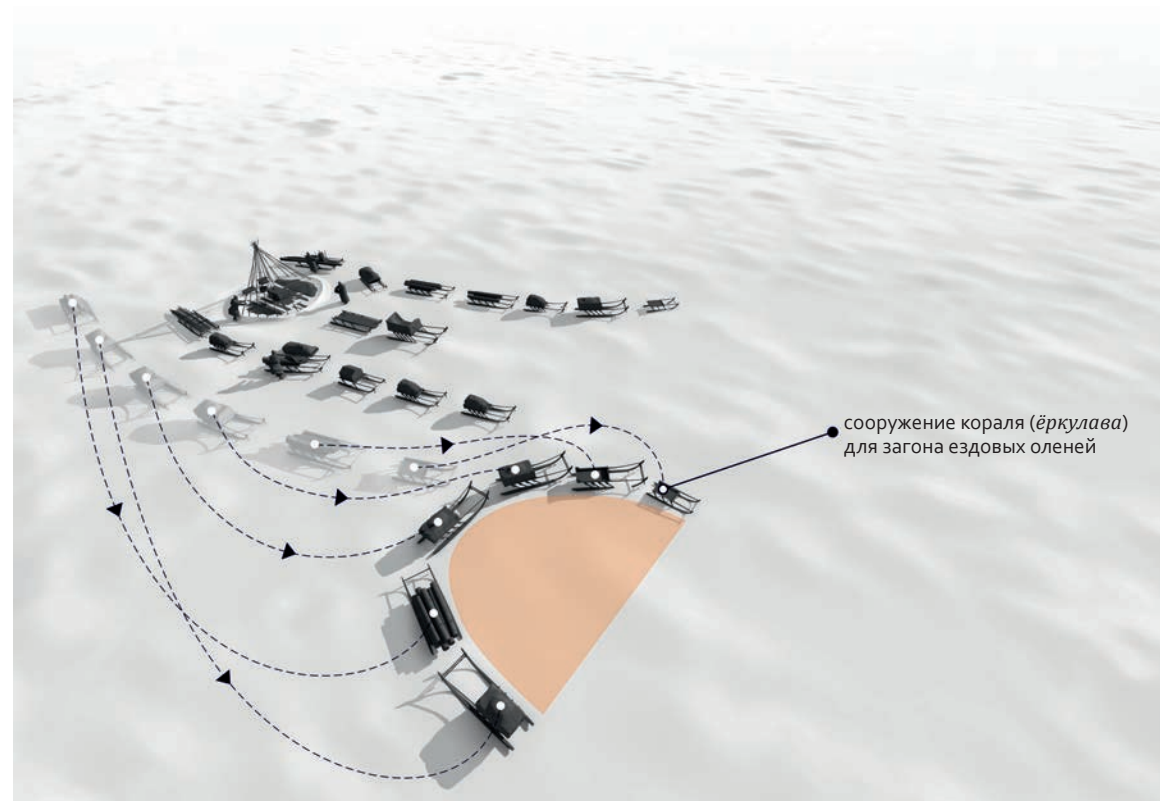

Рис. 32. Подготовка стойбища к кочевью (утро)

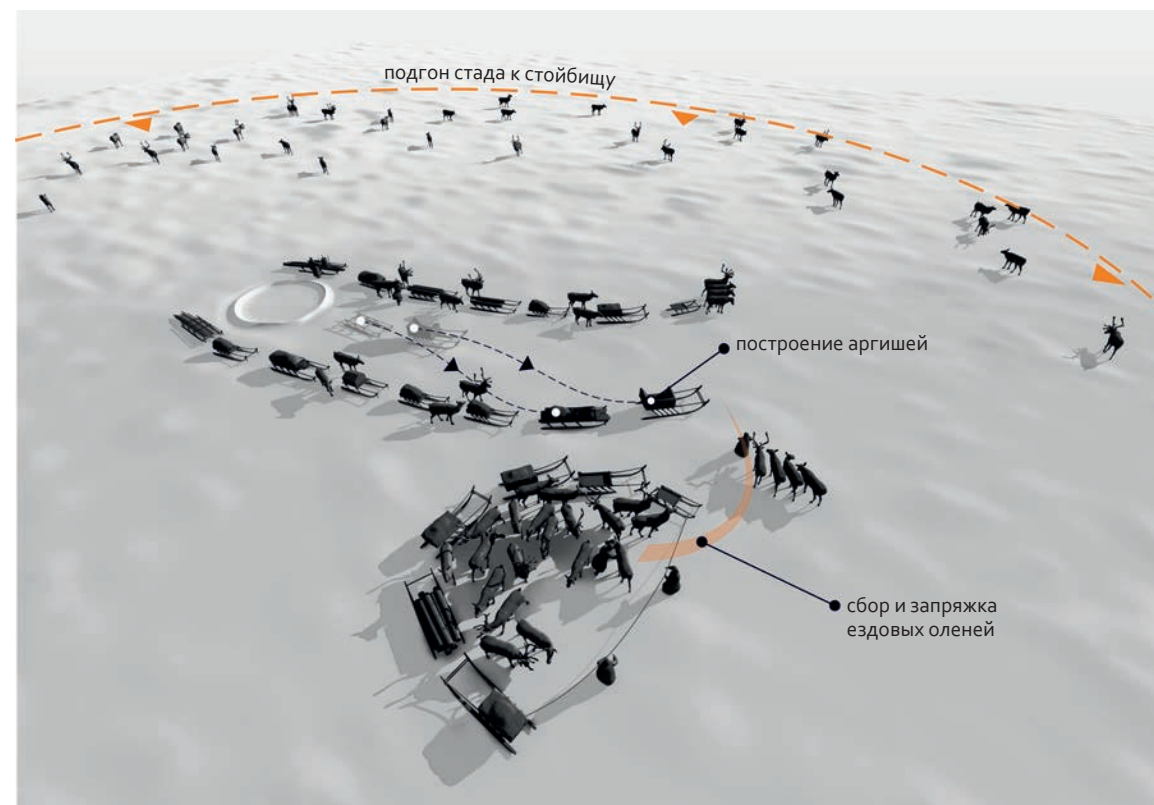

Рис. 35. Преобразование стойбища в кочевье

нюки) — огибают место будущего чума с обеих сторон и останавливаются в нескольких шагах от окружности его основания.

У стойбища, как и у аргиша, есть свой эластичный, но устойчивый шаблон: независимо от частоты постановки на новом месте (до 120 раз в течение года) и от особенностей ландшафта (или с незначительной поправкой на ландшафт), оно, будто по трафарету, приобретает привычный облик и упорядоченную структуру. Все чумы выстроены легкой дугой, обращены входами на восход; все нарты сгруппированы в определенном порядке вокруг своих чумов и обращены носами в ту же сторону. Этой структурой все ненецкие стойбища похожи друг на друга, и только сами ненцы способны сразу уловить особенности внутреннего устройства различных стойбищ. От такой упругости и повторяемости форм создается впечатление, что «архитектура» стойбища привязана не к конкретной местности, а к условной тундровой подоснове, и больше ориентирована на большое пространство, в котором важны координаты восход-закат, чем на локальную нишу, в которой значимы склоны и водоемы. Иначе говоря, для тундрового стойбища важнее его место в цепочке кочевого пути, чем в точечном локусе,

и ненцы выбирают для стойбища место, максимально соответствующее заданному шаблону. Существенное значение для этого выбора (обычно повторяющегося на устойчивых маршрутах), помимо учета близости водоема, зарослей кустарника, ветрового и снежного режима, имеет обстановка взаимодействия людей и оленей: стойбище располагается на ровной возвышенной площадке для удобства обзора окрестностей и загона стада оленей (с учетом его величины).

Механизм кочевого трансформера работает ритмично и эффективно в тундровой экологической и социальной среде. В иной обстановке, или с изменением условий, он может давать сбои. Так происходит, когда тундровые ненцы перегоняют стадо по тайге или в «индустриальных джунглях» крупной промбазы (например, Бованенково). Впрочем, как показывает практика, опытные оленеводы способны регулировать механизм трансформера, адаптируя его к новым вызовам и обстоятельствам.

У кочевого трансформера есть свой ритм, вернее несколько ритмов в слитном пространстве-времени — годичный, полугодовой, сезонный, месячный, суточный, — в которых соучаствуют люди, олени, природные явления и общественные события.

Рис. 37. Ручной олень (馴鹿)

Рис. 38. Чаепитие перед кочевкой

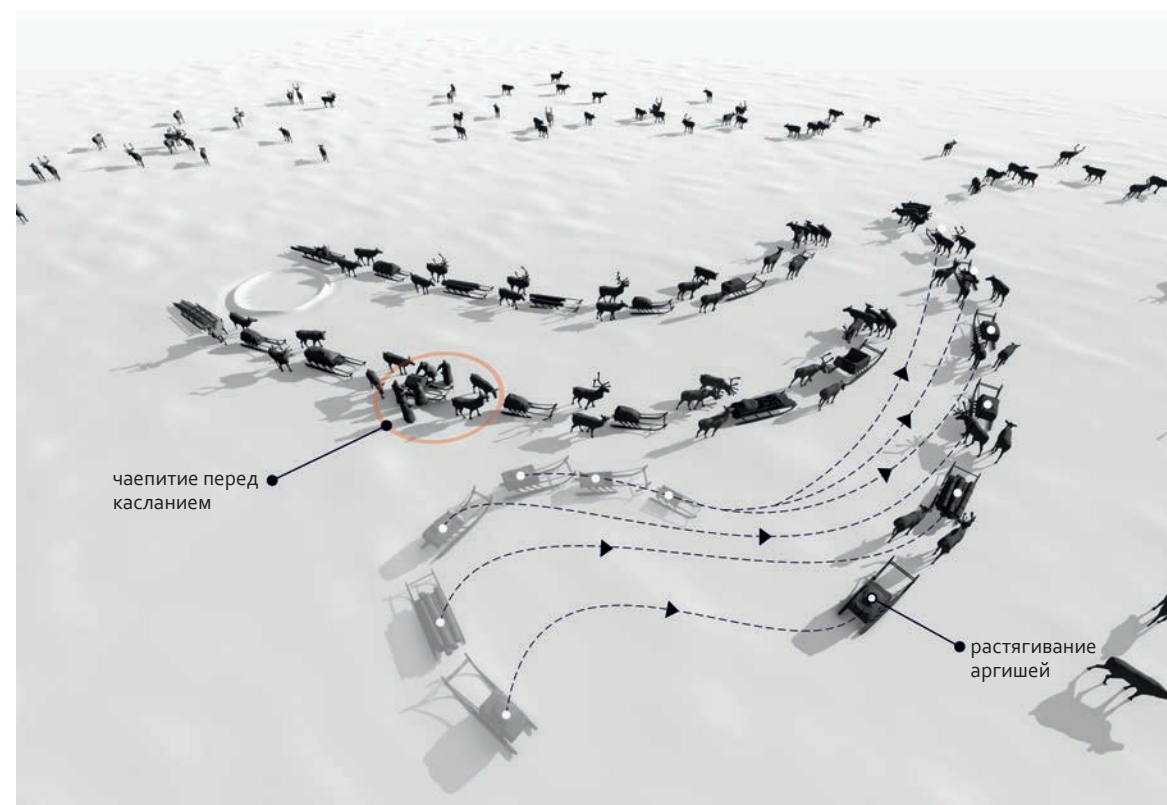

Рис. 36. Построение каравана

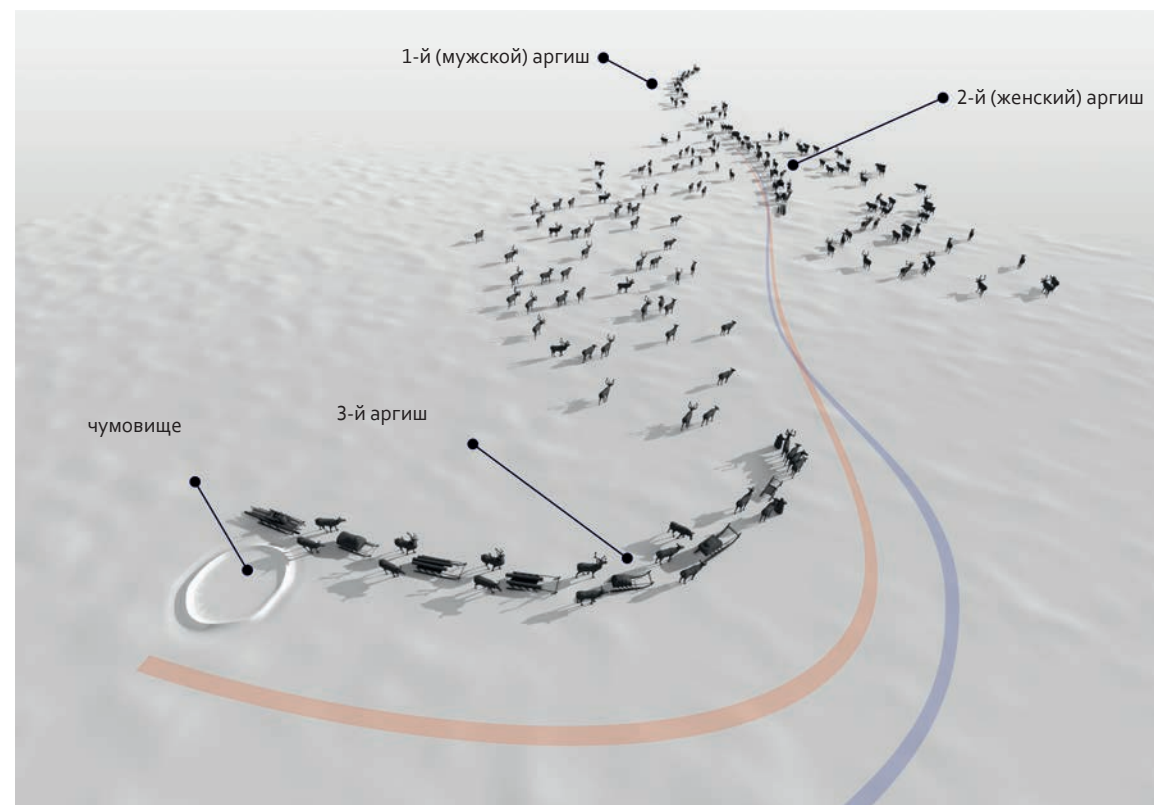

Рис. 39. Старт кочевья

МОБИЛЬНЫЙ МОДУЛЬ

Слово *мю* (*мюсева*) означает кочевку (перекочевку), а *мюд* — караван грузовых нарт, олений обоз; по-зырянски он называется *аргиш* (это слово часто используется на Севере). У М. Фасмера этимология слова *аргиш* (*аргыш*) соотносится с коми *argyš* (олений обоз), что не исключает его заимствования из тюркского (ср. уйгур. *argyš* — караван). Слово *мя* означает мобильное жилище из поставленных конусом жердей, покрытых нюками из оленьих шкур. В русский язык оно вошло под названием «чум», происходящим из языка пермян (коми *t'som*, удм. *tšum*).

В этой паре *мю/мя* или *аргиш/чум* сочетаются доли динамики и статики, хотя свойства эти относительны: в перекочевке выражена прежде всего мобильность миграции, тогда как персональная телесная подвижность ограничена (люди сидят на нартах и правят упряжками); напротив, на стойбище физическая мобильность (и деятельная активность) женщин и детей резко возрастает. Автономной социальной единицей, располагающей всем необходимым для самостоятельного существования, является *мяд-тер* (семья, букв. «обитатели чума»). Однако каким бы множеством движений ни наполнялась жизнь стойбища и чума, основным мобильным модулем служит *мюд* (*аргиш*), поскольку именно он обеспечивает автономию и дееспособность кочевого сообщества и его основных ячеек — кочевых семей — в пространстве-времени тундры. Проще говоря, караван включает в себя чум, а чум представляет собой лишь часть *аргиша*.

Мюд — своего рода матрешка: индивидуальный *аргиш*, который есть у каждого взрослого человека, насчитывает 6–9 нарт; семейный *аргиш*, состоящий из *аргишей* взрослых членов семьи, числом 20–40 нарт (в зависимости от размеров семьи); стойбищный *аргиш*, в который входят *аргиши* всех семей, включает до 150–200 нарт. Трудно сказать, какой из этих *аргишей* служит основным (или нуклеарным) кочевым модулем, отвечая требованиям минимальной самодостаточности. Сам принцип автономной мобильности предполагает возможность ситуативного схождения и расхождения этих *аргишей*; каждая семья (*мяд-тер*) может отделиться от прежнего стойбища и уйти в собственное кочевье — для этого у нее есть все необходимое, от чума до запасов пищи и топлива. Единственное, что не позволяет сделать

это в любой момент — общее стадо; для отлова и отгона своих оленей из объединенного стада необходимо не только собственное желание, но и добрая воля соседей, с помощью которых это сложное действие возможно.

Забота о благополучии оленей, привыкших держаться общим стадом, нередко делает партнерами даже не слишком расположенных друг к другу людей. Конкуренция считается едва ли не обычаем среди ненцев, и скрытое соперничество служит одним из драйверов их движения (у ненцев есть на этот счет поговорка: «У нас рога большие, они нам жить мешают»). Особенно это заметно при сборах стойбища, когда обитатели каждого чума внимательно следят за соседями, стремясь не опоздать с отправкой. Дружные спутники (среди которых обычно один ведущий, другой ведомый) говорят о себе: «Мы, когда каслаем, во всем сходимся, мы — в один шаг (*һоной еһга*)». Кочевники с разным темпераментом обычно расходятся порознь, избегая разладов и конфликтов.

Ненецкое кочевое сообщество состоит из относительно автономных ячеек (семей, кочевых хозяйств), которые передвигаются не сплоченными массами, а эпизодически или сезонно обособляются, разъединяются, меняют партнеров. В течение года кочевая семья может примкнуть к летнему *һоб' һэ-сурма* (объединенному стойбищу, насчитывающему до дюжины чумов) или обособиться и двигаться самостоятельно в виде весеннего *һарава* (отдельное) или осеннего *тэраһу* (отделившееся). Ныне коллективы кочующих семей более устойчивы (благодаря совхозно-бригадной системе), но и они комбинируют и варьируют взаимодействия. Кочующая семья может взаимодействовать в течение года с несколькими десятками других семей (в различных хозяйственных объединениях, торгово-обменных контактах и прочих совместных действиях), но при этом сохранять свою автономию и мобильность. Иногда приходится слышать, что ненцы стремятся в равной мере к объединению и разъединению, точнее, чередуют эти состояния. Существование автономного мобильного модуля обеспечивает устойчивость и надежность всей системы, поскольку взаимодействие основано на эффекте взаимоусиления, а не взаимоотягощения. Лишь самые богатые и мощные *тэта* позволяли себе

Рис. 40. Семейный караван (*мюд*)

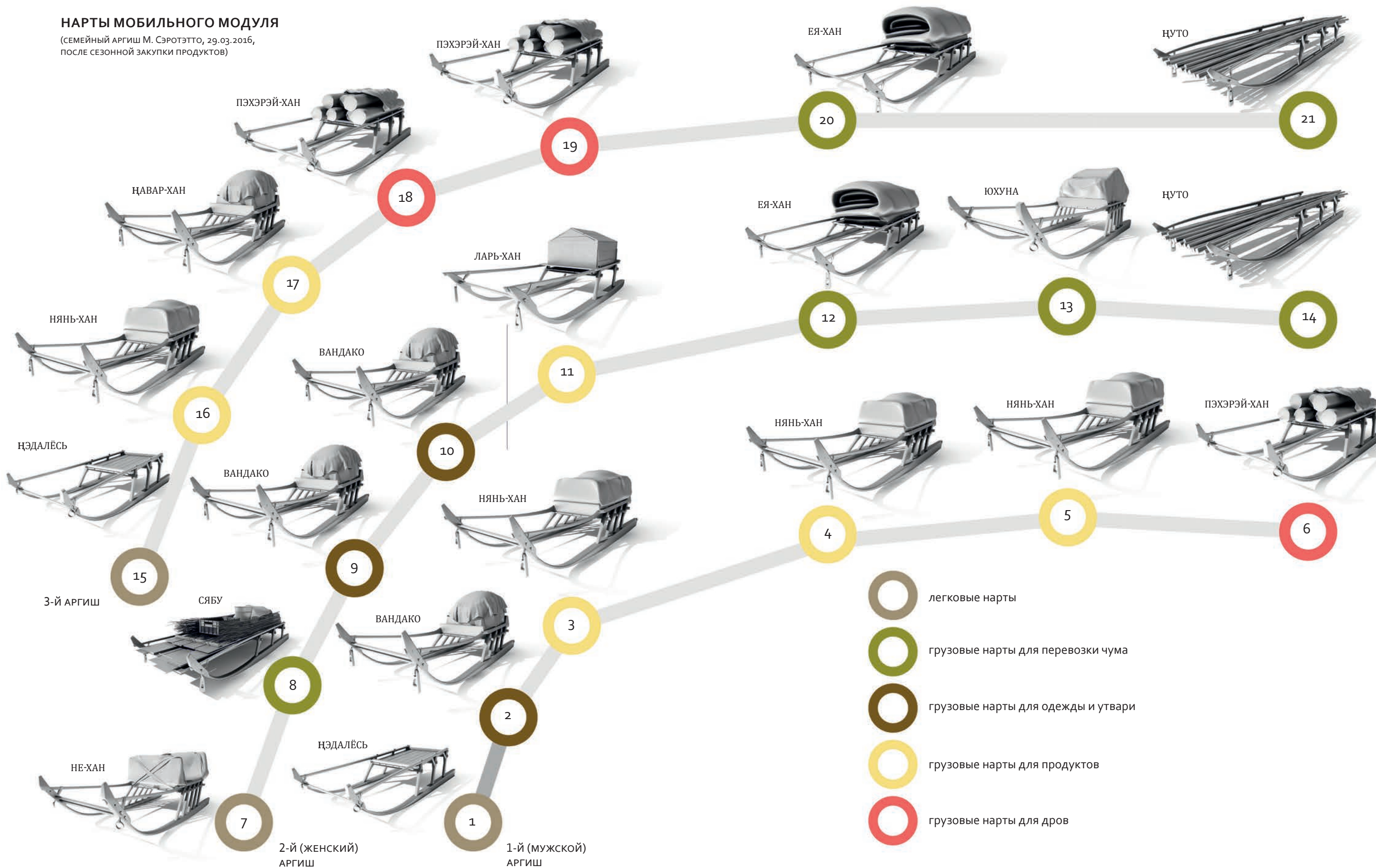
роскошь бескорыстной благотворительности и поддержки немощных.

Мобильный модуль включает не только караван нарт, но и стадо оленей, без которого кочевье лишено движущей силы и смысла. Искусство оленеводства во многом состоит в отладке совместного ритма и алгоритма движения людей и оленей. Реальный синтез движения людей и оленей происходит именно в кочевье, тогда как на стойбище их взаимоотношения имеют оттенки принуждения

и противоборства (загон, лов, запряжка). Именно в кочевье достигается оптимум со-движения людей и оленей, технологически выражающийся в том, что люди вместе с их имуществом буквально привязаны к оленям и мигрируют с ними «одним стадом». Технология этой «привязки» и представляет собой главный узел сплетения природы и культуры. На принципах мобильности и модульности основано большинство технологий тундровых кочевников.

НАРТЫ МОБИЛЬНОГО МОДУЛЯ

(СЕМЕЙНЫЙ АРГИШ М. СЭРОТЭТТО, 29.03.2016, ПОСЛЕ СЕЗОННОЙ ЗАКУПКИ ПРОДУКТОВ)

СОДЕРЖИМОЕ НАРТ СЕМЕЙНОГО АРГИША

1-й (мужской) АРГИШ

ҮЭДАЛЁСЬ

совик, аркан, ружье, лопатка-колотушка, запас деталей для упряжи, пила топор

ВАНДАКО

мужские инструменты (ножи, рубанок, сверла, стамески и т. д.), оружие, промышленное снаряжение, арканы и запасные лямки

НЯНЬ-ХАН

хлеб (ок. 150 буханок)

НЯНЬ-ХАН

хлеб (ок. 150 буханок)

НЯНЬ-ХАН

хлеб (ок. 150 буханок)

ПЭХЭРЭЙ-ХАН

дрова

2-й (женский) АРГИШ

НЕ-ХАН

меховая покрывка, кибитки, детский кукуль, сумка для шитья, мешок с швейными принадлежностями

СЯБУ

доски пола, маты, очажный лист, ведра, котлы, ящик с проводами и удлинителями, мешок с женской обувью

ВАНДАКО

одежда (мужская, женская, детская), запасная посуда (чашки, блюдца, ложки, рюмки и т. д.), предметы туалета и гигиены (полотенца, мыло, шампунь, зубная паста, стиральный порошок и т. д.), керосиновая лампа, электрические лампочки

ВАНДАКО

ягушки запасные, печенье, конфеты, вафли, пряники, чай, кофе

ЛАРЬ-ХАН

продукты и посуда «под рукой»: мороженое мясо и рыба, кастрюли, чашки, блюдца, ложки, кухонные ножи, хлеб, масло, сахар, соль, сухари, сушки, сгущенное молоко

ЕЯ-ХАН

нюки для половины чума (ея, мюйко)

ЮХУНА

постель: постельные шкуры, циновки, подушки, спальные ягушки, полог

ЦУТО

шесты, печка, труба для печки, очажный крюк

3-й АРГИШ

ҮЭДАЛЁСЬ

совик, аркан, ружье, лопатка-колотушка, запас деталей для упряжи, пила, топор

НЯНЬ-ХАН

хлеб (ок. 150 буханок)

НАВАР-ХАН

запасы пищи: крупа (рис, греча), мука, макароны, сливочное масло, растительное масло, сгущенное молоко и т. д.

ПЭХЭРЭЙ-ХАН

дрова

ПЭХЭРЭЙ-ХАН

дрова

ЕЯ-ХАН

нюки для половины чума (ея, мюйко)

ЦУТО

шесты, фляга для воды, чайники, посудный ларь и чайный столик

ОПТИМАЛЬНОЕ СТАДО

Механизм трансформера преобразует натуру оленя в культуру оленевода. Важными характеристиками этого взаимодействия служат размер и состав стада. На интересах и настроениях оленеводов сказываются политико-административные установки. Например, в царское время богатство оленями было почетно, в советскую эпоху — опасно (хотя ненецким лидерам на Ямале удалось добиться от местной администрации разрешения содержать до 70–80 личных оленей на семью). Этим нескольких десятков оленей в советское время хватало для кочевания потому, что частные олени паслись вместе с колхозными/совхозными, и многие потребности (пищевые, транспортные, репродуктивные) удовлетворялись за счет смешанного частно-общественного менеджмента.

Расчет стада оленей, достаточного для кочевания, обычно сводится к рациональным вычислениям годового расхода оленей на среднюю семью из пяти человек. При этом немаловажен мотив подобных вычислений. Например, на рубеже 1920–1930-х гг., когда проходила коллективизация, такие расчеты служили обоснованием раскулачивания тундровых лидеров оленеводства и замещения их государственно-колхозной системой управления. С этой поправкой следует воспринимать доводы председателя Красноярского отделения Комитета Севера И. М. Сулова, рассчитавшего размер стада, необходимого для удовлетворения основных нужд средней семьи: 40–50 оленей для тайги, 54 — для лесотундры, 130 — для тундры (Сулов 1930:29–35).

«Классовые» интересы по ограничению частного поголовья выразились и в расчетах П. Н. Вострякова и М. М. Броднева, определивших на рубеже 1950–1960-х гг. минимум поголовья для обеспечения средней тундровой семьи на Ямале в 200–250 оленей (Востряков, Броднев 1964). Как и в предыдущем случае, речь шла о «прожиточном минимуме» кочевника, складывающегося из учета транспортных быков, репродуктивных важенок, самцов-производителей, расхода в пищу, на меховую одежду и покрышки чума. Стандартное тундровое стадо состоит наполовину — из самок-важенок, на треть — из ездовых быков-кастратов; в этой пропорции оно реализует основные функции: транспортное и пище-сырьевое обеспечение кочевья (см. подробнее: Клоков, Хрущёв 2004).

Недавно ненецкая писательница Нина Ядне составила свой расчет базовых потребностей кочевой семьи из 10 человек (муж, жена, шестеро детей, два старика), получив суммарный итог — 550–600 оленей (Ядне 2016). В ее расчетах сложились 100 хабтов (быков-кастратов) для транспорта, 120 важенок и 10 хоров (производителей) — на воспроизводство, 25 — в пищу, 60 — на сдачу, продажу и приобретение промышленных товаров, 50 — неприкосновенный запас (страховой фонд на случай болезней, гололеда и прочих невзгод), остальные (по мере необходимости) — на изготовление одежды и покрышек для чума (на четыре нюка уходит 100 шкур), приобретение и ремонт дорогостоящей современной техники, прежде всего снегоходов (импортный снегоход стоит 150 оленей).

Минимум по-ненецки оказался вдвое выше минимума по-чиновничьи не только потому, что в расчет принята семья из 10, а не 5, членов. Хотя Н. Н. Ядне подчеркивает, что речь идет о «прожиточном минимуме», она включает в него оленей, приносимых в жертву на святилищах и кладбищах, предназначенных для угощения и одаривания гостей. С позиции формального учета все это — дань языческим предрассудкам и нерациональным обычаям гостеприимства. Однако в тундровой реальности эти обряды и обычаи неразрывны с оленеводством и образуют его ментально-социальную основу, генерирующую мотивы и ценности оленевода (к вышеназванным «иррациональным» позициям следует добавить свободно пасущихся и никуда не расходуемых 3–5 священных оленей, которые предназначены богам, и 2–3 менаруев, служащих украшением стада). В понимании ненцев стадо — не только цех по производству мяса и шкур, но и живой организм, который должен быть здоровым, сытым, красивым и угодным богам.

Н. Н. Ядне значительную долю (едва ли не половину) стада в 550 голов отписывает в расход на приобретение современной техники — снегоходов, электростанций, гаджетов. Это новое веяние в жизни тундровиков, преобразующее традиционное натуральное ненецкое оленеводство в товарное: покупка техники предполагает сбыт оленепродукции. Вместе с тем снегоходы и прочие современные технологии снижают значение транспортного поголовья оленей и смещают

Рис. 41. Стадо 8-й бригады на Я-Сале

акцент на наращивание маточного поголовья, поскольку высокий приплод обеспечивает рост сдачи/продажи оленины и приобретение транспортно-навигационной техники. Снегоходная техника (вкуче с другими современными технологиями коммуникации, ветеринарии, эффективного окарауливания) позволяет тундровикам быстро наращивать поголовье оленей. Ограничителем этого тренда выступает оленеемкость пастбищ Ямала, уже сегодня существенно (местами кратно) превышенная и предполагающая адекватную сберегающую экологию (ныне предлагаются различные меры по сокращению стада).

По мнению многих оленеводов, полутысячное стадо — рубеж между средним достатком и богатством: в прошлом оптимальным для выпаса и самообеспечения считалось стадо в 400–500 голов (Головнёв 1993:78–83). Меньшее поголовье вынуждает оленеводов к кооперации (особенно в летный «комарный» период), большее — к привлечению дополнительных сил (в том числе наемных работников). Свыше этого числа начинается категория *тэта* (богатых оленщиков). До коллективизации доля *тэта* (владельцев крупных стад

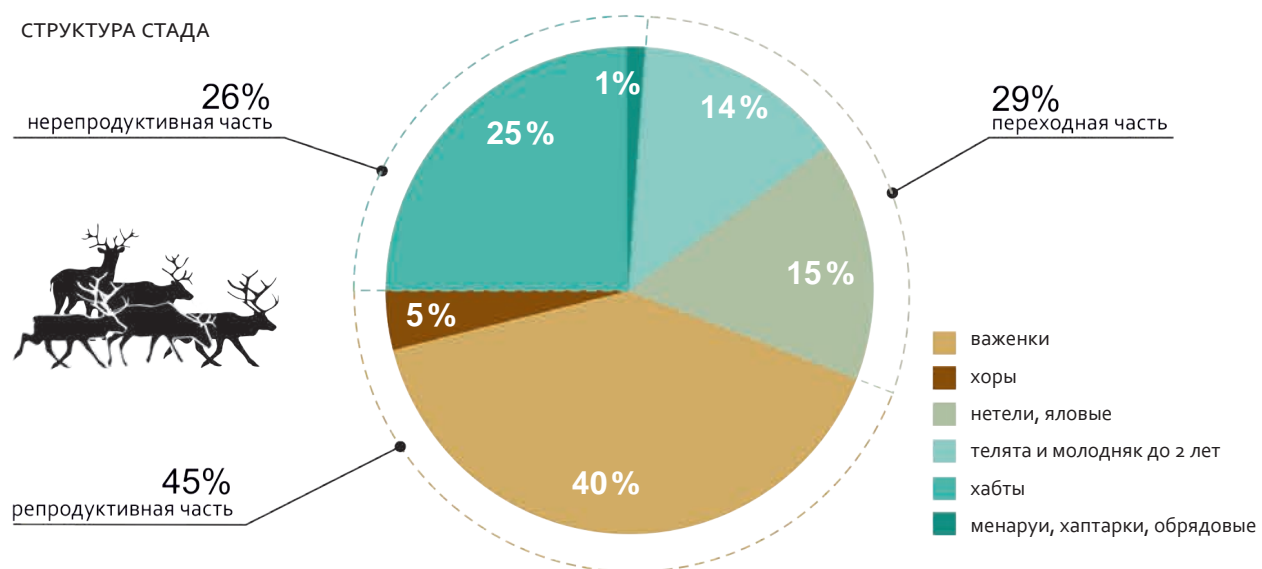
более 500 оленей) среди оленеводов Ямала была невелика — около 6 %, но они владели четвертью с лишним (27,5 %) всех оленей и играли стержневую роль в оленеводческой экономике (Волжанина 2012:139).

Итак, минимум оленей на кочевую семью — 200–250, оптимум — 300–400 (в зависимости от протяженности маршрута). Разумеется, как во многих сообществах, в тундре кочуют и вовсе безоленные пастухи-батраки, и богатые оленщики-тысячники. Подобная имущественная дифференциация более органична для кочевого общества, чем социалистическая уравниловка. Как экономика не может довольствоваться лишь малым бизнесом, а наука — только мелкими учеными, так и оленеводство не может быть исключительно мелкостадным. Выше уже шла речь о том, что система тундрового оленеводства устроена так, что среди тундровых кочевников должны быть крупные (магистральные) оленеводы, связывающие своими маршрутами и взаимоотношениями всю тундру. Они же несут основную ответственность за экологию тундры, регулирование миграций и пастбищеоборота.

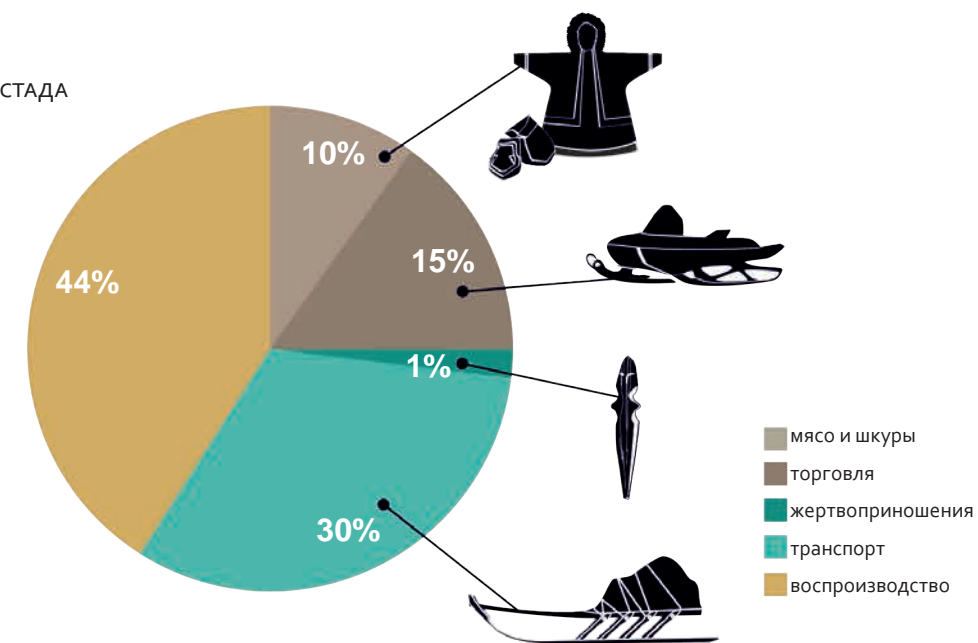

ЦИКЛ ОЛЕНЕВОДСТВА

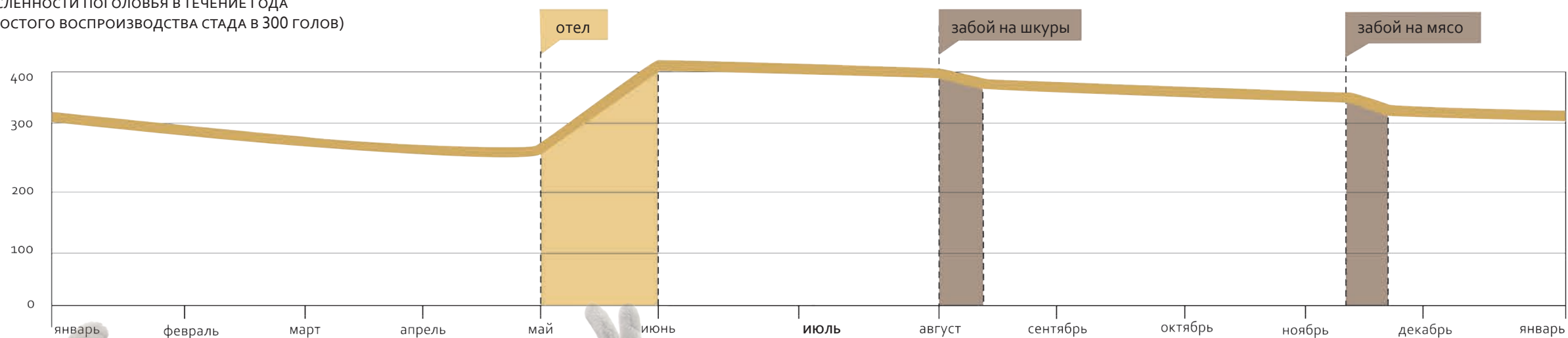
СТРУКТУРА СТАДА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАДА

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ПОГОЛОВЬЯ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА
(ИЗ РАСЧЕТА ПРОСТОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА СТАДА В 300 ГОЛОВ)

ГЕНДЕРНЫЕ РИТМЫ И ТРЕКИ

Вечный двигатель, который олицетворяют кочевники, работает на двух энергетических смесях: в природе — человека и оленя, в обществе — женщины и мужчины. Один из принципов действия этого *regretium mobile* состоит в том, что мужчина и женщина имеют свои сферы деятельности и ответственности. Разделение жизненного пространства на мужскую (открытая тундра) и женскую (дом с очагом) доли соотносится с ритмом мужских и женских действий: если активна женщина, пассивен мужчина, и наоборот. Обычай чередования усилий и распределения деятельностных ролей женщины и мужчины можно назвать тундровым законом сохранения семейной энергии. При этом поддерживается и оптимально используется высокий индивидуальный потенциал, выражающийся, например, в замечательной способности мужчины сутками в дождь или стужу окарауливать стадо, а женщины — почти непрерывно шить (даже дряхлая старуха, уже ослепнув, продолжает шить). Переменная активность женщины

и мужчины образует ровный ритм тундровой жизни и создает ресурс энергии, достаточный для бесконечного движения кочевников.

Треки мужчины и женщины заметно различаются. Ее дневной путь сконцентрирован в жилище, особенно на привходовой стороне (*нё-няңы*) чума и снаружи у чума и ближних нарт с провизией, одеждой и домашним скрабом. Здесь она колет дрова и ломает ветки для очага, заготавливает воду (лед, снег) для пищи и других нужд, готовит еду, моет посуду, шьет одежду, качает люльку, кормит собак, следит за детьми. Радиус ее передвижений невелик, но их интенсивность впечатляет: за полдня она «наматывает» вокруг очага около 5 км.

Мужской трек иной. Он очерчивает большое пространство тундры, куда пастух отправляется окарауливать, собирать и перегонять оленей. Если это трек бригадира, то он еще обширнее, поскольку лидер обычно не просто выполняет задачу пастыби стада, но и проводит рекогносцировку для выбора дальнейших действий и передвижений. Зато

Рис. 42. Бригадир Майко

Рис. 43. Жена бригадира Едэйне

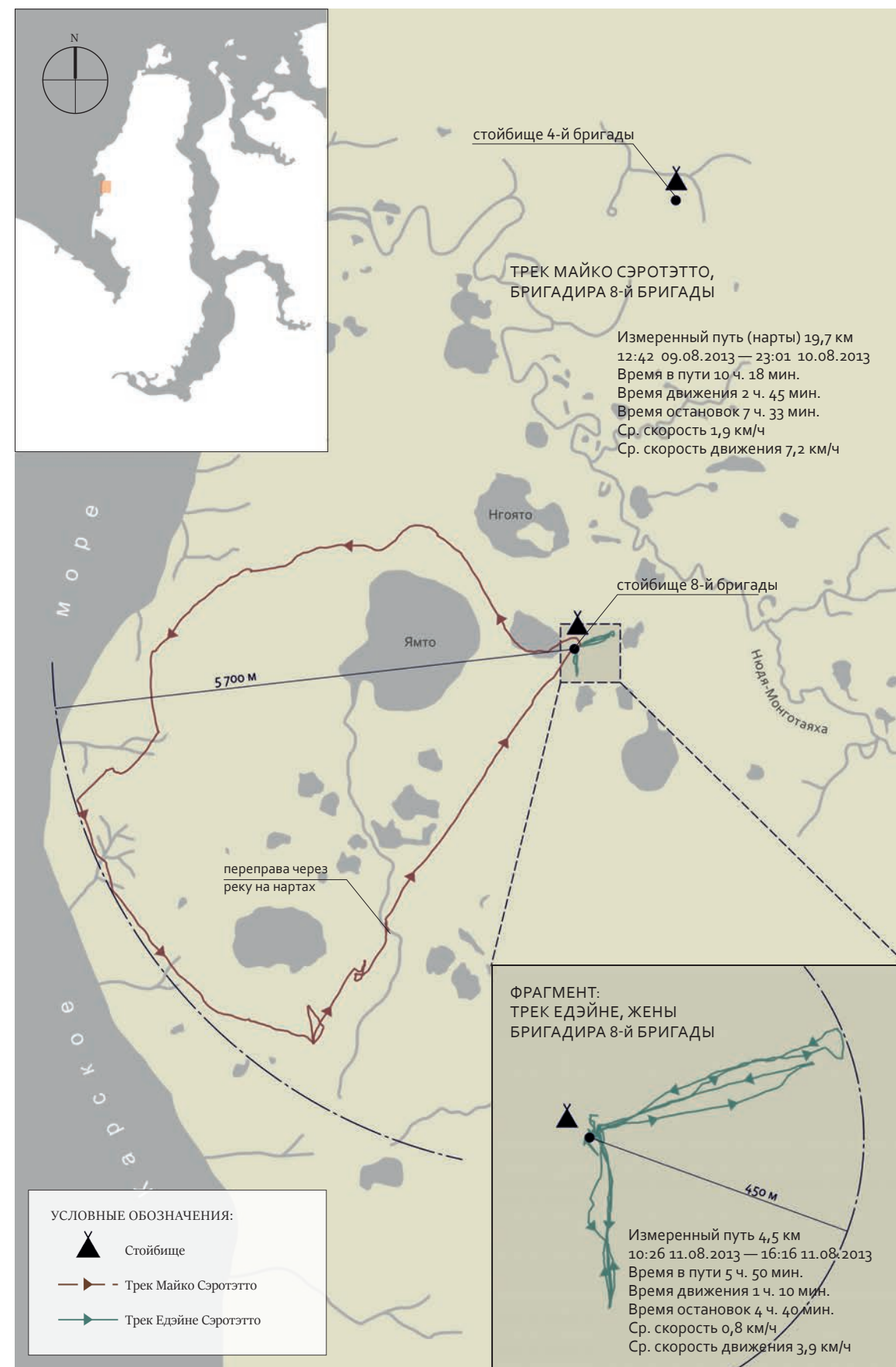

Рис. 44. Треки Майко и Едэйне Сэротэтто (лето)

Рис. 45. Майко и Едэйне в корале

в своем чуме мужчина почти неподвижен; он преимущественно лежит и сидит, чем создает у сторонних наблюдателей иллюзию мужчины-бездельника на фоне без усталости трудящейся женщины. Если бы тот же гость предпочел ночлегу в теплом чуме дежурство в стаде, он бы сполна впечатлился обилием действий мужчины.

Самое удивительное в кочевом трансформере — активное женское участие. Казалось бы (с оседлой точки зрения), самым незыблемым и важным для женщины является домашний уют и порядок; на этот счет есть поговорки вроде «переезд хуже пожара». Между тем ненецкая женщина раз в три дня «ломает» свой чум, а затем на следующем стойбище его снова ставит. И случается это не раз и не два, а раз в три-четыре дня и продолжается всю жизнь. И делает она это не сжав зубы и собрав волю в кулак, а в хорошем расположении духа — при сборе на каслание женщина даже более общительна и словоохотлива, чем в стойбищном быту. Это отношение к касланию передается

и детям, которые день перекочевки встречают в приподнятом настроении.

Именно женщина руководит (а иногда сама полностью выполняет) разборку и сборку чума, укладку его и всего домашнего скарба в нарты. При этом она поразительно точно помнит место каждой вещи в чуме и на нарте. Нам неоднократно доводилось убеждаться в том, что если гость забыл или обронил в чуме свою вещь (даже мелкую и пустяковую), хозяйка непременно найдет ее и вернет, даже если стойбище собирается каслать в непогоду или в иных сложных обстоятельствах. Таким же таинственным образом она сумеет за один вечер, накануне кочевья, найти в своих запасах и по размеру дошить малицу гостю (чтобы не замерз в пути). Утром перед касланием она успевает не только собрать и надежно уложить все вещи, напоить и накормить свою большую семью, но и наполнить кипятком термосы в дорогу — именно женщина держит в голове и исполняет сценарий всего цикла трансформера стойбище-кочевье.

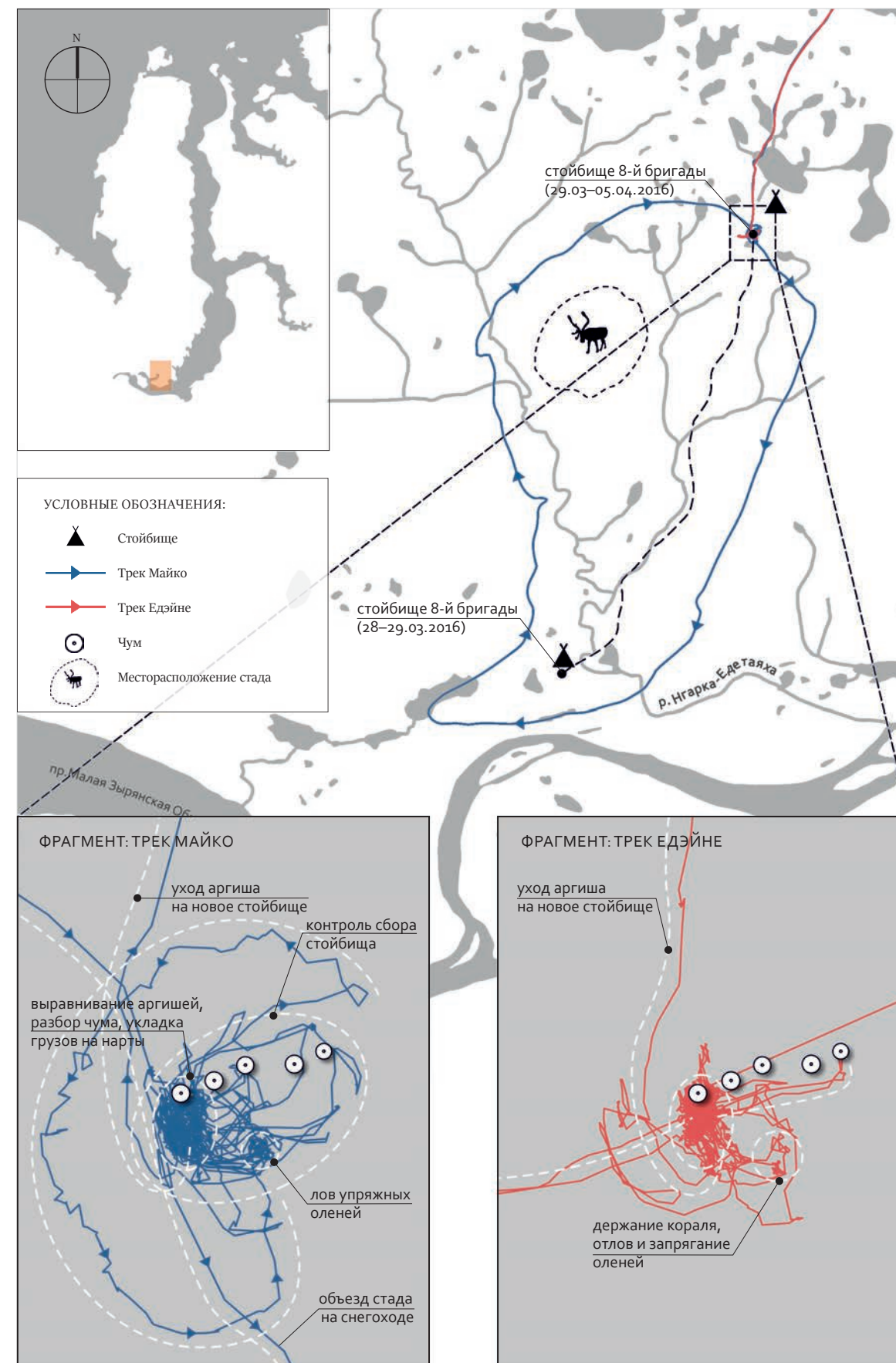
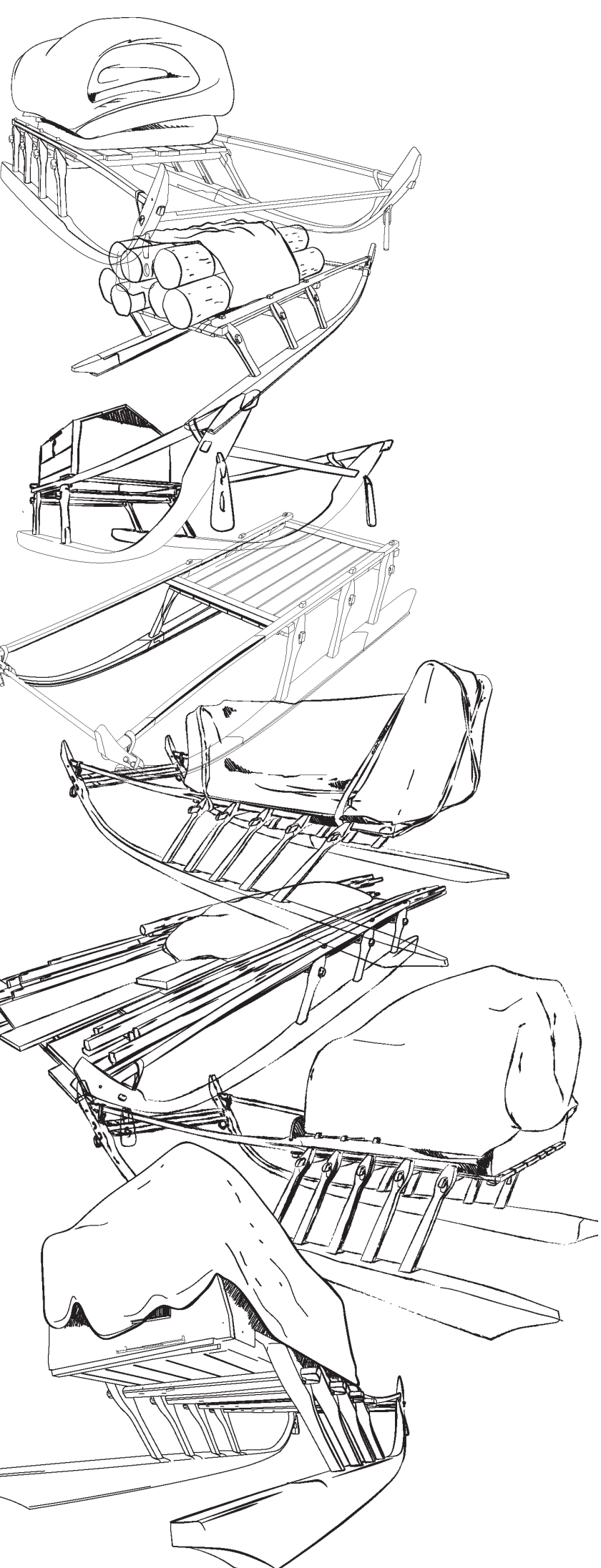

Рис. 46. Треки Майко и Едэйне Сэротэтто (зима)

НАРТА

Многообразие

Техноанимация

Эффект движения

Изготовление

Нэдалёсь

Не-хан

Вандако

Сябу

Нуто

Ларь-хан

Хэхэ-хан

МНОГООБРАЗИЕ

Нарта (*хан*) — главный элемент кочевого трансформера. Различаются летние и зимние нарты, в том числе легковые и грузовые, из которых составляются летние и зимние аргиши. В караване средней семьи идет от 20 до 30 нарты, в караване большой семьи — от 30 до 40. Однако это только половина нарты, которой сезонно пользуется кочевое хозяйство; в определенной точке весеннего маршрута летний аргиш сменяется на зимний, а осенью происходит обратная

замена (таким образом, общее количество нарты на семью достигает 80–90). Два раза в год кочевье полностью обновляется; кроме того, по пути караван подбирает (или оставляет) одиночные нарты (продуктовые, лодочные и др.). Эффект кочевья-трансформера достигается во многом тем, что нарты не только идут в аргише, но и расставлены по пути миграции, и караван получается сборно-разборным, регулярно обновляется, сменяя нарты вместе с их содержимым.

По технологии изготовления и использования нарты кочевники-ненцы достигли уровня специализированной «нартенной индустрии». В ненецких караванах используется более дюжины разновидностей нарты: *ңэдалёсь* (легкая мужская), *не-хан* (женская), *хэхэ-хан* (священная), *пи-хан* или *пэхэрэй-хан* (для дров), *ңано-хан* (для лодки), *поң-хан* и *яңгу-хан* (для промыслового инвентаря), *хурумы* (для инструментов и заготовок), *вандако* (для одежды и шкур), *ларь-хан* (для продуктов), *намзи-хан*

(для мяса), *юхуна* (для постели, полов и домашней одежды), *ея-хан* (для верхних нюков), *ңуто* (нарты для шестов от чума, котлов и нижних нюков), *сябу* или *ся"мэй-хан* («грязная» нарты для половых досок чума, циновки из прутьев, очажного листа и женской обуви); есть и разного рода уменьшенные конструкции: *сюнка* (ручная промысловая нарты), *ханоко* (детская).

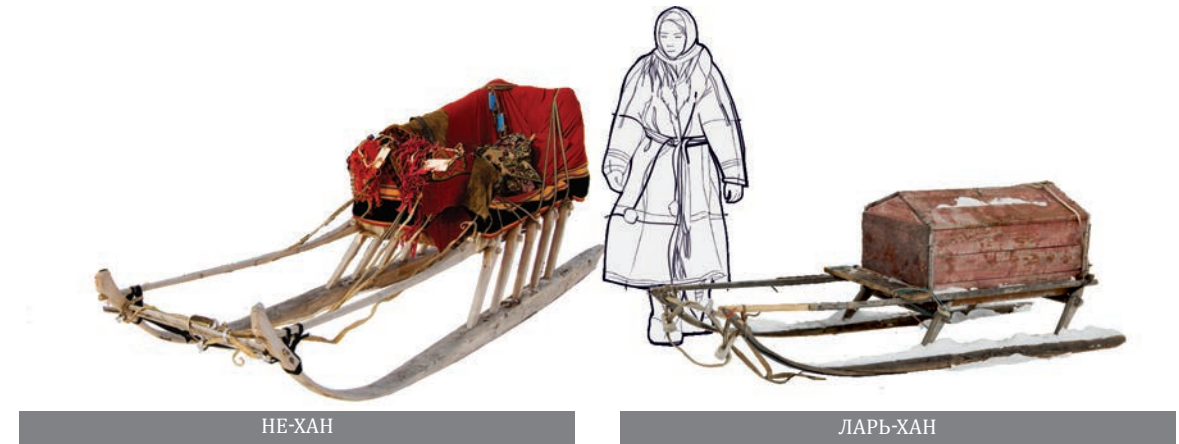
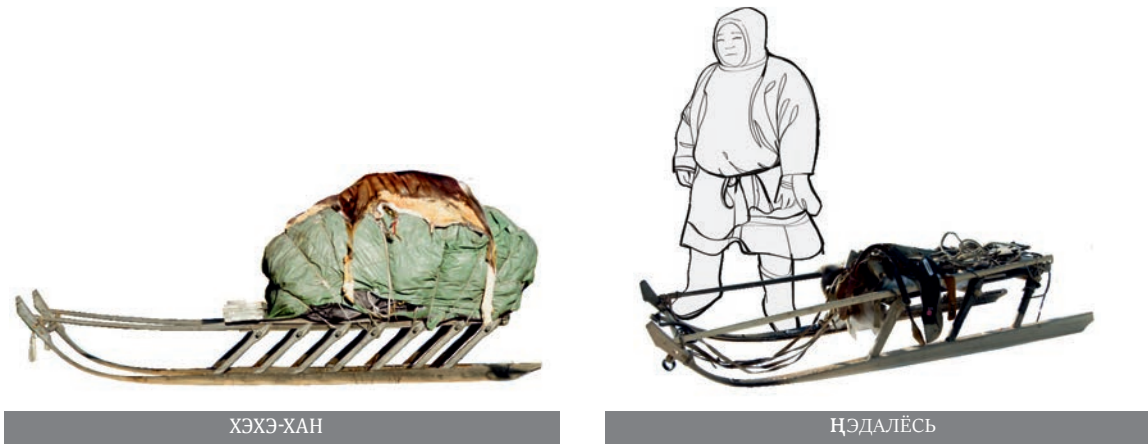

Рис. 47. Виды нарты

ТЕХНОАНИМАЦИЯ

Нарта своей упругостью и подвижностью (особенно легковая, мчащаяся за пятеркой оленей) напоминает живое существо с особыми повадками. Передок (головка) ее полоза называется *хан'пыя* (нос нарты), задний конец — *хан'ябцо* (хвост нарты), копыл — *хан'нэ* (нога нарты). Ненцы вольно или невольно стремятся придать своим нартам черты и свойства живого организма, и в этом видится один из основных принципов их технологии и дизайна. «Живые вещи» органично движутся, адекватно взаимодействуют с природой и человеком. Кроме всего прочего, ненецкую нарту оживляет косокопыльность — установка копыльцев не вертикально, а наклонно, из-за чего нарта выглядит существом, не то упирающимся, не то напрягшимся перед прыжком.

Принцип технической анимации (оживления) прослеживается и в изготовлении узлов нарты по «правилу скелета». Соединение частей и деталей нарт жесткое: на концах одних деталей выполняются четырехугольные «шипы», которые пригоняются в отверстия, сделанные с помощью сверла и ножа в соответствующих местах других частей. Все детали нарты выполнены из дерева и соединены с помощью деревянных «шипов», и ее крепость достигается за счет прочного «натурального» сращивания деталей. У нарты образуется скелет

с сочлененными узлами, «носом», «ногами» и «хвостом». Тонконогая нарта не боится ни скорости, ни тяжести; она легко идет по снежным застругам, сугробам, болотам, крутым берегам, а при необходимости — пускается в плавание вслед за упряжкой оленей.

Ненцы отличают изящную нарту от неуклюжей, причем в их оценках характеристики «красиво» и «практично» неизменно совпадают. В отношении грузовых нарт к «скелетному» строению добавляется эстетика увязки нарты: в упаковке, рассчитанной на долгое хранение и противостояние разным стихиям, сочетаются элегантность и надежность.

Ненецкое восприятие нарты как живого существа дополняется обычаем всегда при остановке, даже недолгой, поворачивать носы нарт на восход. И на стойбище нарты ставятся «носами на солнце» (юго-восток); повернутые в противоположную сторону нарты оставляются на кладбище, на них ездят покойники.

У нарты есть свой век — от 3 до 10 лет (хотя в рассказах тундровиков упоминаются нарты, которым более 30 лет). Срок службы нарт можно увеличить, если к стертым полозьям прикрепить накладной полоз (*нярма*) из лиственницы (а ныне — из пластика или листового металла).

Рис. 48. Женская нарта (остов)

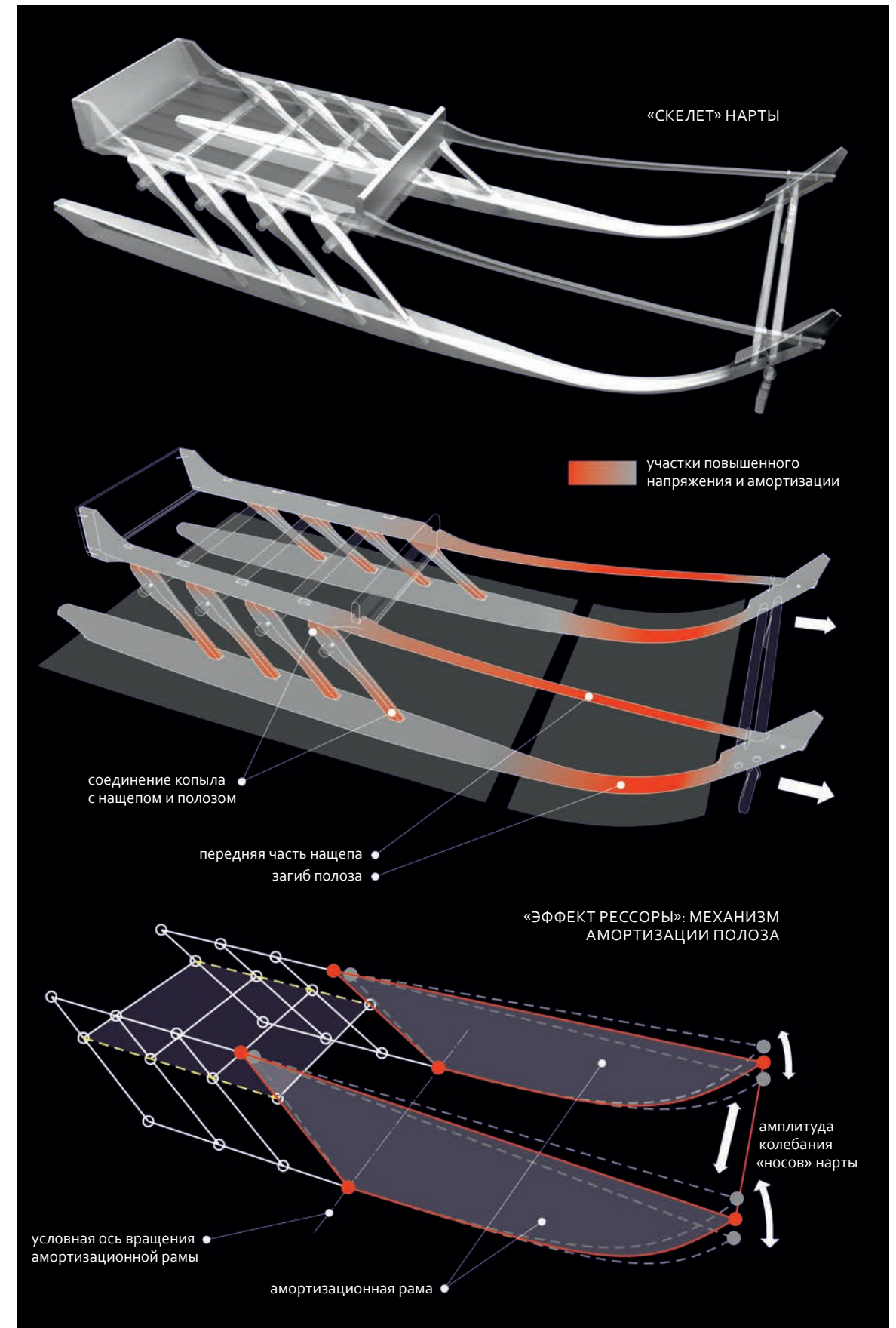

Рис. 49. «Рентген» нарты

ЭФФЕКТ ДВИЖЕНИЯ

Косокопильная нарта устойчива в статике и динамике. Ряды наклонных копыльев делают расстояние между полозьями шире, чем сиденье, «что придает нарте устойчивость» (Хомич 1966:91). На первый взгляд, тонкие наклонные копылья, связывающие сиденье или грузовую площадь нарты с полозьями, вызывают сомнения в прочности и надежности конструкции при воздействии на них вертикальной нагрузки. Однако именно этот наклон не позволяет грузу «уехать вперед» при торможении и разбалансировать конструкцию. Соединительные узлы нарты, подобно скелету живого организма, распределяют нагрузку между всеми элементами конструкции.

Расстояние между полозьями сзади шире, чем спереди, т.е. нарта расширяется от носов к задней части. Кроме того, полозья располагаются не параллельно земле, а с опорой на внутреннюю сторону. При фронтальной проекции (вид спереди) видны «развал» копыльев (наклон внутрь и назад при равноудаленности друг от друга) и вывернутость полозьев наружу. Когда нарта движется вперед, на наружные боковые поверхности полозьев действуют силы сопротивления снега (зимой) или растительного слоя (летом). Под воздействием этих сил полозья встают параллельно друг другу на всей своей длине. При этом нагрузка — «обжим» полозьев — передается через копылья на верхние узлы крепления нарты, которые «запираются» и делаются более прочными. Наклонные копылья при движении нарты через кустарник легко отводят ветки вверх и в стороны, отчего снижается эффект торможения.

Копылья нарты достаточно высоки (полметра и длиннее), чтобы обеспечить проезд по сугробам, по болотистой и кочковатой тундре на одних полозьях, не касаясь снега, воды и очек несущей частью нарты. У тяжелых нарт (женских и грузовых) копылья длиннее, чем у скоростных мужских, для которых особенно важно качество «держателю».

Эффект наклона (расхождения) полозьев и упора на ребра придает нарте устойчивость при движении по твердому насту, льду и на высокой скорости. Благодаря этому нарты не «ведет» и не «болтает» из стороны в сторону при проезде по склонам или на виражах во время гонок на оленьих упряжках. С увеличением груза устойчивость нарты повышается.

Длинный и плавный загиб передней части полоза позволяет избежать резких динамических перегрузок, возникающих при столкновении с препятствиями и при движении по бездорожью. При такой форме загиба наезд на препятствие происходит плавно: преодолевая глубокий и рыхлый снег или наст, полоз не разрезает снежный покров, а подминает его, постепенно уплотняя до максимальной плотности под самой тяжелой частью нарт. Благодаря такой форме полозья «заставляют» снег любого состояния выталкивать нарты на поверхность, т.е. равнодействующая всех сил сопротивления снега при езде направлена вверх (как лодки из воды во время движения), сохраняя устойчивость и управляемость.

При движении нарты по летней тундре или в межсезонье конструкция работает так же, как при движении по снегу. Полозья, плавно наезжая на растительный слой, вначале загибом прижимают теплые верхние участки покрова к холодному гумусному слою, который, в свою очередь, прижимается к мерзлому слою, успевая чуть растопить и увлажнить колею (прокультивировав почву под полозьями). Таким образом, тяжелая часть полозьев (над которой расположен груз) скользит уже по смоченному растительному слою.

Проезд нарты и аргиша вследствие смешения слоев вызывает эффект культивации и создается благоприятный для роста растений режим (по-своему олень делает то же самое — не только поедает верхушки трав и лишайников, но и культивирует и удобряет под собой почвы). В результате длительного воздействия традиционного транспорта (оленьих упряжек) на хрупкий растительный покров тундры в местах постоянного касания появляются участки, а то и целые ленты «дорог», выделяющиеся на желто-зеленом фоне тундры более пышной зеленой растительностью с обильно цветущей пушицей. Такие дороги, называемые на севере *варга* или *недарма*, становятся тем пышнее, чем больше эксплуатируются, и служат хорошим ориентиром в низинной тундре.

По тяжести и конструкции различаются нарты легковые и грузовые, летние и зимние; однако все они обладают высокой проходимость по снегу, болотам и даже воде — благодаря плавучести и способности при переправах отчасти выполнять функции лодки.

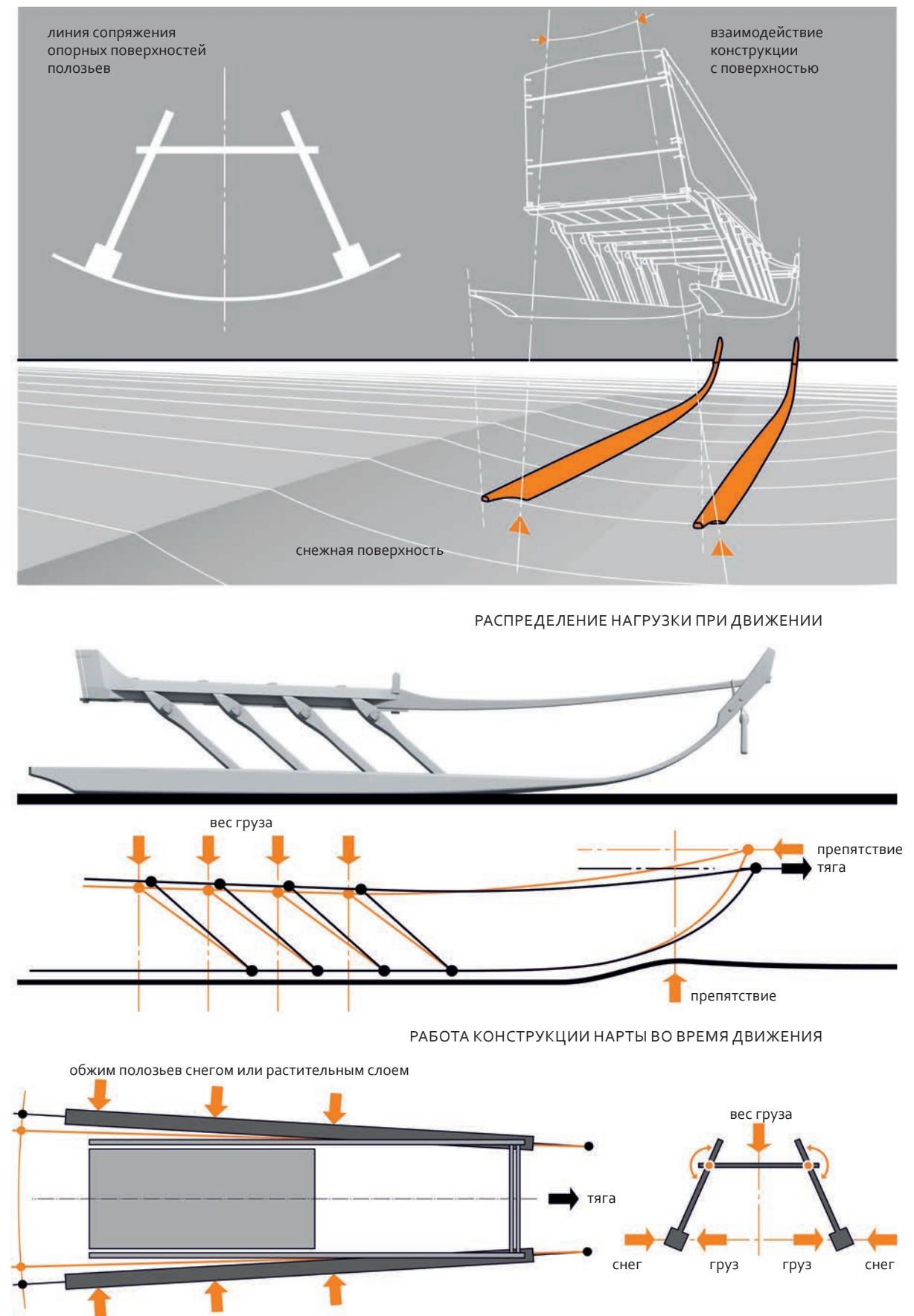

Рис. 50. Свойства конструкции нарты

ИЗГОТОВЛЕНИЕ

Если учесть, что нарта «терпит» (служит) около 3–10 лет, а большая ненецкая семья использует для перекочевков около 80 разных нарт, которые расставлены по путям миграций и сменяются на ходу, будто колеса болидов на пит-стопах, то можно представить объем заготовительных, изготовительных и ремонтных работ, которые требует этот «гараж». В прежние времена любой оленевод мог сделать нарту, и мастерство ее изготовления до сих пор считается одним из достоинств мужчины. Как женщина постоянно шьет, так мужчина значительную часть времени строгают нарты: одежду на всю семью делает женщина, а транспорт — мужчина. В погожий летний день стойбище напоминает нартенный цех, где каждый хозяин у своего чума мастерит нарту. Оленевод не только умеет, но и любит возиться с нартой; за этой работой он чувствует себя «при деле» и «в своей тарелке»; о мастере нартенного дела говорят: «чуть что — он на улице».

На нартах не только ездят, но и зарабатывают. Среди ненцев есть признанные мастера, которые «хорошо держат в руках топор». Некоторые на этом ремесле восстанавливают

поревшее из-за болезни или волчьей отравы стадо: разорившийся оленевод оседает на промысловом угодье, ловит рыбу и мастерит нарты на заказ. За мужскую нарту дают быка, за женскую — важенку (с телянком в брюхе). По современным ценникам, мужская нарта стоит 10–20, женская — 40–50 тыс. рублей.

Древесное сырье для нарт запасают в ходе зимних кочевий в полосе лесов, и эта заготовительная кампания — важный мотив сезонных миграций оленеводов в лесотундру. Материалом для изготовления нарт служат лиственница, ель и береза. Заготовки для нарт кочуют вместе с оленеводами в особых нартах, называемых *хурумы*. На остановках в удобное время мастер обрабатывает заготовки и делает из них детали нарт, которые затем остается лишь собрать вместе, как конструктор.

Основа нарт — полозья, что понятно из названий (нарта — *хан*, полоз — *ханз*). Вероятно, эволюция нарты состояла в наращивании конструкции над полозьями, и в какой-то мере до сих пор изготовление нарты повторяет ее эволюцию в последовательности приладки к полозьям дополнительных деталей.

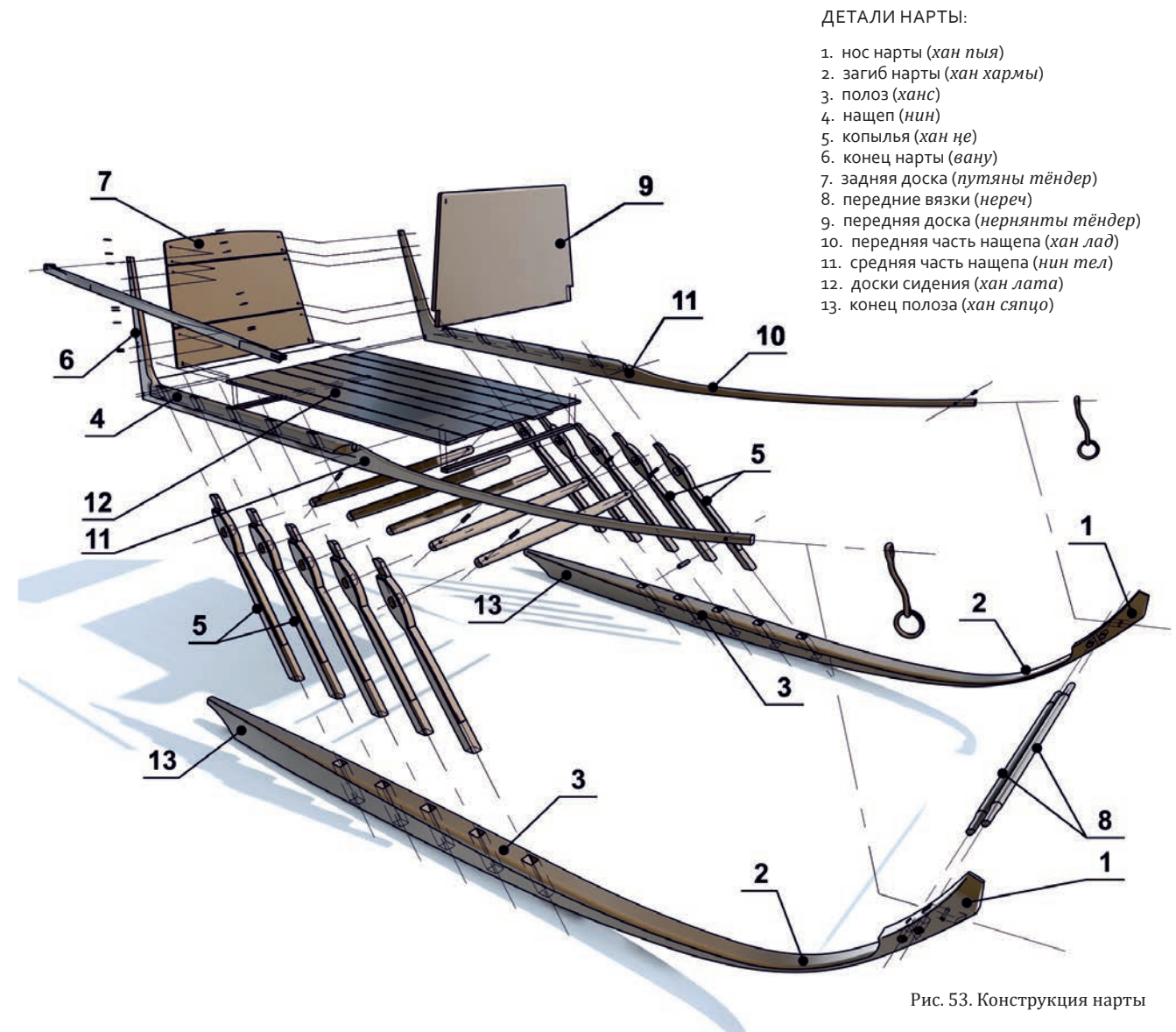
Во всяком случае именно лиственничные заготовки для полозьев определяют своими габаритами (длиной, шириной, высотой) искомые параметры всех остальных деталей. Помимо пары полозьев, заготовки включают: 3 до 7 пар копыльев (в зависимости от вида нарт), столько же копыльных вязов, два нащеп, один или два головочных вяза, сиденье или грузовую площадку.

Легковые и грузовые нарты имеют длинные загнутые к носам полозья (*ханз*, мн. ч. *ханзад*), несколько равноудаленных пар копыльев (*хан'ңэ*), закрепленных в пазах полоза с наклоном вовнутрь и назад в задней части нарт, два нащеп — продольных бруса, которые передними концами входят в пазы

на передней части полозьев, а задней — на низываются на копылья; для большей прочности конец нащеп закрепляют в полозе с помощью деревянного шпенька. Каждую пару копыльев соединяют поперечные перекладины-вязы (*нярт*, мн. ч. *няртад*), на которых удерживается деревянный настил для сидения или грузов (*хан'лата*) (у некоторых типов грузовых нарт они отсутствуют). К настилу в задней его части крепится спинка (*пуняны тендер*), а в передней — деревянный бортик (*нерняны тендер*). Некоторые виды нарт не имеют спинки и бортика. Носы полозьев, как и копылья, скрепляются между собой одним или двумя головочными вязами.

Рис. 52. Подрезка копыльев нарты

ДЕТАЛИ НАРТЫ:

1. нос нарты (*хан пыя*)
2. загиб нарты (*хан хармы*)
3. полоз (*ханс*)
4. нащеп (*нин*)
5. копылья (*хан ңе*)
6. конец нарты (*вану*)
7. задняя доска (*путяны тѐндер*)
8. передние вязки (*нереч*)
9. передняя доска (*нерняны тѐндер*)
10. передняя часть нащеп (*хан лад*)
11. средняя часть нащеп (*нин тел*)
12. доски сидения (*хан лата*)
13. конец полоза (*хан сяцо*)

Рис. 53. Конструкция нарты

Заготовку для полоза вырубают из ствола лиственницы толщиной 10–20 см. В месте будущего сгиба делают затес. Верхнюю часть заготовки выдерживают в воде двое суток, затем пропаривают над огнем и загибают вручную. Зафиксированный в согнутом положении с помощью распорки и стропы полоз просушивают. После просушки его вновь обрабатывают: площадке под копыльями придают форму утолщения от краев к центру; носы полозьев загибают до высоты грузовой площадки; место загиба полоза делают более тонким и плоским. Задний конец полоза для лучшего скольжения слегка затесывают кверху. Затем в полозе вырезают отверстия для копыльев и нащеп с учетом угла и стороны наклона (соответственно, правый полоз назад и вправо, левый — назад и влево). Готовые полозья нарт выглядят как братья-близнецы в зеркальном отражении (по принципу осевой симметрии или хиральности).

Нащеп вырезают из бруса длиной 250–260 см. В передней части нащеп более тонкий, а в задней (в местах насадки копыльев) — утолщен. Нащеп для легкой нарты вырезают из дерева с частью корня, так что естественный загиб служит опорой для устройства спинки; задняя часть нащеп

не случайно называется *хан' вано* (корень нарты) (Хомич 1966:84). Спинку и доски грузовой площадки делают из ели.

Копылья и вязы нарт вырезают из березы. Заготовками служат бруски длиной 50–60 см, толщиной 10–12 см, расколотые пополам. Копыл невысокий (около 50 см), овальный в сечении, утолщенный сверху и снизу. Посредством пазового крепления копылья устанавливаются косо — таков основной принцип устройства косокопыльной ненецкой нарты; пазовые соединения дополнительно укрепляют деревянными шпеньками (Историко-этнографический атлас 1961:11).

К сборке нарт мастер приступает, когда готовы все детали и вырезаны все отверстия. Сначала он соединяет пары копыльев копыльными вязами, затем закрепляет их в полозьях. Сверху набивает нащепы, закрепляет головной вяз деревянными шпеньками, после чего крепит посадочной или грузовой площадки. Стенки сиденья и борта коробов грузовых нарт крепят ременной прошивкой. На изготовление нарты при наличии всех заготовок уходит 3–5 дней. Впрочем, не всегда дело идет гладко.

Молодой оленевод из 4-й бригады, Григорий Худи, на стойбище близ Яр-Сале

Рис. 54. Изготовление нарты

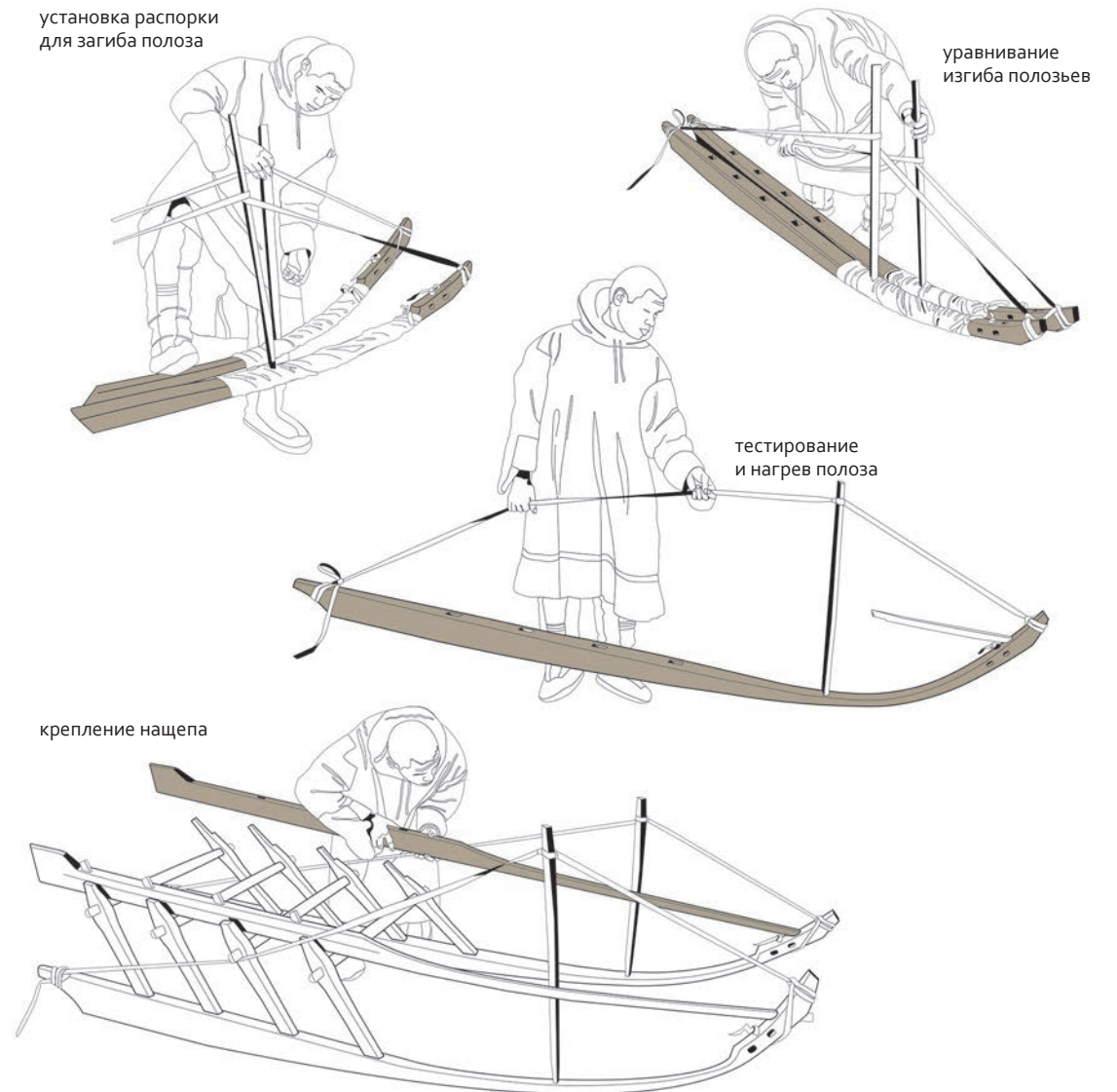

Рис. 55. Фрагменты сборки нарты

в начале апреля 2016 г. подготовил все детали для сборки нарты. Осталась лишь мелкая доводка соединительных элементов и операция по сгибу полозьев. Для сгиба он использовал распорки, стропы и нагрев водой и огнем. Сначала закрепил стропу с распоркой, обеспечивший первоначальный изгиб. Затем место сгиба обмотал мешковиной и залил кипятком из чайника, а через некоторое время нагрел на костре, дополнительно увлажняя снегом.

Неожиданно полоз сломался — на месте сгиба оказался сучок, полоз на изгибе не выдержал, и работа по сборке нарты оказалась напрасной. Нарту пришлось полностью разобрать. Комментируя неудачу, Григорий сказал, что дело не в сучке, а в его обработке: на изгибе

над сучком следовало не срезать, а оставить толстую шишку; однако молодому мастеру хотелось из эстетических соображений подрезать выпирающую «сучковую шишку». Главная сложность состояла в замене сломанного полоза. Оба полоза должны быть одинаковыми, поэтому дерево под них подбирается заранее с учетом парности заготовок еще на зимних пастбищах. Найти подходящую замену в новом месте — большая проблема.

Оленеводы считают, что удобнее, когда изготовитель нарты сам ею пользуется. Хозяин не только мастерит нарту по своему вкусу, но и знает ее слабые места, «повадки», по звуку и на ощупь определяет состояние нарты, груза и наста.

ЊЭДАЛЁСЬ

Название мужской легкой нарты (*њэдалёсь*, *њэдалёсь'хан*) связано с понятиями *њэдалава*, *недалава* (пробег оленей), *эдалё* (налегке), *неда*, *недарма* (дорога). У мальчика с 7–8 лет есть своя легковая нарта. От других нар *њэдалёсь* отличает легкость, скорость, маневренность и многофункциональность. На оленьей упряжке можно пройти до 250 км в сутки (15 км в час). На легкой нарте оленеводу приходится проводить почти всю жизнь, каслая или объезжая стадо, охотясь, участвуя в гонках и делая множество других дел, связанных с преодолением расстояний и мобильностью. Настил нарты покрывают оленьей шкурой,

на которой сидят во время поездки. Чтобы шкура не сползала, ее привязывают к сиденью старым арканом или ремнем. В нарте оленевод возит самые необходимые вещи: у переднего бортика уложен небольшой плоский ящик с инструментами, топор, аркан для ловли оленей (тынзян), ножовка, связка костяных пуговиц (пясиков) для упряжки; справа к нарте привязывают зачехленное ружье. Все это увязывается и укрывается шкурой так, чтобы осталось место для самого хозяина.

Нарта имеет 3–4 пары косо поставленных копыльев. Длина нарты от 2 до 2,7 м, ширина 0,8 м, высота 0,6 м. Летняя мужская нарта

имеет невысокую спинку и передок; зимняя отличается от летней меньшей высотой и отсутствием спинки. Мужские легковые нарты весят в среднем 35 кг, обладают грузоподъемностью 150 кг; срок их службы около трех лет (Мухачев и др. 2010:21).

На нарту садятся с левой стороны; точнее, попадают с разбега, потому что ездок отпускает вскачь упряжку оленей и тут же успеваает сам боковым прыжком вскочить на нарту и удержаться на ней. На *њэдалёсь* сидят боком, забросив правую ногу на сидение, а левую поставив на полоз. Такая поза эргономична, удобна и для сидения, и для управления

упряжкой. В левой руке ездок держат *тюр* (хорей — длинный шест с костяным наконечником), в правой — узду. Надежность *њэдалёсь* важна потому, что ее поломка в открытой зимней тундре чревата трагедией.

Главное в случае «нартокрушения» — не цепляться за нарту, а крепко держать вожжу, чтобы управлять передовым оленем. Умелые ездоки вообще не хватаются руками за нарту, а балансируют телом; во время гонок они могут мчаться, стоя пружинящими ногами на полозе и нарте.

Рис. 56. Мужская легковая нарта

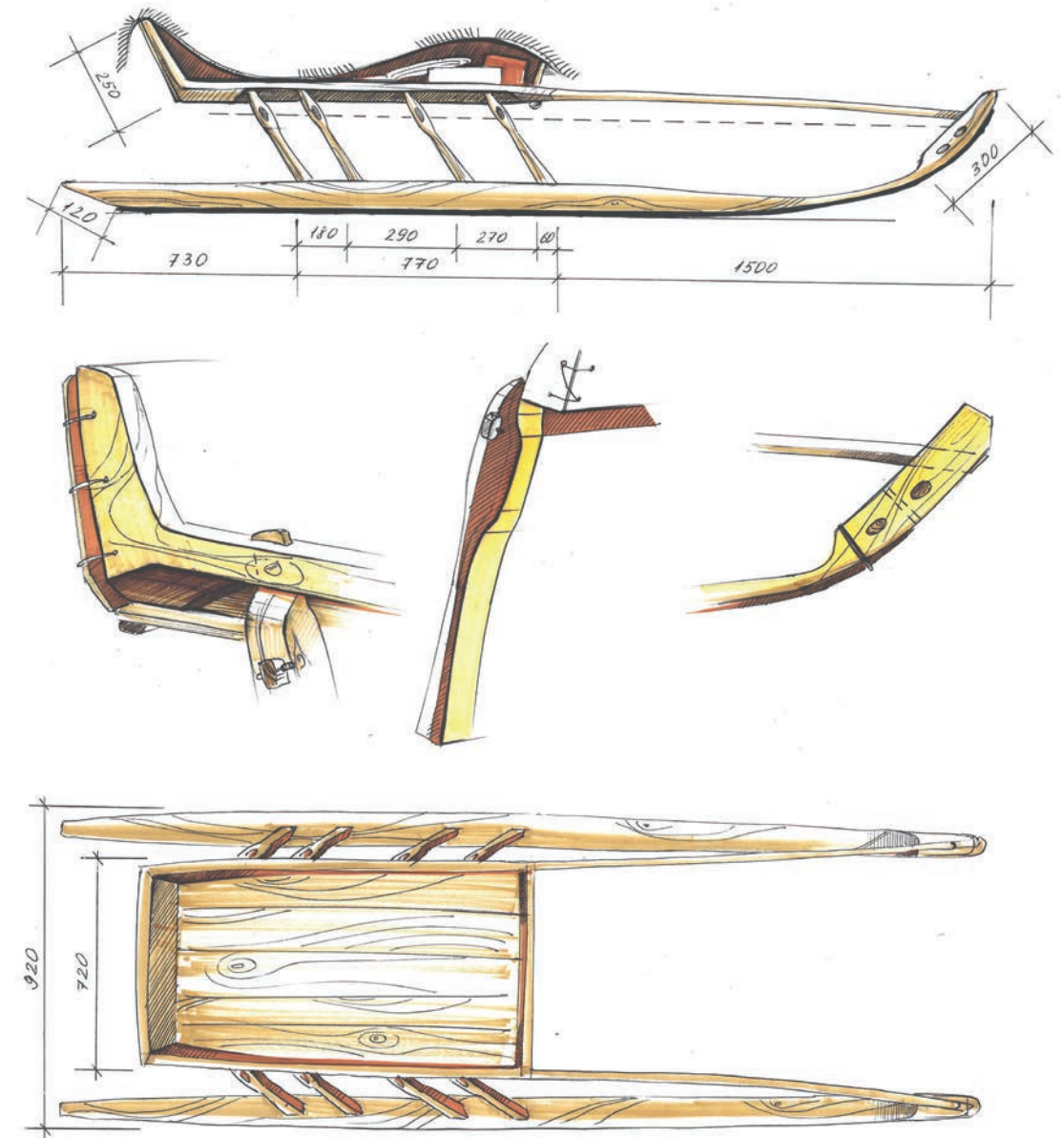

Рис. 57. Чертеж мужской нарты

НЕ-ХАН

Девушке положено иметь женскую легковую нарту *не-хан* с 10–12 лет. На ней женщина кочует и ездит по тундре (например, в гости) в компании малолетних детей, которые размещаются в задней части нарты; там же находится небольшой запас пищи и чай, а также женская швейная сумка (остаётся место и для щенка — любимца хозяйки). Грудные дети в люльке располагаются рядом с матерью в передней части нарты. При желании в *не-хан* можно спать.

Не-хан отличается от мужской нарты массивностью и прочностью, высокой посадкой (большие копылья защищают нарту от попадания снега и воды при переправах через реки) и большей площадью сидения. Она имеет значительное число копыльев (от 5 до 9 пар), высокую заднюю, переднюю и боковую стенки

(до 50 см) в виде короба. Слева боковая доска отсутствует, так как по традиции женщина не может ставить ноги на нарту, а должна держать их на полозьях. Над коробом женской нарты устраивается полукруглое укрытие в виде палатки из ивовых прутьев и двухслойного покрывала из оленьих шкур (*таp' ni'*) (0,7×3,0 м) и сукна (*ной ni'*) (1,7×3,5 м). Эта палатка (или свод кибитки) надстраивается над бортами нарты с появлением у женщины ребенка. Женская нарта весит 45–50 кг, ее грузоподъемность — 150 кг, срок службы — 4–5 лет (Мухачев и др. 2010:21).

Не-хан — важная часть женского набора вещей. Передняя часть ее нащепов обычно декорируется яркой ровдужной бахромой (*ляцё-иня*) цвета охры. В надежности и красоте женской нарты выражена мужская любовь:

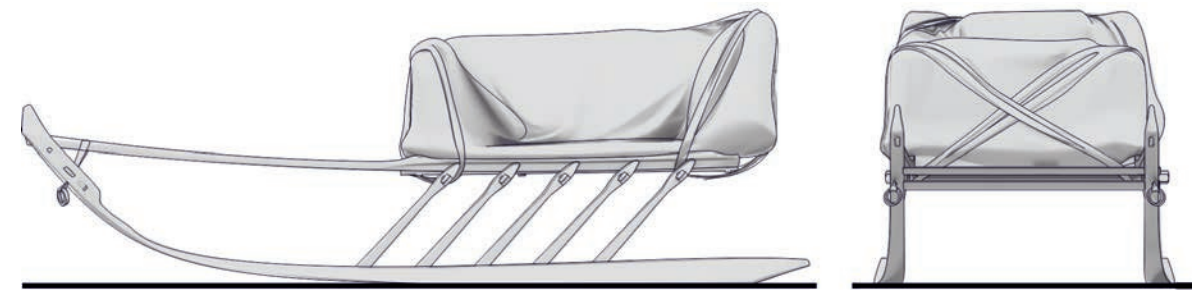

Рис. 59. Проекция женской нарты

в разговоре о своей нарте женщина непременно, с теплотой в голосе, отметит: «Мне нарту муж (отец, брат) сделал». *Не-хан* выделяется изысканностью и декором; она издавна видна и слышна — благодаря привешиваемым к ней бубенцам.

Женская нарта легко узнаваема на стойбище и в караване по яркости своего убранства. Она

ценится вдвое (или втрое) дороже мужской нарты, поскольку выполняется с особой тщательностью и предназначена для особо ценного достояния — женщин и детей. Женщина сама выбирает для своей нарты олений и запрягает их. Есть и особая женская упряжь и женский хорей для управления легковой упряжкой.

Рис. 58. Женская легковая нарта

Рис. 60. Ребенок в женской нарте

ВАНДАКО

Грузовая нарта *вандако* (*вандэй*) с 3–5 парами высоких (65 см) косо поставленных копыльев, дощатым настилом и бортами в виде короба; по конструкции приближается к легковым нартам (копылья сдвинуты к задней половине), но отличается от них массивностью. Вес грузовой нарты 25–30 кг, грузоподъемность 150–200 кг, срок службы около трех лет (Мухачев и др. 2010:21). Нарты этого типа используют для хранения и перевозки одежды, шкур, утвари, продуктов. *Вандако* — самая многочисленная среди грузовых нарты в караване. Это универсальная нарта для перевозки и хранения разного имущества, прежде всего одежды и шкур. Различаются *нарка вандако* — для меховой мужской и женской одежды, *ер вандако* — выделанных шкур, меховых мешков, заготовок, *нюдя вандако* — для невыделанных шкур.

Груз на нартах прочно связывается веревками и покрывается сверху берестой, шкурами или брезентом. На стойбище в чум вносятся только необходимая одежда и вещи, все прочее хранится в нартах. Хорошо укрытые и увязанные нарты с зимними вещами на лето оставляют на местах зимних кочевий, а если перевозят с собой, то оставляют у чума нераспакованными. Сезонно сменные *вандако*

оставляют на местах летне-зимней смены нарты и по ходу календария. На лето зимние вещи просушивают (меховые кисы, малицы, ягушки, сокуи, выделанные шкуры для нюков) и складывают в две поставленные задками друг к другу нарты, называемые *серець*. На дно нарты кладут багульник для отпугивания грызунов. Здесь же оставляют железную печку-буржуйку. Сверху нарты покрывают зимними нюками, брезентом и прочно затягивают веревками. *Серець* оставляют на возвышенном месте до возвращения с летних пастбищ. В последнее время из-за нашествия медведей хранилище *серець* делают реже; нарты ставят отдельно, полагая, что медведь, разрушив одну из них, другую оставит в покое (Мухачев и др. 2010:21). Иногда оставляемые на время нарты для перевозки и хранения зимней меховой одежды и мягкой клади называют *хурёда* или *вата хан* (букв. лишняя нарта) (Хомич 1966:94–95). Разновидность *вандако* под названием *юхуна* (3–5 пары высоких, длиной 65 см косо поставленных копыльев; длина нарты до 2,8 м) служит для перевозки постельных принадлежностей (травяных циновок, постелей-шкур, подушек, полога), а также одежды, меховой утвари, запасов древесной стружки.

Рис. 62. Копыльный узел

Рис. 61. Вандако (*вандэй*) с грузом

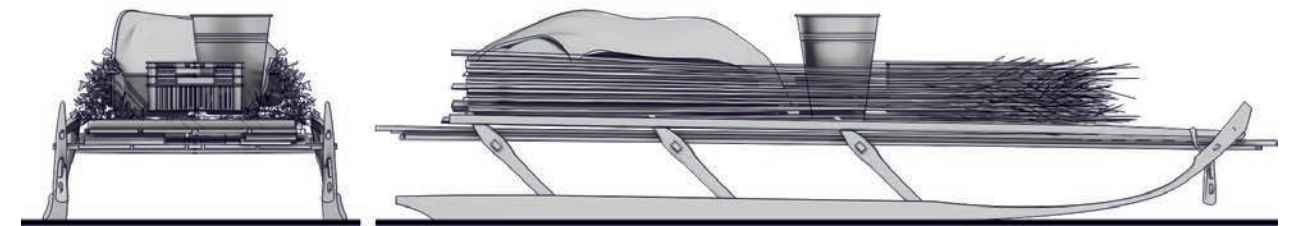

СЯБУ

Грузовая женская нарта *сябу*, иначе *ся"мэй-хан* (поганая нарта), предназначена для перевозки «всего нижнего» — железного подочажного листа *тюмю*, досок пола, матов из ивовых прутьев, запаса дров, а также мешка с женской обувью и нижней одеждой. В фольклоре переход девочки в статус девушки соотносится с нартой *сябу*: «Наша женщина, шьющая одежду для кукол, уже выросла, свои пимы она положила на поганую нарту» (Куприянова 1965:599). Если в легенде говорится о том, что отрубленная голова врага брошена на нарту *сябу*, значит с врагом покончено навсегда. Одним из позорных наказаний для мужчины были удары лямками от *сябу* (грязной нарты). Поганая нарта, сочетая в себе магические свойства железного

подочажного листа и женской обуви, является не просто «грязным местом», она обладает нижней сакральной силой *хэйвы* (*хэбяха*), не менее значительной, чем верхняя сила *хэхэ*, сосредоточенная в священной нарте *хэхэ-хан*. Оттого *сябу* и *хэхэ-хан* не должны стоять рядом. Они являются полюсами стойбища и располагаются по разные стороны чума. Мужчине не положено трогать *сябу*, женщине — *хэхэ-хан* (где хранятся духи-покровители и мужское оружие) (Головнёв 1995: 214–215).

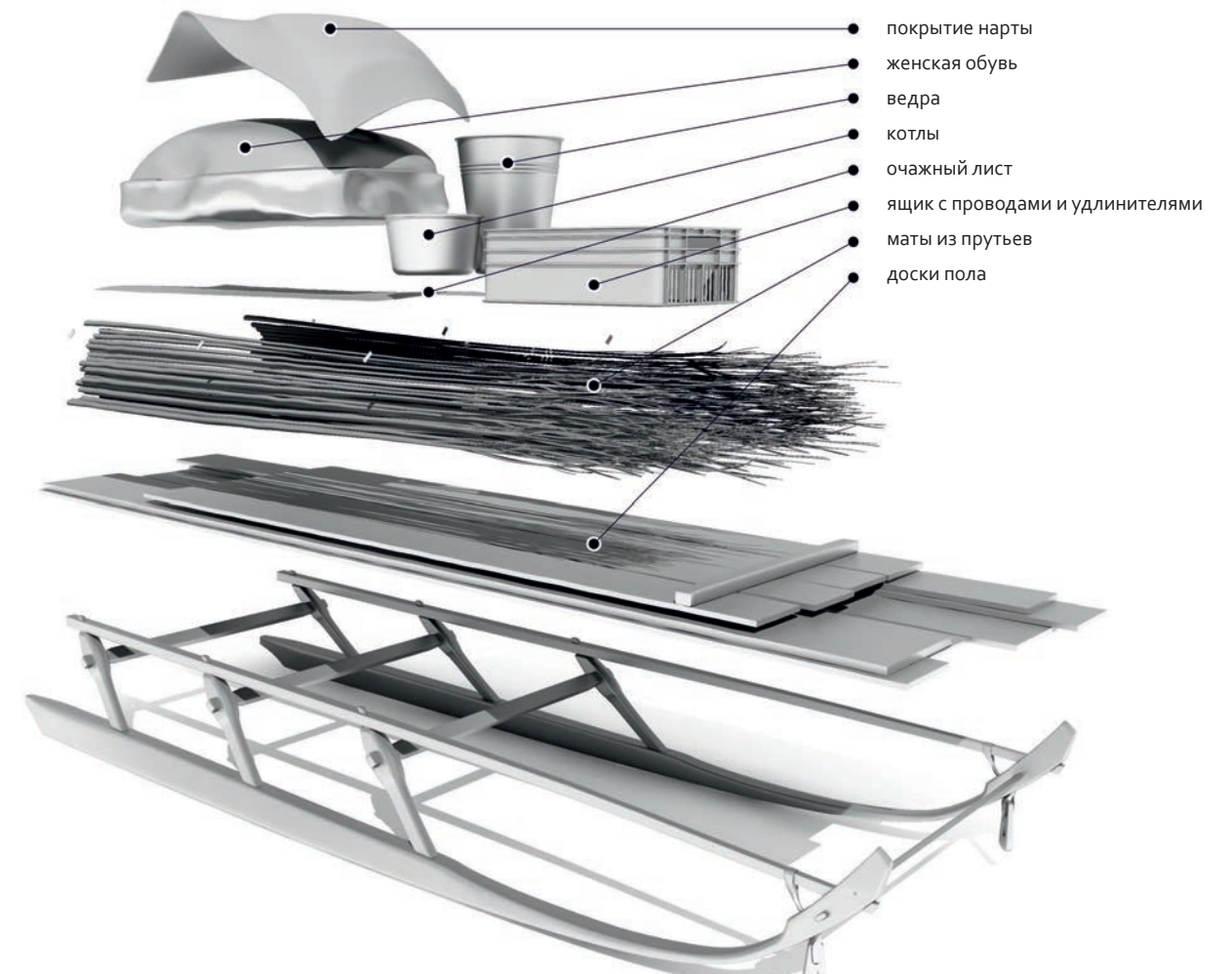
В женском аргише *сябу* идет вслед за *не-хан*, составляя тем самым сугубо женскую часть каравана, а при его заворотах на месте нового стойбища эти две нарты отвязывают от аргиша, чтобы они ни в коем случае не пересекли условной священной линии *си-няңы*,

Рис. 64. Проекция нарты *сябу*

идущей от очага на закат. Когда ненцы приносят жертву владыке нижнего мира *Ѓа*, они забивают оленя неподалеку от входа в чум на темной стороне стойбища *нё-няңы*, у «носов» поганой нарты *сябу*.

Грузовая нарта *сябу* обладает не только магической силой, но и большой грузоподъемностью.

Ее конструкция позволяет перевозить тяжести, в том числе доски пола, которые сами по себе образуют настил, используемый для упаковки других грузов. *Сябу* — нарта без настила, с 2–3 парами низких (40–50 см), слегка наклонных или вертикальных копыльев. Длина нарты от 2,5 до 3 м.

Рис. 63. Нарта *сябу*Рис. 65. Укладка вещей в *сябу*

ЏУТО

Грузовая нарта *џуто* (*џутос*) изготовлена наподобие *сябу* (с 2–3 парами низких, в 40–50 см, слегка наклонных или вертикальных копыльев) и тоже используется для перевозки тяжелых конструкций чума, прежде всего шестов и очажной утвари (котлов, крюков для котла). Нарта *џуто* крепка, грузоподъемна и длинна (до 3 м). На ней нет настила, шесты укладываются вдоль нащепов на копыльные вязы, и, несмотря на длину нарты, концы шестов свешиваются с хвоста *џуто*; из-за этого к ней невозможно привязать другую упряжку, и *џуто* идет в аргише последней. На стойбище освобожденная от шестов нарта *џуто* приклоняется наклонно к чуму (с противоположной от входа стороны), чтобы своей тяжестью прижимать нюки во время сильного ветра. Здесь, в месте, называемом *пой*, сходятся нюки чума; их стык и прикрывает тяжелая нарта,

выполняя заодно функцию сушильни, вешалки и лестницы. Нарты *џуто* и им подобные, выстроенные параллельно в ряд, использовались в соревнованиях по национальным видам спорта — прыжках через нарты.

В ненецкой мифологии нарта *џуто* упоминается в караване богини Полярного Урала *Пэ-мал хада* (Старуха края гор); одна из гор, в которую превратился аргиш богини, называется *џутос-пэ* (гора Џуто).

К грузовым нартам также относятся *хурумы-хан*, *џурос* — разновидности *џуто*, предназначенные для транспортировки тяжелых грузов (в том числе лодок, бочек, строительных материалов), а также *пэхэрэй-хан* — нарта для дров (в зависимости от маршрута каслания и его обеспеченности дровами таких нарты в аргише бывает несколько).

Рис. 66. Укладка чумовых шестов в *џуто*

Рис. 67. Шесты на нарте

ЛАРЬ-ХАН

Одна из грузовых нарт — *ларь-хан* или *сундук-хан* (очевидно, русская по дизайну) — дополняется дощатым ларем (сундуком) с двухскатной крышей, который устанавливается на вязы между нащепами. В крыше ларя сделан небольшой люк-дверца. Во вместительной нарте-ларе хранятся пищевые продукты (хлеб, сухари, мука, мороженая рыба и мясо, соль, сахар, крупы, сливочное и растительное масло, а также ягоды, в мешках и стеклянной таре). Внутри ларь имеет несколько отделений для разных видов пищи. Прежде чем уложить продукты, дно ларя выстилают брезентом, предохраняющим его содержимое от влаги при переправах через водоемы, и насыпают стружку, предохраняя от ударов и все той же влажности. Прочно сбитый и снаружи покрашенный масляной краской, ларь-сундук надежно защищает содержимое от снега,

дождя и ветра, выполняя роль мобильного хранилища-холодильника. Потоки ветра обеспечивают вентиляцию и сухость такого хранилища (особенно в нижней, более уязвимой для влаги, части), что в свою очередь сказывается на общем влажностном режиме.

Этот маленький склад припасов всегда находится «под рукой» у хозяйки. В нем есть все необходимое, чтобы «по-быстрому приготовить чай или накормить семью»: хлеб, мука, чай, соль, сахар, сухари, замороженная рыба и мясо, масло, а также посуда (стеклянные чашки, блюдца, тарелки). На стойбище *ларь-хан* располагается в шаговой доступности от чума, чтобы хозяйке было удобно несколько раз в день, невзирая на пургу или тьму (особенно во время полярной ночи), достать из ларя все необходимое, а лишнее сложить назад. Поскольку фонариками женщины

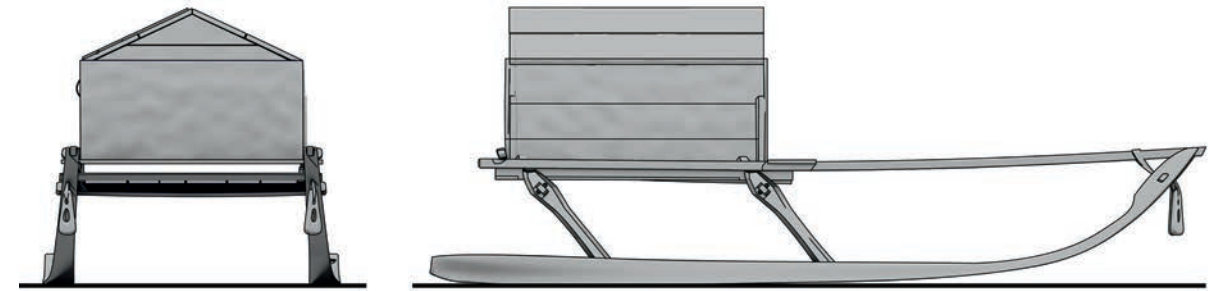

Рис. 69. Проекция нарты *ларь-хан*

пользуются редко (батарейки «не терпят»), ларь должен располагаться так, чтобы его можно было найти «на ощупь», легко открыть и распорядиться его содержимым в темноте. *Ларь-хан* с его конструкцией и крышкой удобен для защиты пищи от собак, чаек, мышей и других охотников поживиться запасами оленеводов.

Ларь-хан относительно недавно вошел в обиход кочевников. Прежде в качестве продуктовых использовались нарты, специально приспособленные для перевозки и хранения мяса (*намзи-хан*), рыбы (*халя-хан*) и хлеба (*нянь-хан*). В аргише может быть несколько продуктовых нарт, помимо *ларь-хан*.

Рис. 68. *Ларь-хан*

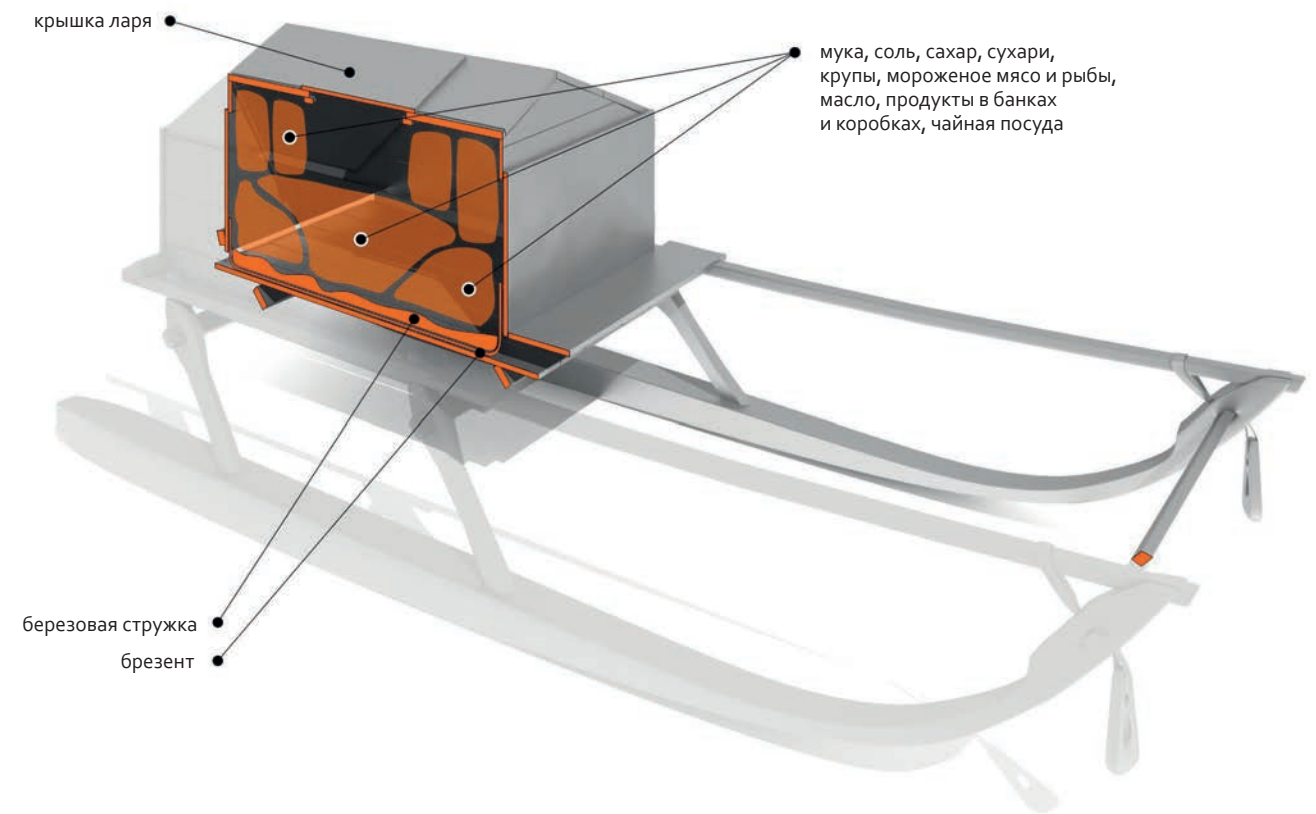

Рис. 70. Укладка вещей в *ларь-хан*

ХЭХЭ-ХАН

Хэхэ-хан (*хаэнан*) — «нарта духов» или «нарта богов» — походное святилище, тундровый кочующий ковчег. У каждого главы семьи есть своя священная нарта, унаследованная от отца; если взрослые братья кочуют вместе, у них одна на всех *хэхэ-хан*. На стойбище она располагается за чумом, с противоположной от входа стороны, называемой *си* и считающейся священной. Здесь стараются лишней раз не появляться женщины или, по крайней мере, не пересекать условной линии, идущей от очага к священному шесту *сымзы* и далее на северо-запад. Противоположным полюсом чума и стойбища считается привходовая сторона *нё*, где стоят женские нарты *не-хан* и *сябу*. В караване *хэхэ-хан* обычно идет первой в мужском аргеше вслед за легкой нартой *ңэдалёсь*, так же как *сябу* идет вслед за женской нартой *не-хан*. Если у ненцев случается развод и дележ имущества,

то мужчина берет себе *хэхэ-хан* и священный шест *сымзы*, а женщина — нарты *не-хан* и *сябу*.

В священной нарте хранятся изображения ненецких духов и богов, в том числе *Илебямбэртя* (Хранителя оленей), *Пэ-мал хада* (Старуха края гор, которую олицетворяет камень особой формы — знак *Хадам-пэ*), *Ямал-хада* (Богиня края земли), *Сэр-ңо ирико* (Белый старик), *Явмал-хэсе* (Бог южного неба), *Япतिक-хэсе* (божество-посредник в облике колокола, звон которого оповещает богов), родовой дух хозяина нарты и другие памятные и важные для семьи вещи. Если в роду был шаман, то его изображение (*ңытарма*) хранят на маленькой нарточке (*ңытарма ханокко*) поверх священной нарты. Дух шамана и после смерти символически кочует вместе со своими потомками.

В священной нарте хранится оружие, в том числе старые копья, сабли, ружья.

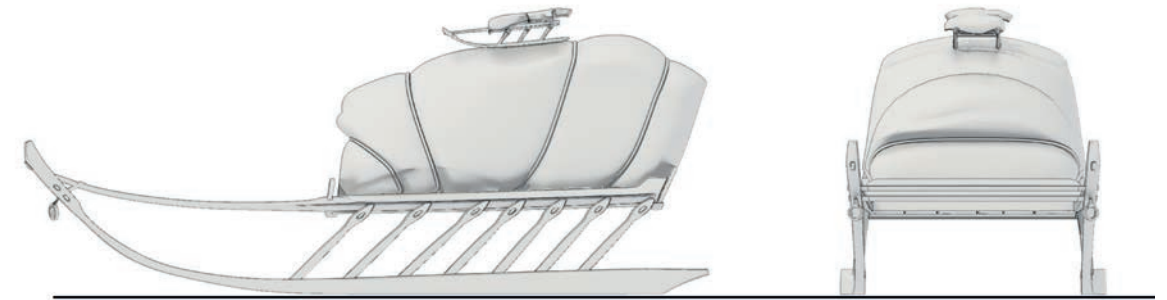

Рис. 72. Проекция нарты *хэхэ-хан*

По представлениям ненцев, металл — в особом почете у богов и шаманов: в мифах богатыри и боги живут в металлических чумах, носят железные доспехи, стреляют из железных и серебряных луков, ходят на железных лыжах. Среди шаманских атрибутов много металлических изделий. В священных нартах шамана непременно есть металл: например, из железа выковывался центральный копыль у семикопыльных священных нарт. По семь зарубок наносится на перед нащупов (*нин*) священной нарты, а ее «носы» при жертвоприношениях смазываются кровью и жиром.

Священные нарты шаманов — кочующие капища. Например, шаман-жрец (*хэхэмбэртя*) *Япतिक-хэсе*, по традиции, возит в своей *хэхэ-хан* обернутое тканями «большое изваяние» божества, вместе с которым он объезжает весь Ямал и «считает всех ненцев». По традиционным представлениям, кочует само божество, а жрец лишь возит его по тундрам.

Хэхэ-хан открывают редко — для священнодействий, жертвоприношений и ритуальных трапез; при этом столик из чума к нарте выносят не через дверь *нё*, а через священную сторону *си*. Богов и духов на священнодействие призывают шаманской призывной песней (*самбдабц*) и звоном колокола (*Япतिक-хэсе*). В одной из шаманских песен Богиня края гор (*Пэ-мал хада*) откликается на призыв шамана: «У носа священных нарт я остановлюсь» (*Хэхэ-хано пыярин нултарингувэй*).

Хэхэ-хан хранит стойбище и кочевье. Злые духи, преследующие людей, страшатся священной нарты. В сказании «Клюв Белого орла» дух нижнего мира *ңайтар*, настигнув людей, приближается к священной нарте и вдруг падает перед ней на четвереньки — его руки и ноги прирастают к земле. По традиции полярно-уральских ненцев, если во время пурги потеряется олененок, для его спасения из священной нарты достают изображение *пухуча пэ* (образ

Пэ-мал хада), привязывают к хорею и ставят за чум со стороны *си*.

В особо важных случаях люди, отправляясь на святилище, везут с собой священную нарту, в которую обычно запрягают пару оленей светлой масти. Отслужившую свой срок или оставшуюся без хозяина *хэхэ-хан* отвозят на святилище рода, к которому принадлежал ее владелец.

Хэхэ-хан — культовый узел кочевья и стойбища, связывающий сакральными нитями пространство чума и всей тундры. Помимо священной нарты сакральные роли на стойбище и в караване играют шест *сымзы*, а также бродящие в его стаде олени, посвященные духам и богам: например, *яля-ты* (белый олень солнца); *муңгота-ты* (пестрый олень молнии), *ямьдота-ты* (бурый олень медведя), *ңайвоседа-ты* (серебристый олень святилища *ңайвоседа*), *сармик-ты* (темно-рыжий олень волка). Эти олени ходят среди стада, кочуют с аргишем; когда они состарятся, их забивают, а их кровью обмазывают новых посвященных оленей. Запрячь их могут только в священную нарту.

В ненецкой традиции люди и духи кочуют вместе, в одном караване, «одном стаде». Священная нарта, которая может показаться нерациональным излишеством в обозе кочевника, на самом деле обеспечивает его связь с сакральным пространством-временем всей тундры, ее богами и стихиями. Эта религиозная технология духовных связей тундры крайне важна для принятия решений, особенно в экстремальных ситуациях. Арктика с ее частыми, но всегда неожиданными рисками и угрозами предстает предсказуемой и уютной, если люди и боги постоянно слышат и видят друг друга. Религиозно-обрядовый минимализм кочевников настроен, как и в других подобных проявлениях, на охват большого пространства малыми средствами за счет высокой мобильности и прочной духовной коммуникации.

Рис. 71. Жертвенная трапеза у *хэхэ-хан*

ЧУМ

Кочующий очаг

Конструкция

Сборка

Теплообмен

Техноанимация

Вещеоборот

КОЧУЮЩИЙ ОЧАГ

Однажды к палаткам археологов на Ярте подъехали ненцы и, приблизившись к вечернему костру, спросили: «Тундру греете?» У ненца открытый огонь вызывает вопрос, поскольку тепло очага следует бережно и экономно расходовать. Ненцы возят с собой по тундре особую нарту с дровами (*пэхэрэй-хан*), собирают для очага карликовую березу и черный мох *пармерка*, ездят к морю за выброшенным на берег плавным лесом. Железная печка-буржуйка стала традицией в тундре благодаря ее свойству быстро разогревать не только чайник, но и пространство чума.

Место для нового стойбища определяет мужчина, втыкая в землю или снег хорей, а первую вещь в основание чума — железный очажный лист *тюмю* — кладет женщина. С очага начинается сооружение чума, и, возможно, в этом действии всякий раз повторяется история самого чума, который изначально был «укрытым от ветра костром».

Ненецкий чум (*мя*) — жилище мобильное, но не временное: скорее, он существует вне времени. Чум простоял в ямальской тундре тысячи лет, хотя и менял свое оснащение и расположение. Долговечность чума состоит в его обновляемости и мобильности. Среди ненецких жилищ есть ветхие или бедные, но они могут похорошеть и посвежесть, стоит хозяевам разжиться новыми оленьими шкурами для нюков и древесиной для шестов. Обычно чум обновляется постепенно и по частям, сохраняя статус «неопределенного возраста».

В отличие от других жилищ, чум не крепится к земле. Даже если кочевник в точности повторяет пути своих касланий и останавливается на местах прежних стоянок, он старается не ставить чум ровно на то же место, где стоял раньше, чтобы всякий раз очажное пятно было новым. Если на *мядырма* (месте ежегодных остановок) хозяйку чума расспросить о старых становищах, она покажет пяток-другой поросших желто-красным мхом костровых пятен и определит каждое: «Этому два года, этому пять лет, этому десять» (Головнёв 1995:209). На оставляемых стойбищах (*мяды*) мусор сбрасывается под откос плакора или сжигается. По поверьям, сразу после отъезда людей на чумовище является дух *Мядинда*, который собирает все останки, и через них (особенно брошенные ногти и волосы) может наслать порчу на беспечных хозяев (Хомич 1966:111).

Когда стойбище снимается, чум уходит почти бесследно: летний очаг еще различим по костровому пятну, а зимняя печка-буржуйка следа не оставляет. В зимнее время чум стоит прямо на снегу, и жизнь идет буквально на сугробе: маты из березовых прутьев и половые доски, настланные на снег, превращают чум в приподнятую над землей меховую «капсулу» тепла и уюта (пока чум стоит, снег под ним не протаивает, хотя местами проваливается и чернеет). Получается, что чум крепится не к месту, а к каравану, и представляет собой сборно-разборное жилье, простое, органичное и универсальное.

Благодаря возможности быстрого свертывания и развертывания (трансформер) чум обладает свойством многообразного и экстерриториального использования: для оседлого освоения той же территории пришлось бы извести весь лес в соседней тайге и застроить пастбища домами и коммуникациями. Чум легко транспортируется, так как имеет небольшой вес и объем; для его установки не требуются дополнительных приспособлений.

Обычно стойбище остается на одном месте не более полумесяца (зимой), недели (летом), двух-трех дней (весной и осенью). Около часа (зимой) или получаса (летом) тратят женщины на установку или разбор чума. В легендах героиня разбирает чум так быстро, как будто просто проходит по обе его стороны. Весь чум, вместе с его содержимым, упаковывается в несколько нарт: нюки укладываются на *еяхан*, шесты — на *нүто*, постели — на *юхана*, половые доски и маты из прутьев — на *сябу*. Собирают чум так же быстро, как разбирают. Делают это в основном женщины, но пакут нарт, перевязывают их и расставляют в аргиш мужчины. Некоторые элементы жилища оказываются удобными и для установки чума, и для упаковки в нарт; например, веревки нюка, с помощью которых он крепится на конусе шестов, служат и для привязывания снятого нюка к нарте.

Несмотря на простоту своего устройства: конус из жердей, укрытый шитыми из полотно бересты (летом) или оленьих шкур (зимой) нюков, тундровый чум является своего рода достижением кочевой жизни. Речь в данном случае идет не столько о его общеизвестных замечательных свойствах противостоять ветрам, снегам и дождям, хранить тепло (зимой)

Рис. 73. Ненецкое стойбище

или прохладу (летом), сколько о том, что он «соткан» из всего пространства кочевий. Без него кочевание невозможно, но и он невозможен без кочевания. Его меховое покрытие — два внутренних (*мюйко*) и два наружных (*ея*) нюка — сшито из 6–7 десятков шкур оленей, выпас которых предполагает ежегодные путешествия от края тайги до края арктических морей. Шесты для его остова (числом до 4–5 десятков) и нарты для его перевозки (в количестве 5–10) изготавливаются из стволов деревьев, которые можно отыскать только в полосе лесов. Топливо для очага собирается по всему пути каслания. Таким образом, кочующий чум «вырастает» в точке пересечения трех измерений: ресурсов территории, стада оленей и сообщества людей, каждое из которых по-своему обширно и мобильно.

Чум — главный признак жизни в тундре. Ненецкая загадка «Посередине тундры остроконечная куча, покрытая шкурами» (отгадка — чум) описывает эту приметку обитаемого пространства. Остроконечность — один из эстетических канонов, выраженных в ненецком орнаменте, а также в описаниях одеяний и жилищ богов и героев. В равнинной тундре чум виден издали и всегда «похож на чум», поскольку треугольником выглядит как весь его силуэт, так и одна макушка. По мере приближения путник замечает, что макушка треугольника задымила — значит, хозяйка заметила гостя и кипятят чай к его приходу.

Несмотря на свой временный характер, чум служит надежным приютом не только для его хозяев, но и для скитальца: по старому обычаю, гость мог оставаться и жить в чуме сколько угодно без объяснений, извинений и оплаты (ныне из-за бурного развития этнотуризма об этом вспоминают как о золотом веке).

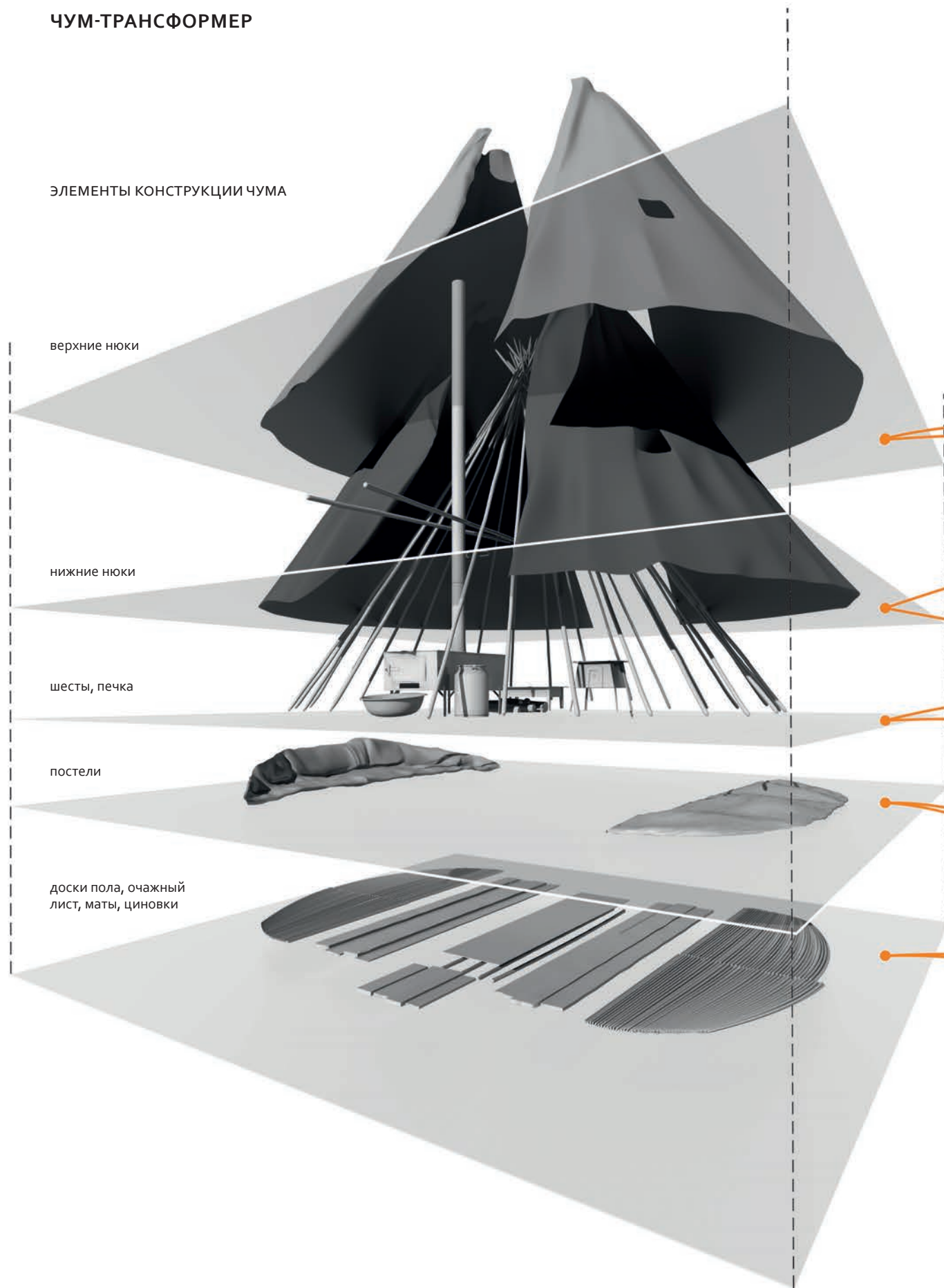
Ненцы-кочевники считают чум эталоном мобильного уюта, который, в отличие от прочих его разновидностей, можно носить с собой. Здесь все под рукой, всего достаточно, и нет излишеств. Чум можно считать «чистым вариантом» (или дизайн-проектом) этики минимализма.

Есть в чуме и особого свойства уют, доступный только человеку, живущему в открытом диалоге с природой. Чум остается частью тундры: в верхнее дымовое окно смотрят звезды и капает дождь, по хлопанию нюков ощутима сила пурги, треск копыт снаружи оповещает о приходе оленей. В свое время В. Иславину довелось ночевать в избах с его проводниками-самоедами и наблюдать, как они среди ночи, «один за другим выходя из избы, оставались на дворе и проводили ночь, кто скорчившись на саночках, а кто просто развалившись на снегу» (Иславин 1847:28). Неприязнь кочевника к «глухому и слепому» дому иногда граничит с клаустрофобией, и он предпочитает ночлег в *хоркы-мя* («куропачьем чуме» — куропатка спит в снегу, пробив с воздуха лунку в наст) сну в тесной избе.

ЧУМ-ТРАНСФОРМЕР

ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТРУКЦИИ ЧУМА

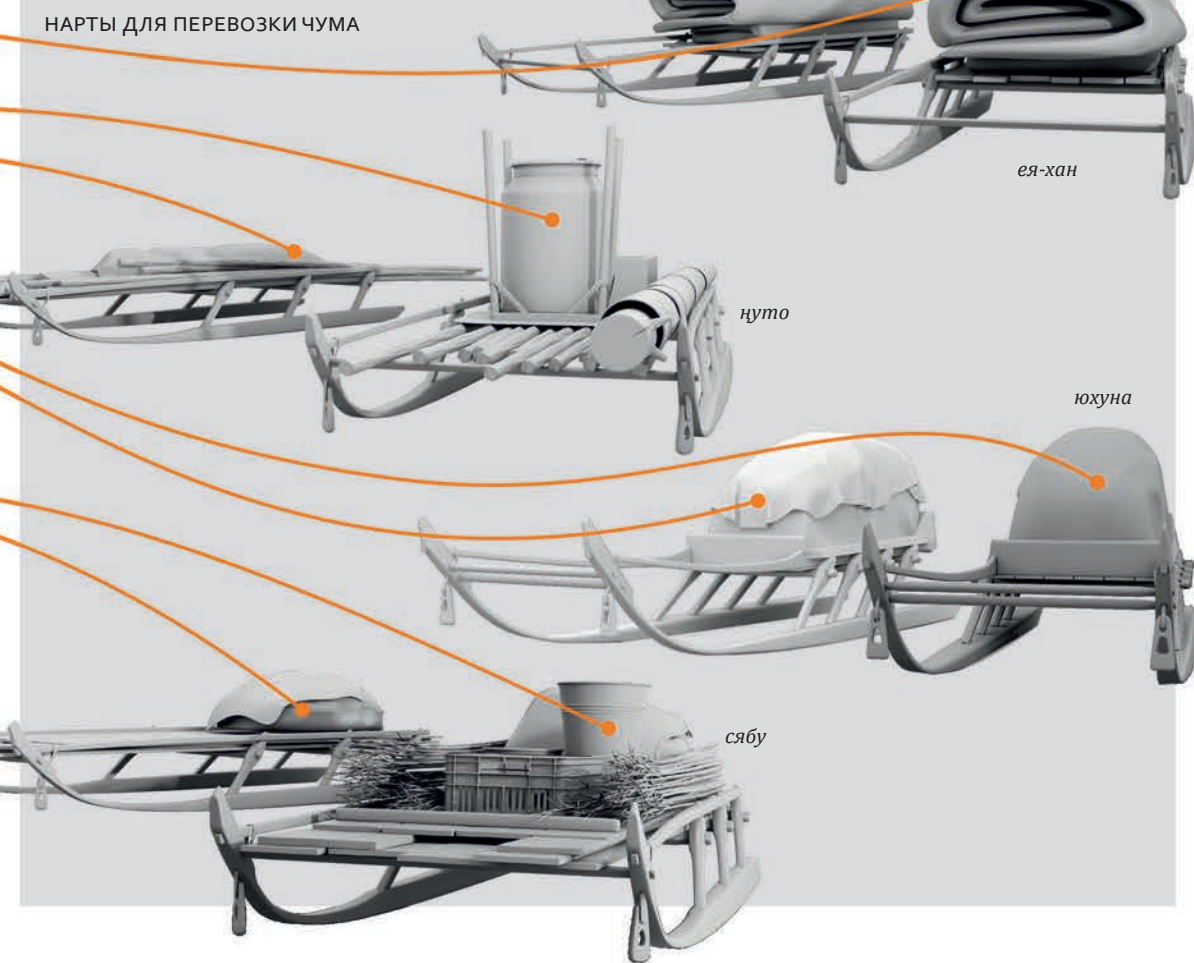
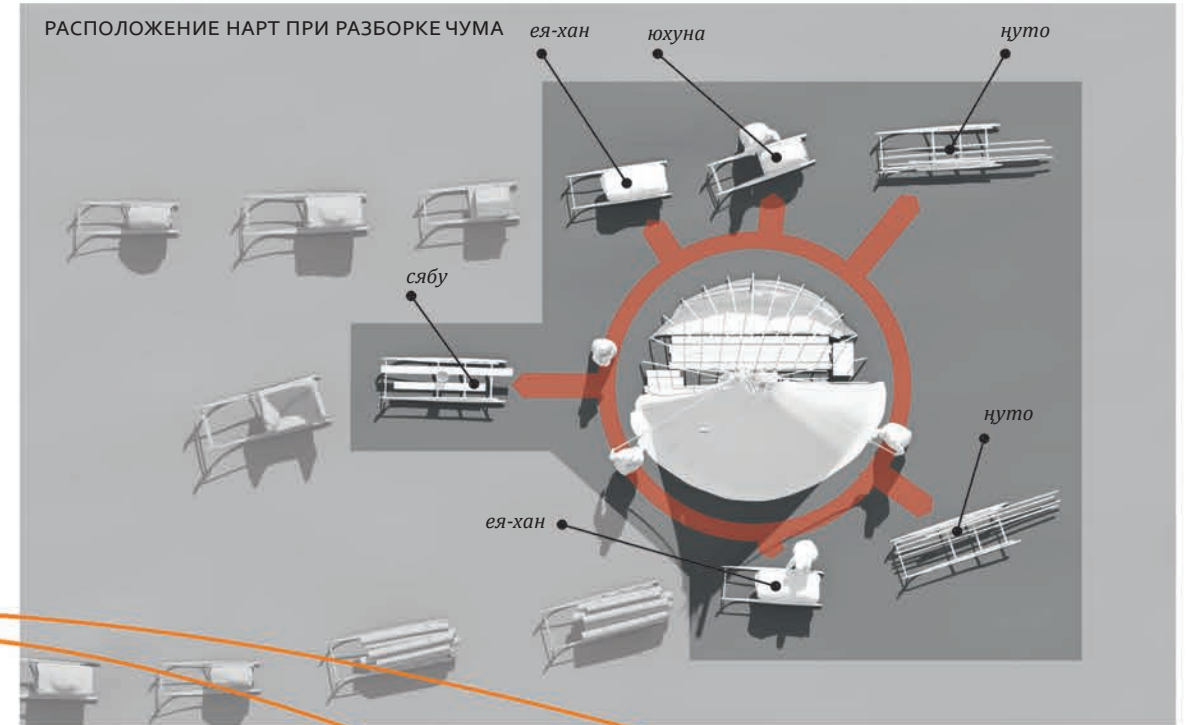
верхние нюки

нижние нюки

шесты, печка

постели

доски пола, очажный лист, маты, циновки

КОНСТРУКЦИЯ

У народов Севера имеется немало своеобразных жилищ, различающихся по типам, форме, конструкции, материалу: заслоны и шалаши, землянки и срубные дома, яранги, вигвамы, вежи, иглу. Чум (мя) оленеводов-кочевников Ямала по архитектурно-строительной классификации относится к типу временных укрытий или переносных жилищ. Это легкое мобильное сооружение, состоящее из двух типологических элементов — длинных деревянных шестов (ну) и меховых (берестяных, брезентовых) покрышек-нюков (внешние ея, внутренние мюйко).

Каркасом (остовом) чума служат 25–50 шестов, поставленных конусом: к двум основным опорным шестам (макода, или мя'хасава — букв. «чумовые мужчины») на одинаковом расстоянии друг от друга приставляются остальные; нижние концы шестов втыкаются по кругу в землю или снег. Веревка, продевая сквозь отверстия сверху опорных шестов, образует петлю (макода'иня), в которую продевают верхние концы остальных шестов. Переплетение концов шестов в вершине чума служит одним из основных конструктивных узлов чума.

От количества и длины шестов зависит устойчивость и размер чума: чем больше шестов и шире расстояние между опорами, тем вместительнее жилище. В фольклоре ненцев чум бедняка рисуется «иглоподобным», чум богатого оленевода — в форме тупого конуса. Летний чум обычно меньше зимнего.

Шесты изготавливаются из тонкоствольной ели или сосны длиной от 5 м и более. Шест — не просто длинная жердь со слегка обработкой поверхностью, а сложный конструктивный элемент. Заготовка для шеста выбирается тщательно: особое внимание уделяется расположению и количеству сучков, ровности и легкости дерева. Шест обрабатывается в соответствии с законами сопротивления материала: поверхность его обстругивается и ошкуривается по всей длине таким образом, чтобы он с обоих концов постепенно утолщался к середине и имел овальную (эллипсоидную) форму сечения, что соответствует эпюре распределения сил. С нижнего конца шест заострен. Два основных опорных шеста прямоугольные в сечении.

При монтаже чума шест ставится ребром к нагрузке (ветровой, весу нюков). На каждой новой стоянке при очередной сборке чума шест поворачивается на 180° вокруг своей

продольной оси — для исправления и недопущения прогиба. При сильных порывах ветра все шесты чума прогибаются одновременно и одинаково, создавая направление равнодействующей силы строго вниз, обеспечивая прижатие конуса к земле.

Нижние концы чумовых шестов от длительного нахождения в снегу или во влажной земле подгнивают. Удаление подгнившей части приводит к тому, что со временем шест «стачивается». По высоте вершин торчащих из макушки чума шестов можно определить их возраст. Короткие, еле выступающие над конусом чума вершины шестов — старые (их подгнившие комли много раз подрубались), длинные — свежие. Тундровики-олeneводы берегут и ценят чумовые шесты. В тундре деревьев нет, и заготовки для шестов можно вырубить только зимой во время пребывания в лесотундровой зоне. Обычно за зиму подбирают и обрабатывают не более 10 штук.

На остов чума натягивают нюки из оленьих шкур (зимой) и бересты или брезента (летом). В верхней части чума (мяд'сарва) оставляется отверстие для выхода дыма — дымовое окно (макода'си). Вход (нѐ) чума прикрывается краем нюка, образуя откидную дверь.

Зимние и летние покрышки (нюки) различаются. Для зимнего чума шьют нюки из толстых (зимних) шкур взрослого оленя сухожильной нитью. Зимних покрышки четыре: две наружные мехом наружу (ея) и две внутренние (поднючье) мехом вовнутрь (мюйко). Все четыре покрышки имеют форму трапеции (усеченной половины развернутого конуса) и примерно одинаковы по размерам. К верхним углам покрышек пришиты «уши» (ея'ха, мюйко ха), в которые вставляются жерди для поднимания (подкидывания) нюка на остов чума. К «ушам» пришиты веревки (манг), которыми нюки крепят к каркасу чума, обматывая по спирали (сверху вниз) вокруг остова и привязывая концы к основаниям шестов.

На один нюк расходуется не менее 15–20 оленьих шкур, на полный комплект (четыре нюка) — 60–80. Наружные (верхние) покрышки шьют из новых шкур, а в качестве поднючья (нижних или внутренних покрышек) используют старые, вытертые наружные нюки, которые переворачивают ворсом внутрь. Если поднючье шьют из новых шкур, то шерсть на них подстригают. При хорошем уходе

Рис. 74. Разборка чумов

(постоянном выбивании снега зимой, просушке и хранении в проветриваемом месте) меховые покрышки хорошо сохраняют тепло. Поднючье предохраняют нюки от перепадов наружных и внутренних температур, предотвращая их быстрый износ. Двухслойность покрышек значительно улучшает теплозащитные свойства чума.

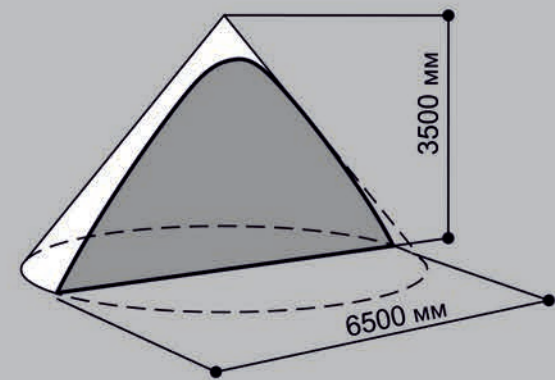
Для летнего чума сегодня используют покрышки из брезента и грубого сукна, реже — выношенные зимние нюки в один слой. В старину покрышки для летнего чума (тиски) делали из бересты. Берестяные покрышки не намокают от дождя и хорошо пропускают воздух, поэтому чум хранит прохладу летом. Снятую рулоном бересту очищали от наростов и верхнего (белого) слоя, вываривали в воде (иногда с рыбьим жиром) в течение суток, отчего она становилась эластичной и прочной. Затем куски бересты сухожильной или толстой растительной (конопляной, льняной) нитью сшивали в длинные трехслойные (два продольных и один поперечный слой) полотнища (мэ). Для покрытия летнего чума требовалось 4–5 берестяных полотнищ: два верхних и два-три нижних. Дверь берестяного чума представляла собой прямоугольное или

трапециевидное полотнище, края которого для прочности обшивались кожей. Подвешивалась дверь на двух веревках к одному из шестов. Перевозились и хранились берестяные покрышки свернутыми в рулоны. Берестяные покрышки служили 8–10 лет. Изготовление берестяных покрышек трудоемко, поэтому ненцы нередко покупали берестяные покрышки, как и чумовые шесты, у хантов и манси, которые специально изготавливали их для оленеводов.

В комплект чума входят 4–8 широких досок, которые настилаются на пол (для зимнего чума), а также маты из прутьев, травяные циновки и постели (шкуры). Маты, сплетенные из ивовых или березовых прутьев (ху'нер), укладываются на землю или снег. Поверх матов стелются циновки из сухой травы (нумпэца, нутяр) или старые оленьи шкуры, а на них, в качестве «постели», цельные шкуры взрослого зимнего оленя (пэца, хоба). Маты и циновки предохраняют «постели» от намокания и намерзания снега. Многослойная конструкция со всех сторон (и снизу) создает чуму теплоизоляцию и прочность.

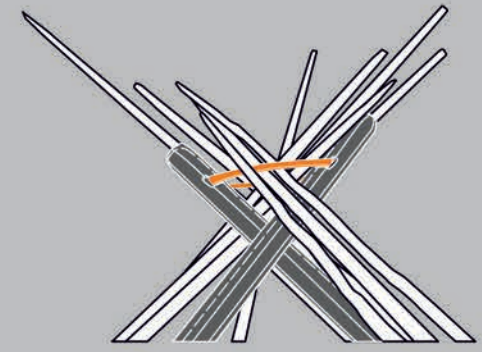
КОНСТРУКТИВНЫЕ УЗЛЫ ЧУМА

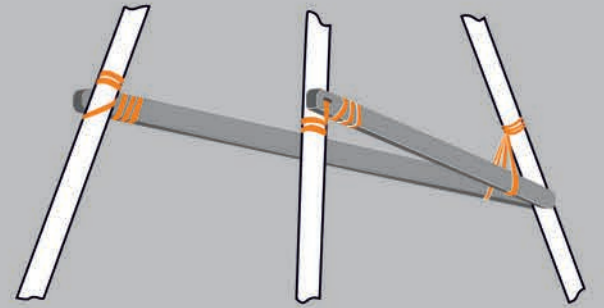
- УЗЕЛ 1
- УЗЕЛ 2
- УЗЕЛ 3

- внутренние нюки (мюйко)
- наружные нюки (ея)
- полог (есер")
- постели (ва'ав)
- полы (лата)

снежный наст
мерзлота

УЗЕЛ 1
верхнее соединение шестов (макода-си)

УЗЕЛ 2
крепление горизонтальных шестов (ти)

УЗЕЛ 3
многослойность укладки постели (ва'ав)

обкопка снегом по окружности чума

СБОРКА

Последовательность сборки чума важна, поскольку позволяет (а) в нужной очередности скрепить конструкцию, (б) адаптировать ее к месту постановки чума, (в) соблюсти точность сборки-разборки «трансформера», (г) минимизировать и довести до автоматизма усилия по устройству жилья. Строгий порядок и темп сборки — черта мобильности, в том числе в условиях, которые в любой момент могут стать экстремальными. В этом смысле искусство установки чума — залог безопасности и выживания в Арктике. Нам не довелось слышать о случаях, когда по какой-либо причине (болезни, немощи, разгула стихий) оленеводам после каслания не удалось поставить чум. Разборка чума производится в обратном порядке (для последовательности укладки в нарты), однако она не столь критична в своей точности и темпе, как сборка, поскольку начало кочевки более регулируемо и предсказуемо, чем ее завершение.

Место для стойбища и чума выбирает мужчина, обозначая центр воткнутом в землю или снег хореом. Зимой для стойбища подыскивают закрытое от ветра пространство, летом, наоборот, открытое и хорошо продуваемое. Площадка вокруг чумов должна быть относительно ровной (для загона оленей), иметь источник чистой воды, но главное — находиться среди хорошего пастбища. Именно состояние кормов в первую очередь проверяет глава кочевья, определяющий местонахождение очередного стойбища.

Глава кочевья останавливает свой аргиш на том месте, где будет стоять чум; его выход всегда ориентирован на восход (юго-запад). Остальные аргиши выстраиваются по бокам от него, параллельно друг другу. Женщина и ее вещи не должны пересекать священную территорию за чумом (со стороны *си-няңы*), поэтому мужчина выходит навстречу женскому аргишу и «размыкает» его, отделяя *не-хан* и *сябу* от следующих за ними нарт. Женщина ставит свои две нарты неподалеку от дверей будущего чума (со стороны *нё-няңы*), а остальные нарты мужчина ведет по дуге вокруг будущего чума к месту их расположения. Таким образом, первым действием оказывается расстановка нарт вокруг площадки будущего чума.

Затем мужчина расчищает жилую площадку, после чего ведущая роль в сборке чума переходит к женщине. В дальнейшем мужчины лишь

помогают постановке чума, перетаскивая вещи и поддерживая шесты. Главным действующим лицом и «инженером» в установке чума выступает женщина. В прежние времена сборка чума считалась сугубо женским делом. Как заметил В. П. Евладов, мужчины и «не умеют хорошо поставить чум». Оттого неженатый ненец, «даже имеющий достаточное количество оленей, но ни одной женщины в семье, не считает себя в состоянии кочевать, так как некому поставить чум» (Евладов 1992:161). В фольклоре родители девочки отвечают на предложения сватов, что она еще мала, «не сможет поставить чума на новом стойбище» (Терещенко 1990:27).

Установка чума занимает сорок минут — час, в зависимости от сноровки хозяйки, наличия помощников и погодных условий. Первым делом женщина развязывает груз на сябу, достает железный очажный лист (*тюлю*) и кладет его на землю или на 3–4 опорные жерди. Затем по обеим сторонам от очага встык укладывают доски пола (*лата*). В прошлом по наличию досок судили о зажиточности семьи: «если у очага по одной доске с каждой стороны, то это чум бедняка, по три — середняка, по семь — богача». Следом заносят печку и габаритную утварь (столы, сиденья в виде чурок, ящиков, пенопластовых кубов-«поплавков»). С нарты *сябу* берут маты из прутьев и циновки и укладывают на ветки-лапник или прямо на снег (летом на землю) с двух сторон от досок пола, образуя две полукруглые постели-лежанки. С нарты *юхоны* снимают узел с постелями и оставляют на циновках до завершения установки чума.

На очереди установка опорных шестов, которые хозяйка, развязав веревки, достает из нарты *нуто*. В установке шестов-опор ей помогает мужчина или другая женщина. Перекрещенные ниже веревочного кольца шесты ставят так, чтобы они располагались за постелью на одинаковом расстоянии от входа и противоположной стороны, определяя диаметр чума. Верхние концы шестов кладут на стоящий за печкой столик, а нижние упирают в точки установки на равном расстоянии от входа и противоположной стороны, а затем синхронно поднимают их. Остальные шесты ставят с двух сторон в определенной последовательности. Основные шесты придерживают до тех пор, пока каркас не приобретет устойчивость.

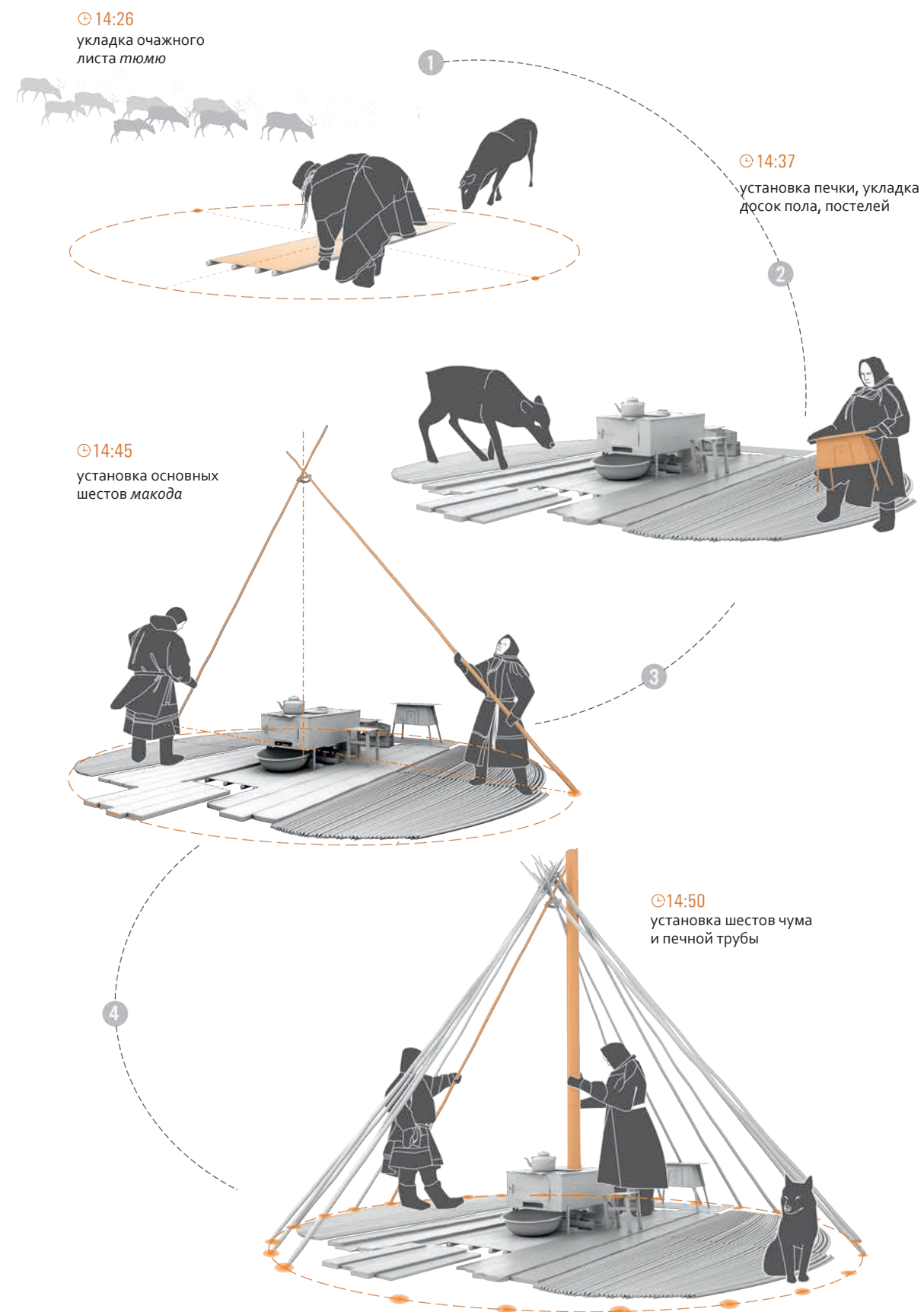

Рис. 75. Сборка чума (28.03.2016, стойбище Сэротэтто)

Хозяйка разбирает связки шестов на *нуто* и по одному устанавливает их по радиусу чума, заводя верхний заостренный конец в петлю шестов-опор. При этом она соблюдает известную только ей очередность шестов, перекладывая их на нарте, выбирая подходящий и устанавливая его в нужном месте. Движения женщины экономны и рациональны — перехватывая длинный шест в точке равновесия, она поворачивается спиной и закидывает конец шеста себе на плечо. Короткое движение — и шест занимает равновесное положение на плече. Несколько шагов — и нижний конец шеста опускается на землю. Точное движение — и острие заводится в петлю, а нижний конец упирается в землю на границе воображаемого круга. Расстояние между шестами должно быть равное.

Сначала хозяйка устанавливает по восемь шестов с каждой стороны чума, справа и слева от опорных, выстраивая боковые стенки (*хуни*). Открытыми остаются входовая (*нё-няңы*) и противоположная (*си-няңы*) стороны. В это время мужчина подпирает основные шесты, придавая им устойчивость. Затем заносит предварительно собранную из трех колен дымовую трубу. Ее верхний конец прислоняют к сплетению шестов со стороны *си-няңы*. Затем женщина доставляет шесты со стороны *си-няңы*, «оплетая» ими трубу. Когда веревочная петля основных шестов оказывается заполненной, остальные шесты кладут сверху. Завершается монтаж каркаса установкой двух шестов, образующих вход (*нё*).

Последним напротив входа устанавливается священный шест *сымзы*. Нижняя его часть ставится за очагом, а верхняя крепится в месте соединения основных шестов (*макода*). К двум привходовым шестам и *сымзы* приблизительно на высоте человеческого роста на веревочных петлях крепится надочажная конструкция в виде двух слегка расходящихся горизонтальных жердей (*ти*). Они темные, основательно прокопченные. Так как *ти* не касаются снега и влажной земли, они не подгнивают и не подрезаются, отчего сохраняются дольше опорных. Один из ненцев рассказывал, что шестам *ти* в его чуме более ста лет, они остались от первого набора шестов, доставшегося ему от дедов; по *ти* и исчисляется возраст чума. Поперек *ти* над очагом укладывается железный стержень (*пад'ню*) с крюком (*па'*) для подвешивания котла. С помощью отверстий на верхнем конце крюка регулируется высота расположения котла или чайника над огнем.

После установки каркаса на него натягивают нюки. Покрытие чума — самая тяжелая операция. Выполнить ее в одиночку и даже вдвоем сложно. Обычно двое мужчин (или женщин), вставив в «уши» (карманы) покрышек две специальные жерди (*есенабць*), синхронно толкают (поднимают) полотнища вверх. А хозяйка, взявшись за нижний край, «хлопает» полотнищем нюка, облегчая скольжение, и одновременно растягивает его. После того как нюк занимает свое место в верхней части каркаса, люди с шестами, воткнутыми в «уши» нюка, расходятся в стороны, оборачивая верх покрышки вокруг шестов. Женщина закидывает веревки, пришитые к боковым сторонам нюка, на противоположную сторону и фиксирует их, завязывая у основания шестов. В зимнем чуме сначала натягиваются внутренние покрышки, затем внешние. При этом хозяйка внимательно следит за их положением, совмещая проемы окон, расправляя складки у входа. На противоположной от входа стороне (*пой*), где сходятся нюки, их нахлест скрепляют (подпирают) нартой *нуто*, к которой привязывают веревки последнего верхнего нюка. К каркасу прислоняют жерди, предназначенные для сборки-разборки чума (в том числе для продевания в «уши» нюков). Мужчина обкапывает чум по радиусу, присыпая и прижимая снегом (летом дерном) «подол» жилища, закрывая щели и предотвращая сквозняк. Чтобы дым не задувало ветром внутрь чума через дымовое окно (*макода'си*) с наветренной стороны прикрывают зимой куском шкуры, а летом — куском бересты или брезента (регулирование тяги).

Пока мужчина обустроивает чум снаружи, женщина скрывается внутри, разводит огонь, вносит оставшийся домашний скраб, застилает постели: на матах из прутьев и циновках раскладывает оленьи шкуры; в изголовье валиком (*ханзо*) укладывает свернутую одежду, спальные ягушки-одеяла (*то"*) и подушки (*пыркабыт"*).

После установки чума мужчины сматывают и укладывают упряжь, а затем собираются на мужские посиделки *хасавадё* на стороне *си-няңы*, чтобы обсудить прошедшую перекочевку. Чум оживает, когда в нем загорается костер или печь. Оттого, в какой последовательности задымили верхушки чумов, видно, кто из хозяек оказался на этот раз проворнее. Со светом огня и запахом дыма чум мгновенно обретает домашний дух, будто и не было никакой перекочевки.

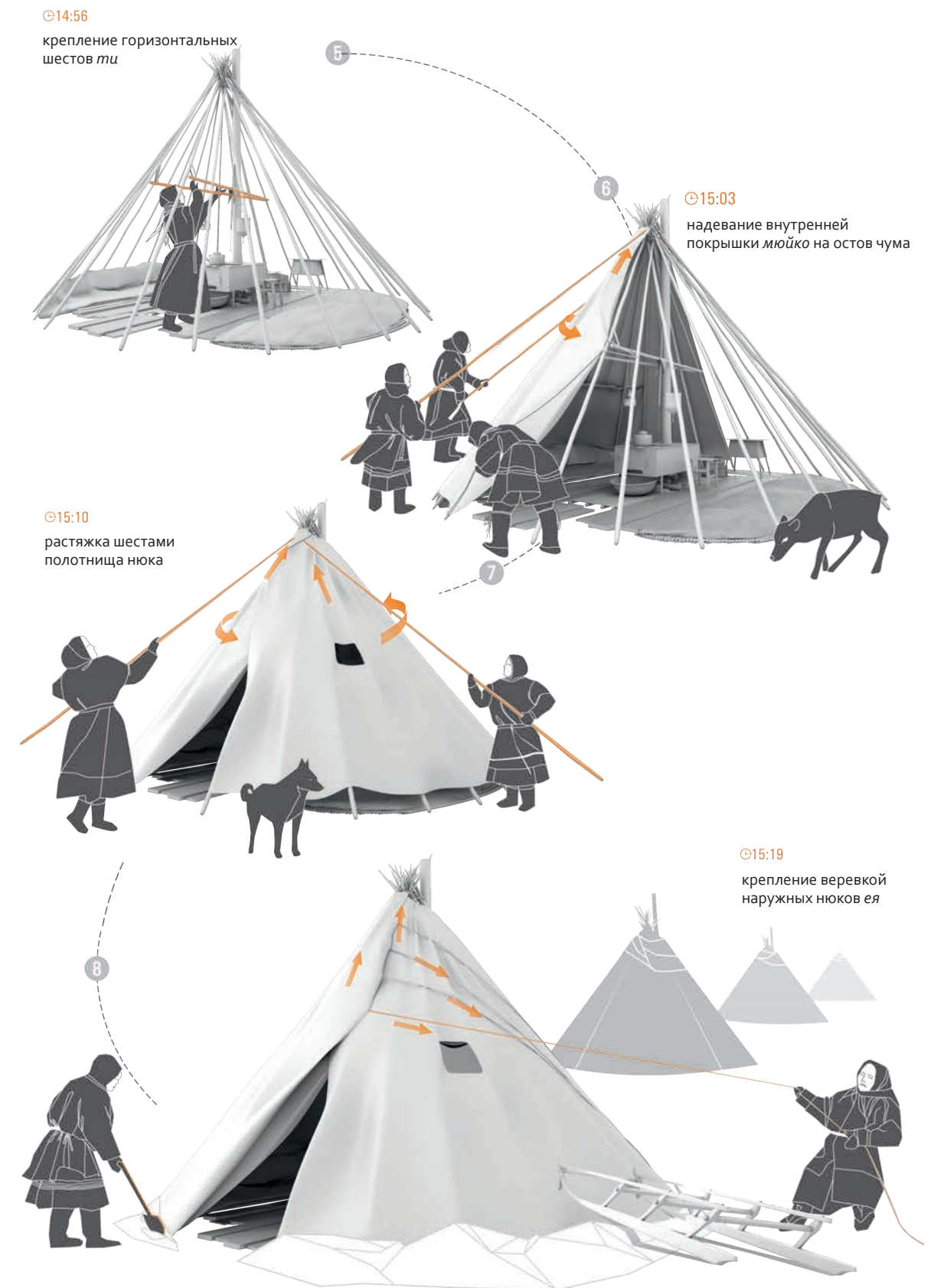

Рис. 76. Сборка чума (продолжение)

ТЕПЛООБМЕН

В Арктике важна быстрота согревания, пусть даже она пропорциональна скорости остывания. Кочевники Севера научились управлять холодом. И в этом немалая заслуга чума, его конической формы и внутреннего устройства. Очаг (летом костер, зимой железная печка-буржуйка) располагается в середине чума. Поэтому каждый из «углов» жилища находится на равном от него расстоянии. Как бы ни располагались люди в чуме, они оказываются сидящими или лежащими вокруг огня. Кроме того, в чуме важными источниками тепла выступают сами люди, а также собаки (температура тела собаки на 1–2 градуса выше человеческой, благодаря чему спящие рядом с хозяевами псы служат «живыми грелками»).

Мобильное жилище кочевников отличается особым температурным режимом: послойное распределение воздушных потоков по внутреннему объему конуса позволяет свести к минимуму зависимость от внешних источников тепла. Измерения суточных колебаний температуры внутри чума в зимний, наиболее суровый, период показали, что даже в ночное время, когда не топится печь, и температура в помещении снижается до минусовой, в «жилых ячейках» (в развернутых пологгах) воздух остается теплым — в комфортном диапазоне от +10 до +13°C, а в непосредственной близости от спящего человека и вовсе достигает +20°C.

Секрет комфортной жизни в чуме заключается в создании и поддержании своеобразной «тепловой капсулы» (идеального баланса температуры и влажности). Габариты «тепловой капсулы» варьируют от коллективного/семейного пространства (днем) до приватного пространства под пологом (ночью). Тепловизионная съемка интерьера чума демонстрирует оптимальное распределение тепла в дневное время: границы «капсулы» равноудалены от горячего центра-очага на расстоянии, равном росту человека. Так формируется зона наиболее комфортной температуры, где располагаются люди, занимающиеся повседневными делами.

Понять процесс рационального распределения и сохранения тепла внутри чума можно, наблюдая за поведением дыма от открытого очага. Движение воздушных потоков в ограниченном объеме конуса проходит три стадии:

равномерное заполнение пространства, вертикальное расслоение и стабилизация: (1) с момента розжига огня дым сразу не поднимается вверх, а равномерно заполняет все внутреннее пространство чума, весь его внутренний объем; (2) через 5–10 минут, в зависимости от времени года и атмосферного давления, воздух над огнем начинает прогреваться и вытягиваться вертикально вверх, образуя своеобразный теплый «столб», по которому тепловые/дымовые потоки, уплотняясь с набором высоты, поднимаются к отверстию в верхней части чума, где образуется зона повышенного давления и тепла; (3) к этому времени остальное дым, заполнивший внутреннее пространство чума, прогревается настолько, что тоже начинает подниматься. Эта основная масса дыма, накопленная с момента розжига очага, устремляется вверх вдоль внутренних стенок конуса, постепенно уплотняясь. Достигнув определенной высоты (чуть выше человеческого роста), дым стабилизируется на этом уровне до тех пор, пока горит очаг. В результате образуются локальные участки с постоянной температурой и концентрацией дыма: в верхнем отверстии конуса образуется «термопробка»: она блокирует потоки холодного воздуха, препятствует образованию сквозняков в чуме, ее также не могут преодолеть гнус и комар. «Термопробка» удерживает часть дыма от очага внутри чума, создавая идеальные условия для термодымовой обработки меховой одежды и нюков (покрышек чума), просушке и копчению пищи.

Хорошо сохраняют тепло и двойные меховые покрышки, создающие эффект «термоса» (оболочка в оболочке). Для уменьшения объема и веса олений волос на внутренних нюках подстригают, оставляя лишь третью часть его длины. На первый взгляд может показаться, что с укорачиванием меха уменьшается и теплозащита стенки жилища. Однако все, что предпринимают кочевники для снижения веса и уменьшения объема поклажи при каланиях, положительно влияет на внутренний климат в чуме. Подстриженные внутренние нюки не обмерзают. При продолжительных стоянках в зимний период в мех набивается снег, у мездры он подтаивает и образует тонкую ледяную корку, которая, нарастая, утяжеляет нюк, шесты прогибаются, корка не дает нюку «дышать». В результате он отсыревает,

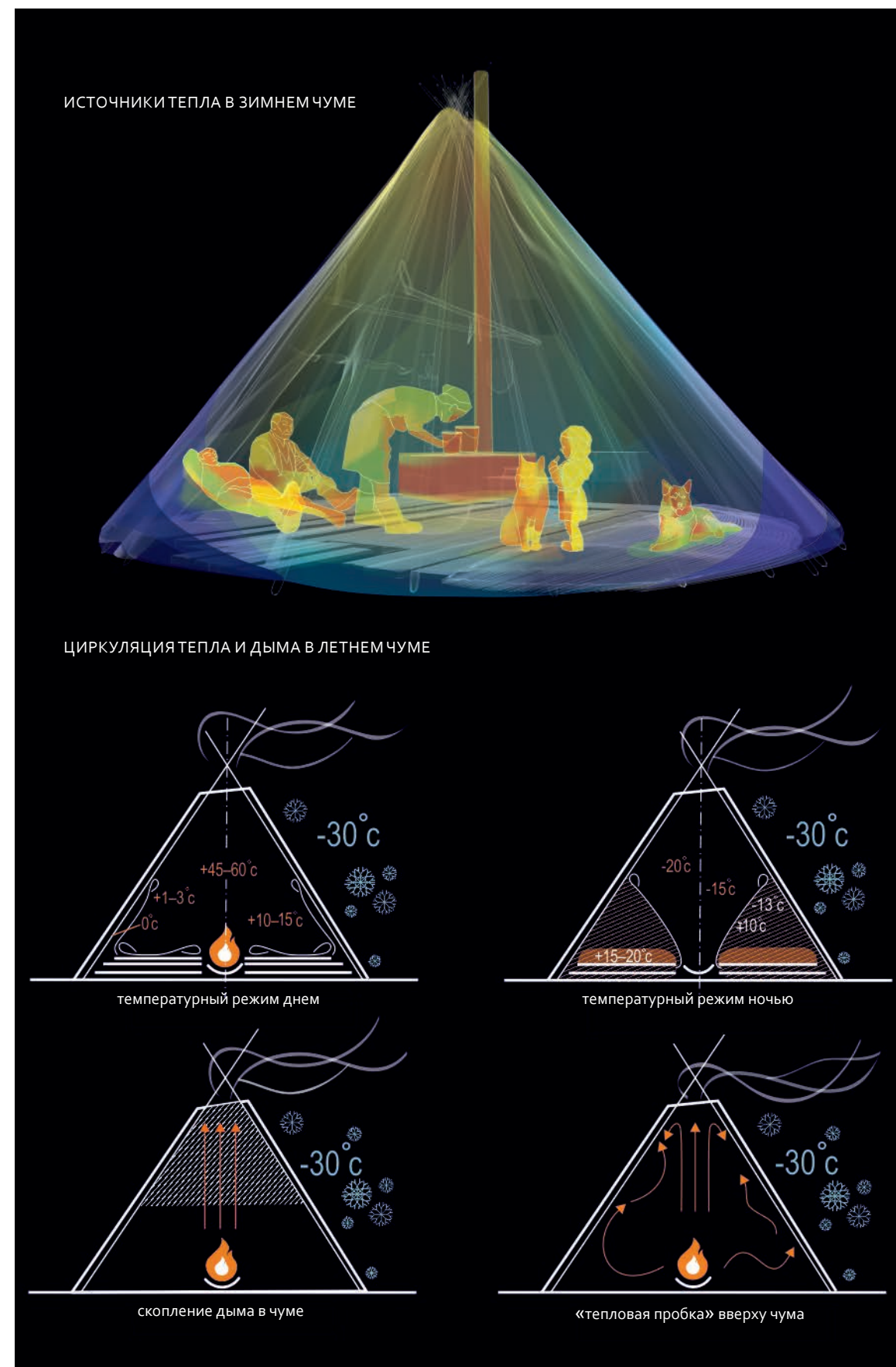

Рис. 77. Схема теплообмена и циркуляция воздуха в чуме

Рис. 78. Чаепитие

Рис. 79. Снятие внешнего нюка (ея)

размокает его внутренняя сторона, а если нюк плохо прокопченный, то расползаются соединительные швы, и покрывка приходит в негодность. Когда волос на шкурах нюка длинный, лед удобно выбивать. Тяжелый нюк трудно снять (демонтировать) и крайне затруднительно натаскивать его на каркас чума на новой стоянке.

Излишек тепла на Севере так же недопустим, как и его недостаток. Каждое утро хозяйка чума специальной палкой в виде сабли (*янгач*) выбивает нюки на доступной высоте. И никогда не разведет чрезмерно большой огонь в очаге. Промеры температуры в максимальной близости от внутренней поверхности нюка (стены чума) стабильно показывали от 0°C до -3°C.

Спальные полога, днем собранные и привязанные к шестам чума, на ночь распускаются. Они делят внутреннее пространство чума

на отдельные зоны — «комнатки». Несмотря на то, что шьются полога из обыкновенного ситца, они в значительной степени способствуют сохранению тепла зимой и защищают от гнуса летом.

При промерах температуры внутри чума во время сна его обитателей, при остывшем очаге и наружной температуре воздуха в -30°C, в чуме на 10–15 градусов выше, то есть от -15°C до -20°C, а внутри «комнатки» за пологом (при условии, что там спит один или два человека) -5°C, а то и 0°C. Во время сна тундровики укрываются (часто с головой) ягушкой (распашного кроя женской шубой), используемой в качестве одеяла. В сильные морозы используют кукуль — меховой спальный мешок. Путем создания «оболочки в оболочке», без дополнительного источника тепла можно значительно, почти в два раза, повысить температуру.

ТЕХНОАНИМАЦИЯ

Когда шесты чума скрипят под напором вьюги, а нюки хлопают, будто крылья огромной птицы, кажется, что чум живой и из последних сил борется со свирепыми арктическими стихиями. Когда, невзирая на ветра и холода, атмосфера чума наполняется дымом потрескивающего очага и запахом оленьего меха и мяса, возникает ощущение женско-материнского тепла. Независимо от гендерных вариаций образа (в чуме все же преобладает женское начало), он представляется живым существом. В прошлом кочевники выражали это в мифах и ритуалах, включавших срубание железными стрелами «головы чума» (в знак истребления врага) или стягивание верхушки железным обручем (обозначение смерти всех обитателей чума).

Верхушка чума действительно соответствует понятию головы (*чэва*) — и не только по своему верхнему расположению, но и по функции увязки всей конструкции чума. Она представляет собой узел, который держит все шесты и весь каркас. Верхние концы шестов образуют пучок сцепления, в котором сходятся и перераспределяются силовые импульсы. Особую нагрузку несут опорные шесты *макода* и священный шест *сымзы*, на который завязан второй важный узел чума — очажный. На шесте *сымзы* держится надочажное устройство (горизонтальные шесты *ти*, крюк *па'*, котел *ед*), по нему в верхнее окно (*макода си*) идет дым «из дома в небо». Шест *сымзы* раньше отмечался семью вырезанными личинами, а в чуме шамана он венчался фигурой мифической птицы *Минлей*. Священный шест (вместе с очагом) не разделяет пространство чума на священное и обыденное, а объединяет его, играя роль своего рода позвоночника.

Крепость шестов, несмотря на тяжесть двойных нюков, определяется не только качеством древесины и толщиной жердей, но и их формой и установкой. Прочность опорным шестам *макода* придает прямоугольное сечение. У остальных шестов сечение овальное, и становка их ребром овала вверх (навстречу нюку) усиливает их прочность и устойчивость к тяжести.

Геометрическая форма чума — конус — самая устойчивая из всех фигур; в тундровой природе такой формой наделены горы и сопки. Коническая форма придает жилищу исключительную устойчивость: воздушные потоки, обгибая конус, прижимают его к земле по всему

периметру, поэтому при сильных ветрах чум никогда не опрокидывается, а лишь сильнее прижимается к земле. Чум-конус отражает всевозможные внешние воздействия в виде ветра, снега, попыток сдвинуть его с места или перевернуть. Не было случая, чтобы правильно поставленный чум (угол образующей не более 50°) при сильном ветре переворачивался или рассыпался, хотя отдельные шесты чума ломались (обычно из-за изъянов древесины или неверной установки).

Еще одна ценность конической формы чума — он никогда не заносится снегом. С крутой и гладкой поверхности конусообразного чума снег легко скатывается, и его можно очистить, не снимая покрышек, постучав по нюкам специальной колотушкой *янгач*. Лаконичный силуэт чума органично вписывается в окружающую среду, не нарушая пейзажа тундры — ее плоскостей и фактур. Коническая форма для тундры своя, «родная». Самое характерное в облике чума (его мгновенная узнаваемость) — конусообразная форма (угол наклона $45\text{--}50^\circ$).

Сходство чума с живым организмом вызывают его наружные (*ея*) и внутренние (*мюйко*) покрышки, сшитые из оленьих шкур (каждая из 15–20) и вызывающих ассоциацию: чум — это существо в огромной оленьей шкуре. Подобие усиливается его «живой температурой» — собственным внутренним микроклиматом, притом что зимний чум устанавливается прямо на снежный наст. Маты из березовых прутьев, уложенные на снег в основании чума, образуют воздушную теплоизоляционную подушку.

Всё и все находящиеся внутри чума называются *мяд-тер* (содержимое чума, обитатели чума). В этом смысле люди и вещи относятся к одному разряду существ, объединенных общим качеством — местонахождение в чуме. Более того, чум оказываетсяместилищем разного характера духов: *мяд пухуча* (хозяйки чума), *ту пухуча* (хозяйки огня), *ңытарма* (духа покойного шамана) и других. Можно сказать, что чум обладает собственной душой (или служит обителью душ): например, *мяд пухуча*, которая помогает женщине рожать, «живет» в чуме на подушках женской постели, а в кочевье едет вместе с женщиной в *не-хан*, охраняет чум, если хозяйка почему-либо временно его покинула.

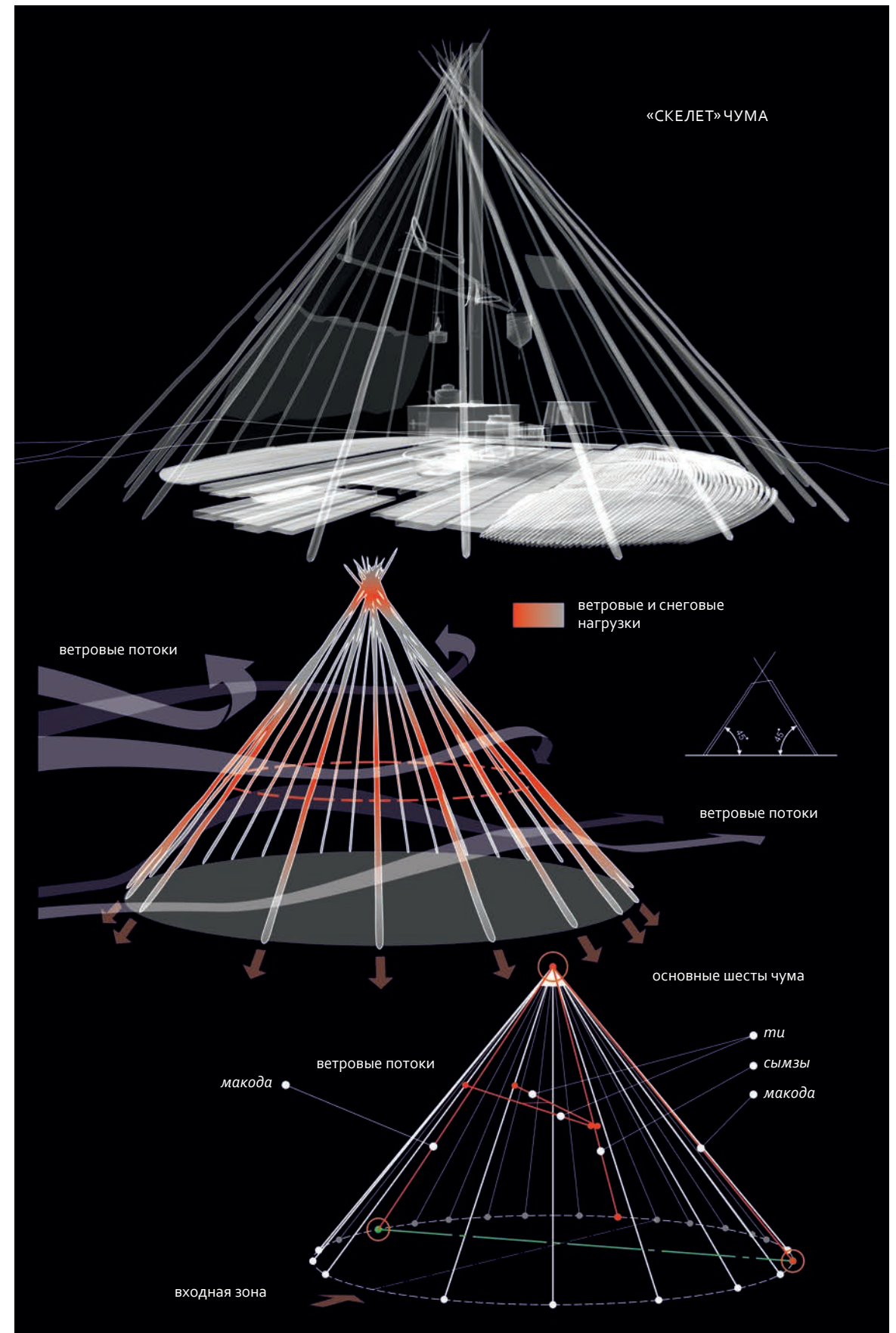

Рис. 80. «Рентген» чума

ВЕЩЕБОРОТ

Центром жилища является очаг (костер, печка-буржуйка). Дальнее от входа пространство (*си-няңы, синекуй*) считается мужским, а у входа (*нё-няңы, нёний*) — женским. Если от очага провести линию через *си* за пределы чума, то она выйдет на священную нарту *хэхэхан*, если линию провести в обратном направлении через *нё* (вход), она укажет на женскую «грязную» нарту *сябу*. Однако, несмотря на разделение чума на *си* и *нё*, все его пространство оказывается в той или иной степени женским. Не случайно чум — место девичьих игр, тогда как мальчики в основном резвятся снаружи. От вида полного преобладания в чуме женской воли и деятельности «напрашивается на язык не совсем точное определение, что жилище мужчины — это чум его жены» (Головнёв 1995:219).

Когда оленевод возвращается из тундры, он оставляет верхнюю меховую одежду совик-гусь на нарте и входит в чум «полураздетый» — в малице. На пороге он обивает снег с кисов и подола малицы женской домашней колотушкой (*янгач*), тогда как свою мужскую колотушку-лопатку он оставляет на нарте. В чуме мужчина снимает с себя малицу, меняет уличные кисы на домашние *мякэця* (старые меховые пимы). Свернутый пояс с амулетами и ножами он кладет в изголовье своей постели. Ложась спать, он укрывается *мякы то'* (женской ягушкой-одеялом). Таким образом, при переходе из тундры в чум он полностью меняет обличье, становясь *мякэ* (домашним, чумовым) и отдаваясь под покровительство женщины и очага. У ненцев в тундре — патриархат, а в чуме — матриархат: жилище ставится и снимается, обогревается и обустроивается женщиной.

Дальняя от входа (мужская, или священная) часть чума является и самой спокойной, защищенной от бесконечной суеты, заносимых через дверь клубов холода или комаров и беготни собак (в двух углах *синекуя* обычно располагаются псы-доминанты). По старому обычаю, здесь хранятся культовые предметы, а также мужские инструменты для домашнего ремесла, стоит светильник (обычно керосиновая лампа), часы, радиоприемник. Сегодня в *синекуе* вместе со священными предметами, или вместо них, располагаются компьютеры, зарядные устройства для гаджетов (сюда подведена линия электропитания от наружных электрогенераторов); это пространство оказалось удобным для жидкокристаллических

экранов «чумовых кинотеатров» (по вечерам нынешние жители тундры предпочитают просмотр киносериалов). В *синекуе* хранится посуда, пища, столик для еды. Чаше всех в *синекуе*, несмотря на его формально мужскую принадлежность, оказывается женщина, извлекающая отсюда несколько раз в день столик с посудой и пищей.

По традиции, женской считается привходная часть чума и весь его низ — пол, застланный досками, циновками и подочажным листом (содержимым нарту *сябу*). У дверей сушатся дрова, висит умывальник, находятся веник, колотушка *янгач*, наружная обувь и одежда, снятые при входе в чум. На женской стороне висит люлька (*ебц*), хранятся швейные и другие рукодельные принадлежности (женская сумка *туця*, мешок с заготовками *пад*, скребки *яделабц'*, *есей* и т. д.).

По обеим сторонам от очага располагаются спальные места (*ва'ав*). Каждый член семьи в зависимости от возраста и статуса (положения) занимает определенное спальное место. Глава семьи, его жена и младшие дети располагаются в центре *ва'ав*, под основными шестью (места у *макода* — наиболее почетные). Неженатые сыновья размещаются ближе к переднему углу, а незамужние дочери — ближе к двери. Ближний от середины к *си-няңы* угол, самое почетное место, занимают старики. Другие брачные пары (женатые сыновья, братья или работники с семьями) располагаются на противоположной половине чума. Обычно в чуме проживают одна-две семьи, каждая из них занимает свою половину. Гостей размещают, придерживаясь той же схемы: мужчины — от середины к священному углу, женщины — от середины к входу. Ситцевые полога (*есер'*) на день полог заправляется за валик или свертывается в рулон и привязывается к шестам над постелью.

Постельные шкуры, которыми выстилаются спальные места, требуют регулярного обновления. Женщина всегда отличит свежую постель от несвежей. Из двух слоев меховых постелей в нижнем слое лежат старые шкуры. Смена постельных шкур происходит постепенно, по мере их износа.

Для вещеборота в чуме характерно постоянство местонахождения вещей при высокой частоте их сбора и раскладки при перекочевках. Все они возвращаются точно на свои места,

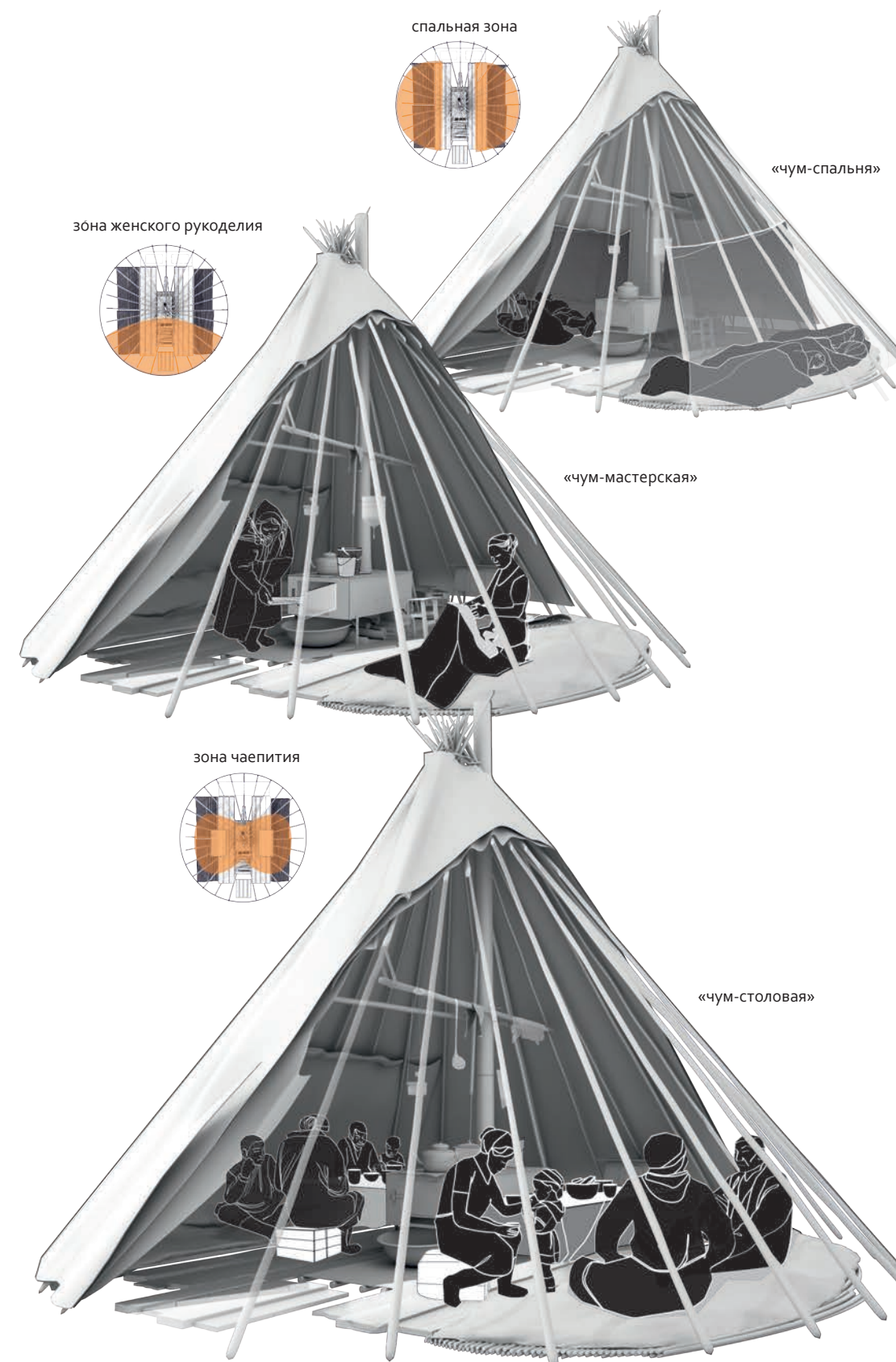

Рис. 81. Ритм жизни чума

Рис. 82. Выделка шкуры

а при потере или поломке заменяются копиями. Примечательно, что этот порядок соблюдается всеми ненцами-оленеводами, и мало кто из них импровизирует с интерьером (последней импровизацией, притом опять-таки коллективной, можно считать «компьютеризацию *синекуя*»).

Другим принципом кочевого вещеоборота можно считать четкое разделение наружных и внутренних (по отношению к чуму) вещей. Наружные хранятся на нартах, внутренние — в чуме, и путаница, если случается, немедленно ликвидируется хозяйкой. Промежуточным пространством для пограничных вещей (обуви, верхней одежды, дров, мусора) служит порог, находящийся под контролем женщины. В целом комплектация вещевого реквизита чума — ответственность женщины.

Внутри чума определяются три основные функциональные зоны: (1) кухонно-столовая,

включающая очаг, *синекуй* (где хранятся столовые реквизиты, включая столик и посуду) и приочажные зоны, куда ставятся столики для «чая» (всякая трапеза, независимо от меню, называется «чай»); (2) спальная, состоящая из меховых постелей и полога, раскладывающихся на ночь и сворачивающихся днем; (3) мастерская, распределяющаяся на мужскую и женскую части. Каждая из функциональных зон по-своему «кочует» по чуму, будучи сборно-разборной.

В ритме жизни чума обнаруживаются три основных состояния: (1) еда, (2) ночлег, (3) рукоделье (в основном женское). Интерьер чума меняет свой облик в соответствии с правилом трансформера: чум превращается поочередно в спальню, столовую и мастерскую. В этом отношении внутренняя жизнь чума отвечает кочевому принципу пространственно-временной слитности.

Рис. 83. Копчение (дымление) шкур и рыбы на *ти*

ОДЕЖДА

Свойства оленьего меха

Многошкурность и многослойность

Магия женской сумки

Ягушка

Малица

Люлька и парка

СВОЙСТВА ОЛЕНЬЕГО МЕХА

Одежда из оленьих шкур — естественная и неотъемлемая часть культуры северных оленеводов. Опыты по ее замене иным облачением оканчиваются, как правило, подтверждением старой истины: в Арктике надежна только оленья одежда. Впрочем, неумелое обращение с оленьим мехом может не только свести к нулю его преимущества, но и породить обратный эффект: например, если допустить увлажнение и замерзание оленьей шкуры, она превратится из согревающего теплоносителя в ледящий морозильник. Кроме того, олений мех — лишь общее обозначение множества его вариантов, обладающих различными качествами и особенностями (пешка, пыжик, неблюй, ровдуга, камус и др.). Самобытная «оленемеховая индустрия» ненцев обладает не только богатым опытом адаптации, но и большим потенциалом в разработке современных «неомеховых» материалов, в том числе для Арктики.

Олений мех обладает замечательным свойством: каждый его волосок — трубчатый, содержащий воздух в микроскопических полостях и создающий тем самым теплозащиту на микроуровне. Плотное прилегание друг к другу множества таких волосков (олений мех отличается высокой плотностью и сочетанием острого и пухового волоса) создает прочную теплоизоляцию (Реусова 1998). Олень легко переносит арктические морозы, но страдает от избытка тепла (для него жара, в отличие от мороза, чревата заболеваниями и тепловыми ударами). Тело человека ощущает сухое тепло от оленьего меха даже при выделении влаги (потоотделении или конденсации от перепада температур), которая впитывается микропорами оленьего волоса (при сушке происходит обратное замещение в порах влаги воздухом). Кроме того, это гигроскопическое свойство оленьего меха создает гигиенический эффект «сухой чистки» тела (в прошлом меховая одежда носилась непременно на голое тело) и массажа, способствующего кровообращению. Иными словами, для согревания человеку в оленьей одежде достаточно начать движение, и генератором тепла выступит его собственное тело в контакте с оленьей шкурой. Помимо всего прочего, это соприкосновение вызывает приятные ощущения и может быть отнесено к числу удовольствий. Не случайно интимные, в том числе эротические,

отношения включают тактильные ощущения оленьего меха (постели и одежды на голое тело), а в эстетике ненцев оленья шкура и одежда безраздельно доминируют. Исторически Арктику мог освоить и полюбить только человек в оленьей шкуре.

По ненецкой традиции, повитуха (*сю-небя*) принимала новорожденного на шкуру, и первым ощущением младенца было прикосновение к оленьему меху. Этот контакт продолжался всю жизнь и даже после смерти (хоронили тоже в оленьей одежде). На протяжении веков у северян выработались специфические физиологические особенности организма в отношении оленьей одежды. Теплообмен у коренного жителя Арктики осуществляется преимущественно через лицо и кисти рук, благодаря чему гигроскопический ресурс меха расходуется в меру и успевает восстанавливаться (через просушку). Европейец со свойственным ему обильным потоотделением не может долгое время носить малицу, надетую на голое тело: мех быстро прееет и портится, а повышенная влажность под одеждой вызывает простудные и другие заболевания.

Трудно сказать, чего больше в этой температурной культуре тела — генетики или приобретенной техники, но очевидно, что способность регулировать нагрев и остывание тела относится к числу важнейших качеств арктического человека. В меховой одежде, как и в чуме, нельзя допускать перегрева, поскольку именно он чреват повышенным выделением влаги и последующим замерзанием. Неумеренное увлажнение губительно и для оленьего меха: ость, намокая, тяжелеет и ломается, что связано со структурой оленьего волоса. Каждый отдельный волос выглядит так, будто набран из множества конусов, вставленных один в другой, края которых и составляют большую часть боковой поверхности волоса. За счет конусов волос эластичен, хорошо гнется, но до определенного угла, а затем ломается. В совокупности именно способность влаготерморегуляции тела и оленьей одежды — соблюдение ритма и меры движения и усилий — служит залогом комфорта и выживания в тундре. Другими словами, оленью одежду недостаточно носить, в ней нужно уметь себя вести.

Меховая одежда хранит тепло путем создания стабильного воздушного зазора между телом и холодным мездровым слоем шкуры.

КАТЕГОРИИ ВОЛОСА ШКУРЫ ВЗРОСЛОГО ОЛЕНЯ

- пуховые
- направляющие
- остевые
- переходные

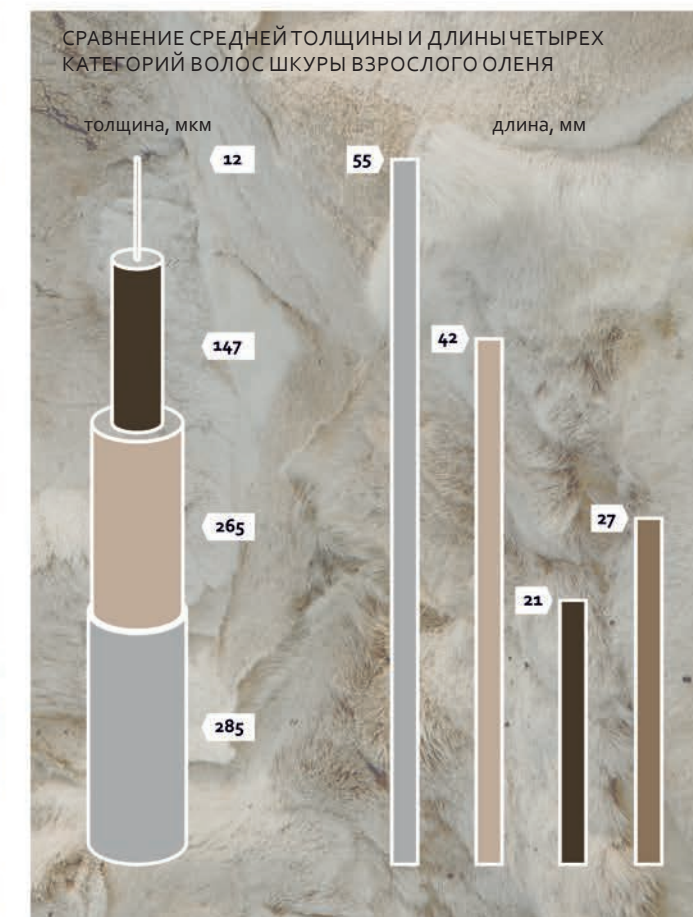
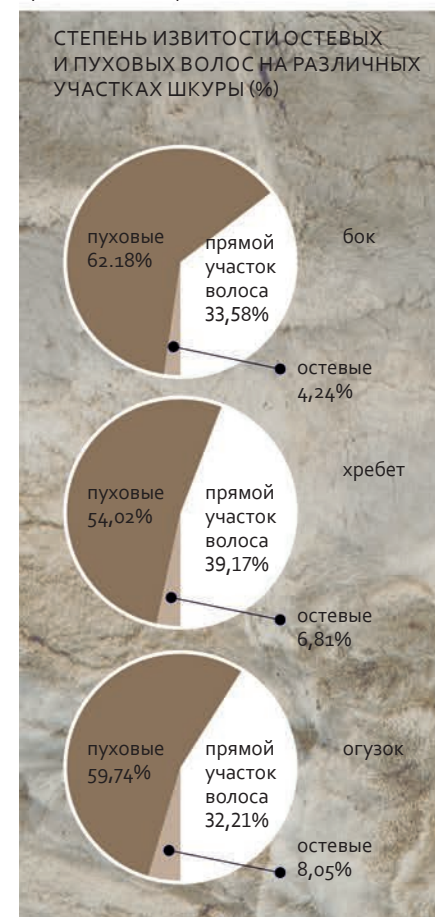
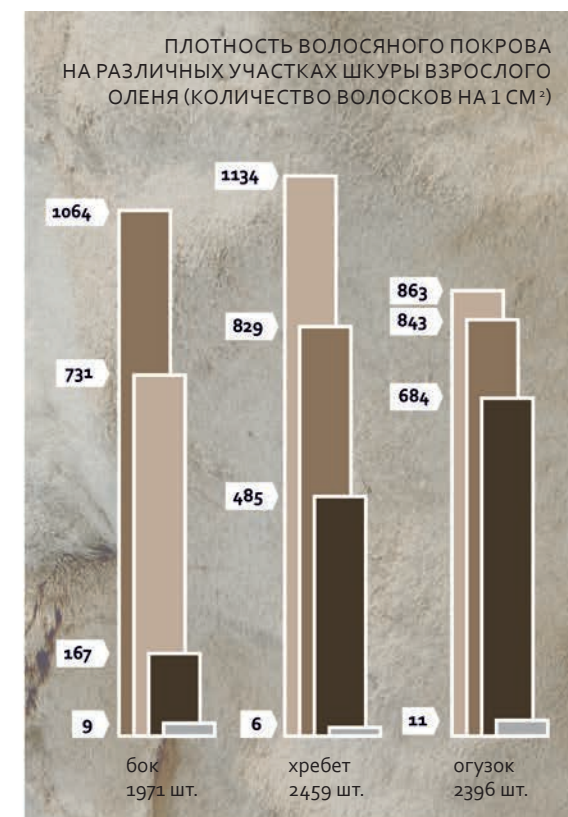

Рис. 84. Категории оленьего волоса (использованы данные: Реусова 2003)

Эта стабильность достигается толщиной ворса. Длинный волос оленьего меха надежно охватывает все участки тела, особенно уязвимые для холода — спину, затылок, бока. Мех, прилегая к телу, создает локальные зоны микроклимата для каждого участка тела. При контакте с телом мех исключает различные воздушные потоки вдоль тела человека. Этим создается общий режим тепла для всего организма. Благодаря пористости и упругости олений мех как бы копирует поверхность тела, не допускает сквозняковых эффектов (что повсеместно встречается и даже предусматривается в европейской одежде). Свойство кожи растягиваться позволяет достигать «эффекта памяти» формы тела, становясь максимально эргономичной к физиологическим особенностям конкретного человека. Для регуляции оптимального теплового режима служат отверстия в самой верхней части одежды и рукавах.

Меховая прослойка, которая концентрирует в себе тепло, создает множество зон с микроклиматом (своеобразный «климат-контроль»). Это важно, поскольку различные участки человеческого тела имеют свою, отличную от других участков температуру, зависящую от температуры внутренних органов;

эта разница и стоящая за ней температурная автономия участков тела, на первый взгляд (в числовом выражении) незначительна, но существенна для долговременных состояний, особенно в экстремальных условиях. Такой эффект трудно достичь с помощью иного, не мехового материала, который бы осуществлял перемещение воздуха под одеждой не вдоль тела (сквозняковое явление), а поперек самой прослойки или зазора: тонкие струи воздуха циркулируют от холодного мездрового слоя вдоль ворсинок к телу и наоборот. Эта циркуляция мала, а воздух внутри полости волоса вообще неподвижен, что и обеспечивает эффективную теплозащиту каждого участка тела. Распространившееся ношение современного нижнего белья под меховой одеждой ослабляет этот эффект, поскольку ткань не столь плотно и органично, как мех, прилегает к телу и допускает микро-сквозняки. Нарушение теплового режима для отдельных зон, в свою очередь, вызывает сбои в тепловом режиме тела, от чего происходят простудные, ревматические и кожные заболевания, связанные не в последнюю очередь с переходом северян на ношение европейской одежды.

Рис. 85. Вход в зимний чум

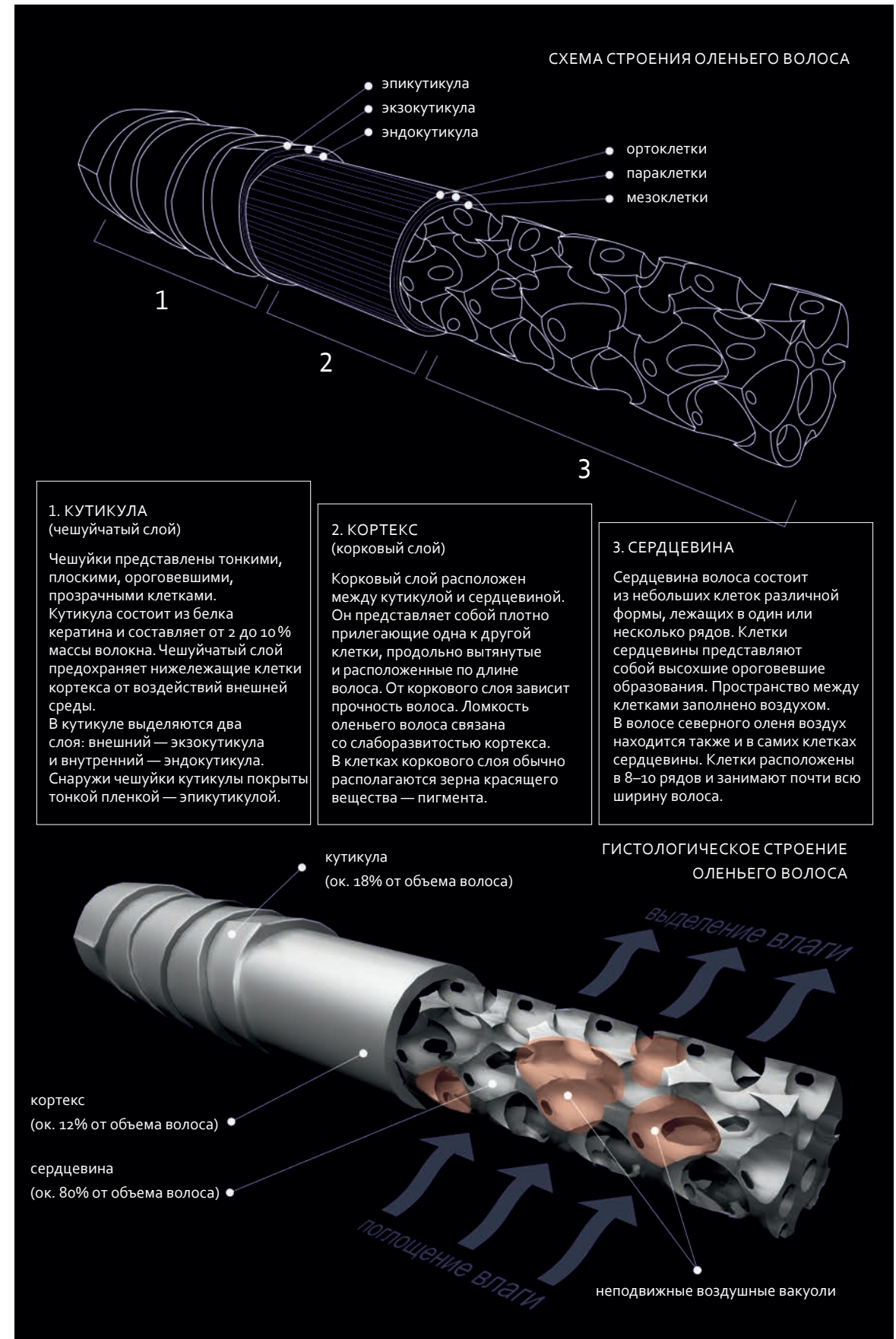

Рис. 86. Модель микроструктуры оленьего волоса (использованы данные: <http://www.collagen.su/archives/1421>)

МНОГОШКУРНОСТЬ И МНОГОСЛОЙНОСТЬ

Шкура оленя различается в зависимости от его возраста и времени снятия: «пешка» (шкура новорожденного теленка), «неблюй» (шкура четырех-пятилетнего теленка после первой линьки), «выросток» или «большешерстный неблюй» (шкура шестимесячного теленка), «постель» (шкура взрослого оленя, в том числе осенняя короткошерстная и зимняя длинношерстная). Кроме того, особыми качествами обладают: «камус» (шкура с голени оленя), «щётка» (шкура с межкопытной части ноги оленя) и «лоб» (шкура с головы оленя). Пешка используется для пошива детской одежды и головных уборов. Неблюи — основной материал для изготовления мужской и женской одежды, а также замши (ровдуги, шкуры без ворса). Осенними «постелями» выстилают спальные места в чумах. Зимние «постели» идут на покрышки для чума, подстилки для нарт и покрывала для кладки, а также используются как спальные принадлежности. Кроме того, из шкур взрослых оленей изготавливаются детали упряжи и верхней одежды. Камус идет на обувь (голяши), рукавицы и орнаментальные вставки. Из «щеток» и «лбов» выкраивается подошва для обуви. Из ровдуги шьют обувь, штаны, узоры.

Шкура олененка обладает лучшими качествами для пошива одежды: она мягкая, с густым, нежным и стойким ворсом. Чем старше олененок, тем толще у него кожа и длиннее шерсть. У взрослого оленя мех длинный и теплый, однако волос ломок и легко выпадает. «Постель» лишь частично используется для пошива наружной зимней одежды (совик, няры), а в основном расходуется на постели для спальных мест в чуме, спальные мешки, накидки для грузовых нарт. Из подстриженной постели шьются меховые чулки (чижи) и покрышки чума (нюки).

При раскрое и пошиве меховых изделий (чумовых нюков, одежды, обуви, женских сумок) шкуры подбираются так, чтобы ворс всегда был направлен вниз. Это обеспечивает скатывание капель дождя, мокрого снега, иначе загнивание шкуры без дымоотермической обработки неизбежно.

Волос на ногах и голове оленя не полый, а плотный и гладкий. Камус — гладкий, крепкий, с толстым мездровым слоем и коротким блестящим волосом — обладает высокой

прочностью. Из камуса шьют обувь, рукавицы зимней одежды (малиц и ягушек), женские сумки. Им подбивают лыжи для лучшего скольжения и ограничения обратного хода (соскальзывания на подъемах) за счет жесткой однонаправленной ости. Часть шкуры снятой с головы оленя — лобаш (или лоб) — используется при пошиве летней мужской обуви и женских сумок. «Щётка» — небольшие кусочки шкуры между копытами оленя, используемые на подошвы кисов. Это очень жесткий и грубый волос на прочной коже с толстым мездровым слоем. Волос на щётке упругий, закрученный по спирали, благодаря чему исключает скольжение по снегу. Другое преимущество щетки состоит в том, что она не забивается снегом, даже если нога ступила сначала в наледь, а затем в сухой снег; упругость и жесткость волоса препятствует намораживанию ледяной корки.

Одна из главных особенностей меховой одежды (особенно обуви) северных кочевников — водонепроницаемость. Секрет заключается в термообработке (копчении-дымлении) шкур. Технология термообработки проста: меховые вещи и заготовки развешивают в чуме на горизонтальных шестах *ти* на уровне зависания дымового слоя (чуть выше среднего человеческого роста). Временно сшитые между собой кусочки шкурок долго коптятся в дыму. После этого заготовки кроют и сшивают плотным швом, сухожильной ниткой и трехгранной иглой. Затем изделие (например, обувь) выворачивают мездровой частью наружу и вновь коптятся в дыму с более высокой температурой. В это время и происходит спайка или оплавление швов. Прокопченный в дыму камус становится непромокаемым, а сшитая из него обувь служит очень долго. Сегодня старая технология пошива водонепроницаемой обуви уступает место покупкам резиновых сапог.

Многослойность изделий из меха — универсальная технология теплозащиты. Однако во всех случаях это не раз и навсегда сшитое изделие, а сборно-разборная конструкция, соответствующая правилу кочевого трансформера. Другими словами, число слоев теплозащиты зависит от ситуации, и кочевник никогда не наденет лишний слой во избежание

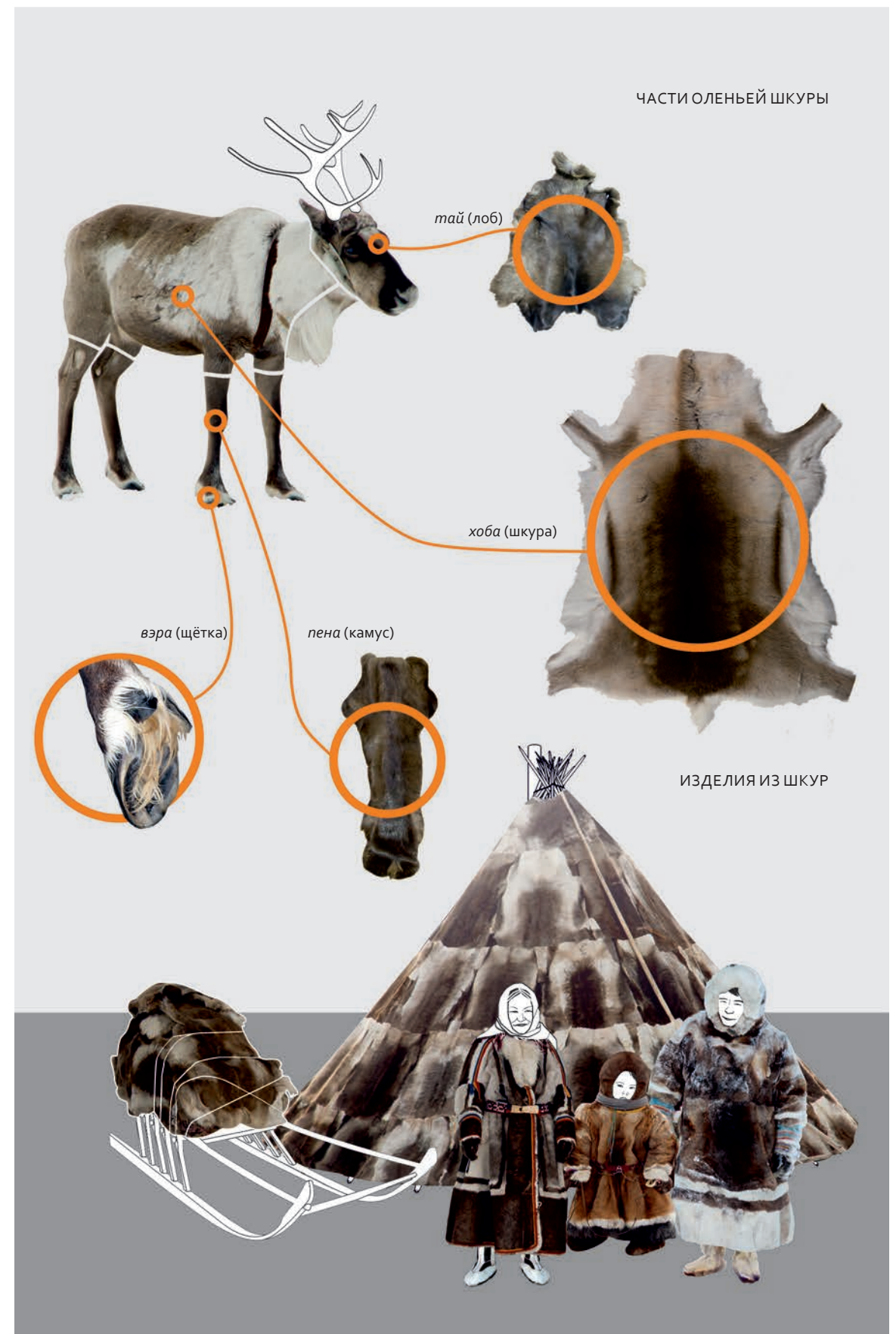

Рис. 87. Использование оленьих шкур

Рис. 88. Среди меха и шкур

перегрева и потоотделения. Эффект теплоизоляции усиливается при сдвоенности шкур, например, в сочетании нижних и верхних покрывок чума (на лето оставляется один слой нюков). По тому же принципу изготавливается и носится одежда: как чум служит «самой верхней из одежд» для кочующей семьи, так и одежда оказывается «маленьким чумом». Когда оленевод, слегка сгорбившись и расставив ноги, сидит на нарте, он силуэтом напоминает чум. Зимняя одежда надевается в той же последовательности, что и покрывки чума: сначала обращенная мехом внутрь малица (как *мюйко* чума), затем широкий, мехом наружу, совик-гусь (как внешний нюк *ея*). Из двух слоев состоит и обувь.

Как и в чуме, многослойность создает «эффект термоса» (оболочки в оболочке). Дело и в другом качестве двухслойной одежды: нижний слой прилегает к телу, отдает максимальное количество тепла, а верхний защищает мездру от вытирания, высыхания и загрязнения. Если шить и носить обе меховые одежды ворсом внутрь, она будет гораздо объемнее, и мех будет быстро изнашиваться. Традиционная обувь кочевников — двухслойная с высоким голенищем (до паха) — благодаря сложному покрою повторяет форму ноги, что обеспечивает свободу движений. Верхнюю часть зимней обуви (кисы) шьют из обладающего большой прочностью камуса

(*пена*) ворсом наружу. Подошва выкраивается из шкуры со лба оленя или из «щёток» (*вэра*) — нижней части ног. Ворс на подошве направляется вперед, чтобы избежать скольжения при ходьбе. В швы для прочности прокладывается кант из разноцветного сукна. Носится зимняя обувь с чулками (*либт', тобак'*) из оленьей шкуры (обычно шкура пешки, у которой мягкая кожа и нежный мех) ворсом внутрь.

Сначала надевают чижы, затем — кисы. Обувь крепят к поясу ровдужными ремешками (*тем, те'мищ'*), мужскую дополнительно под коленом стягивают плетеными из разноцветной шерсти подвязками с кистями. Зимняя обувь богато украшается меховой мозаикой, полосами и кантами цветного сукна. Теплозащитный зазор между ступней и холодной почвой (снег, лед) столь мал (следует учитывать, что под собственным весом зазор предельно минимален), что для его увеличения между подошвами кисов и чижей прокладывают стельку из сухой травы. К концу дня при длительной ходьбе стелька настолько уплотняется и увлажняется, что теряет свои свойства. Вечером хозяйка достает траву и сжигает, а на ее место в просушенную за ночь обувь кладет свежие стельки. Вообще меховая обувь требует тщательного ухода (просушки и починки). У хорошей и заботливой хозяйки обувь членов ее семьи и гостей всегда сухая.

Рис. 89. Укладка нюка

В сильные морозы или при длительной езде на нартах поверх традиционной пары (кисы и чижы) надевают еще один слой обуви — няры, сшитые из оленьей шкуры с длинной шерстью, мехом наружу, длиной до колен. Кочевник, одетый в меховую композицию

малица-совик-чижи-кисы-няры, непробиваем для мороза и ветра, хотя и несколько скован в движении (ловить оленей в таком наряде сложно, но ехать на нарте комфортно).

МАГИЯ ЖЕНСКОЙ СУМКИ

Все, что сшито из разных шкур и тканей, от огромного зимнего нюка *ея* до детской куклы *нухуко*, сделано руками женщины. Как мужчина связывает арканом, упряжью и веревками стадо и караван, так женщина сшивает сухожильными нитями весь набор укрытий и одеяний, включая покрывки чума, постели, одежды, подстилки, покрывала. Женщина несет ответственность за всю переработку шкур в одежду и жилище. Уже весной, перед отелом, она знает, сколько шкур ей понадобится в течение года, чтобы успеть обшить всю семью к следующей зиме. Одновременно женщина выполняет несколько работ по выделке шкур, шитью новой одежды и ремонту старой, замене куска покрывки для чума, заготовке нитей и т. д. Иногда nenki говорят, что нюки достались им в приданое от матери 10–20 лет назад. В действительности от прежних нюков уже не осталось и кусочка — они полностью обновлены постепенными вставками. Каждый сезон перешиваются и чинятся кисы. Столь же скор вещеоборот во всей одежде, которая постоянно обновляется, особенно если семья многодетная, и дети дружно растут.

Традиционно символом женщины считалась швейная сумка *туця* (в сопровождении мешка *пад*). Невесту принято выбирать по красоте не лица, а шитья. По одежде, сшитой для себя и своих близких, судили о достоинствах женщины. Выросшей из пеленок девочкой считалась не та, что научилась ходить или выговаривать слова, а та, что «держала иглу». День, когда девочка впервые осмысленно брала в руки иглу, становился маленьким женским торжеством. Бабка или мать изготавливали ей швейный мешочек и игольницу. С той поры и до последнего своего дня женщина шила. В возрасте невесты, к 13–15 годам, каждой девушке положено было иметь несколько меховых сумок различного размера, несколько игольниц с наборами игл, связки нитей из оленьих сухожилий, ворох разноцветных лоскутов шкур, тканей, наперстки, кроильную доску, особый нож для пошивочных работ, запасы бисера и другие мелочи. Умение «обращаться с иглой и наперстком», «шить одежды из звериных шкур» в большей степени, нежели возраст и телесная зрелость, определяли готовность женщины к замужеству. Девочку могли отдать в жены в 7–8-летнем возрасте. Но, как повествуют сказки, если девушке уже пятнадцать

лет, а она «не может пришить подошву к своему пиму», «не умеет шить даже рукавичек», ей замуж выйти не суждено.

Судя по фольклору, особую роль в судьбе женщины играла сумка для рукоделия *туця*. В описываемых легендах невеста рисовалась непременно «одетой в хорошую одежду» и «державшей меховую сумку». При переезде из дома отца в дом мужа невесту укладывали на отдельную нарту, ее вещи (приданое) — на другую. Лишь один предмет, помимо одежды, принято иметь при себе — *туця*. Иногда, по преданиям, зловредную женщину лишали всего ее имущества и гнали прочь. Единственное, что неизменно оставалось с ней, была ее швейная сумка. Если женщине давали возможность шить, ей тем самым оставляли надежду выжить и вернуться в отторгнувший ее общинный мир.

В швейной сумке рядом с иглами и нитями женщина хранила свои амулеты и предметы для очистительного окуривания: шкурки бобра, чагу. В сумке *туця* мать берегла пуповины своих детей. Женщина была неразлучна со своей сумкой, даже когда ей приходилось отправляться в иной мир. Когда женщина умирала, ей в изголовье клали *туця*. Швейная сумка «перевивала» вместе с женщиной все настроения и состояния. Если хозяйку одолевала слезы, она прятала глаза, прильнув к *туця*. Если женщина не могла пережить смерть мужа и желала поскорее уйти вслед за ним в потусторонний мир, она оставляла в его могиле свою швейную сумку, «чтобы быстрее найти друга друга в стране мертвых, ведь у мужа и жены одна сумка на двоих».

Шить приходится много — всю жизнь. Пока старуха способна двигать руками, она шьет. Даже если она уже слепа, ее руки продолжают шить. Печаль по поводу наступающей старости выражалась словами: «Мои глаза не видят края моего шитья, мой наперсток стал дырявым» (Ненецкие сказки 1984:86). При всей занятости женщины у очага, основное время она проводит, сидя у входа, за скоблением, разминанием и раскройкой шкур, сучением нитей из оленьих сухожилий и шитьем.

За магией женской сумки и искусством шитья скрыта технология шва. Для швеи особую заботу и ценность представляла нить: в XIX в., по свидетельствам очевидцев, когда женщине приходила очередь (после

Рис. 90. За рукоделием

мужчин и гостей) отведать свежей оленины, она не только ела, но и вытягивала зубами жилы для шитья (Абрамов 1857:354).

Нити для шитья одежды получают из спинных сухожилий оленя. Самые длинные и прочные сухожилия из ножных и спинных мышц оленя используют при сшивании покрывок чума и наружной одежды. Изготовление сухожильных нитей — занятие кропотливое, и каждая тундровичка обучена приемам обработки жил с детства. Как правило, заготовка нитей происходит в зимнее время года, чтобы к лету (длинный световой день) иметь необходимый запас ниток. Сухожилия извлекаются из ножных и спинных мышц оленя при разделке туши. Удалив ножом с сырых сухожилий остатки мышечных волокон, их сушат, подвесив на веревке в чуме или снаружи. Хорошо высушенные сухожилия могут долго храниться. Перед дальнейшей обработкой их «разбивают»

(обухом топора или молотком). Расщепленное сухожилие разделяют зубами на части, а потом «теребят» — разделяют на тонкие волокна специальным инструментом *таскатченан*.

Нитки для шитья одежды делают только из спинных сухожилий. Их осторожно раздвигают пальцами на тонкие волокна и скручивают друг с другом. Конец одной пряди берут в рот, смачивают слюной, присоединяют к ней следующее и скручивают. Нитка должна получиться одинаковой толщины (к толстому концу предыдущей пряди присоединяется тонкий конец следующей). Известно несколько способов скручивания ниток: правой ладонью на бедре, на щеке или на левой ладони правой рукой. Готовую нитку протаскивают сквозь зубы, чтобы она была ровной.

Сухожильные нити сматывают на крепилки, сделанные из подъязычной кости оленя, кости предплечья гагары или лебедя, из рога или

бедренной кости оленя. К крепилкам особой петлей за середину нити привязывают 10 прядей по 10 нитей в каждой и сплетают в косы — всего 100 нитей. Петля позволяет вынимать по одной нитке из пучка с помощью игольного ушка.

Сухожильная нить отличается по цвету (темные — летней заготовки, светлые — зимней), толщине сучения, длине и назначению. Самые тонкие нити предназначаются для вышивки бисером, средние — и для шитья меховых орнаментальных деталей одежды, а более толстые и крепкие — для пошива обуви. Сухожильная нить эластична, прочна и не поддается гниению. В одежде минимальное количество швов.

Конструктивные швы выполняются в местах, менее всего подвергаемых прямому продуванию: стан сшивается по бокам, рукам с внутренней стороны, дополняют их плечевой шов и шов проймы. Расположение швов удачно и в смысле защиты их от механических воздействий во время охоты, при езде на упряжке, заготовке дров, работе в стаде.

При шитье меховой одежды и сборке элементов меховой мозаики часто применяется потайной шов «через край» с изнаночной стороны. Для прочности и сохранения тепла в швы прокладывается кант из цветного сукна, который, кроме того, усиливает декоративный эффект меховой мозаики. В старину вместо

сукна использовали подшейный олений волос. Места соединения деталей ровдужной одежды обычно перекрывали швом-жгутиком из подшейного волоса оленя. Белый подшейный волос оленя-самца накладывали на кожу или ровдугу, прихватывая ее сухожильными нитками. Пористые материалы, будь то олений волос или сукно в несколько слоев (обычно два-три), делают шов более эластичным, но сохраняют плотность и непродуваемость. Шов не только прочен и долговечен, но и эстетичен (одна из иллюстраций ненецкого принципа «красиво то, что практично»).

Женская индустрия (и в то же время магия) шитья породила особого рода правила-приметы,

например: «не накладывай новый шов на старый — ослепнешь»; «если издали приехала, придется длинную нить из жил сучить»; «иголки нужно втыкать параллельно острым концом к себе, а остатки нити обматывать вокруг иглы»; «если девочка без причины несколько раз прокалывает иголкой на себе одежду — это к покойнику»; «если с пальца соскакивает наперсток, то у твоего мужа будет вторая жена» (у ненцев в прошлом было в обычае многоженство).

Искусство шитья сыграло важную роль в освоении Арктики, хотя кажется невероятным, что вся многообразная меховая культура ненцев происходит из маленькой женской сумки.

Рис. 91. Технологии кройки и шитья

ЯГУШКА

Основная женская одежда, двухслойная зимой и однослойная летом — ягушка (нен. *паны; не'паны*, рус. *паница, ягушка*). В отличие от мужской глухой одежды, женская — распашная, что связано с кормлением ребенка грудью и необходимостью быстрого реагирования на температурные перепады внутри и снаружи чума.

У ягушки длинная жизнь, вернее, несколько жизней. Новая шуба, пышная и нарядная, используется для выездов на праздники и в гости (в том числе в поселок и город), а затем

в регулярных касланиях. Три года спустя она увядает и тускнеет, ее мех редет и выпадает: ягушка становится демисезонной рабочей одеждой. Еще через три года она теряет остатки меха, превращается в летний замшевый халат и служит до полного обветшания или до момента, когда на ее место подоспеет следующая демисезонная ягушка. Таким образом, женская ягушка переживает три состояния — зимнего наряда, демисезонной робы и летнего халата. При взгляде на ее старость не всегда удастся узнать в ней первоначальную праздничную красоту.

Женщины, в отличие от мужчин, могут пересчитать, сколько у них за жизнь было ягушек. Например, 45-летняя ненка в семье среднего достатка сшила за свою взрослую жизнь дюжину ягушек, т. е. в среднем она раз в два года шила себе новую ягушку. Таким образом, в гардеробе кочевницы постоянно используются как минимум три ягушки, при этом какая-то из них может храниться в оставленном на месте смены нарт сезонном аргише. Хозяйка чувствует себя уютнее, если для работы у печи у нее есть старая роба,

для коральных работ — теплая и добротная, а в *вандоку* лежит запасная ягушка. Кроме того, ночным одеялом каждому мужчине служит опять-таки ягушка (всегда найдется «ночная одежда» и для гостя); такая специально сшитая шуба называлась *тон* (одеяло). В обычае хорошей хозяйки иметь в общей сложности четыре-пять ягушек. Есть среди ненок и кутюрье, которые шьют ягушки на выставки и продажу, есть любительницы изысканного рукоделья, например, пошива шубы из ушей оленя. Одежда — самовыражение женщины,

ДЕМИСЕЗОННАЯ ЯГУШКА

ЛЕТНЯЯ СУКОННАЯ ЯГУШКА

НАРЯДНАЯ И ЗИМНЯЯ ЯГУШКА

в ней проявляются персональные предпочтения и вкусы мастериц.

На пошив ягушки идет восемь и более неблюев. Верхнюю часть кроют из шкур оленя, а подкладку — из шкурок водоплавающих птиц или зайца. Стан состоит из спинки и двух пол: рукава втачные, пройма широкая. Спинка кроится из трех полотнищ, среднее обычно пятнистое или контрастное по цвету, борта и подол чаще темного цвета. Между станом и подолом вшивают полосы белого и темного меха (до четырех). Правая пола несколько заходит на левую; полы закрепляются пятью-шестью парами ровдужных завязок. Ягушка имеет воротник из песцовой (иногда лисьей) шкуры или хвостов, украшение составляют орнаментальные полосы, выполненные в технике меховой мозаики, а также разноцветные суконные полосы и кант. К ягушке пришивают рукавицы из оленьих камусов.

Ягушку обычно носят с поясом. Это плетеная из разных цветов овечьей шерсти или гаруса лента с большой медной или латунной пряжкой в виде кольца. Пояс складывается вдвое, опоясав талию, длинный конец продевают в кольцо и оба конца связывают вместе. Пряжкам, достигавшим в прошлом больших размеров, придавалось особое (сакральное) значение.

Женский зимний комплект одежды составляют, кроме меховой ягушки, шапка-капор и обувь. В качестве демисезонной и летней одежды употребляется поношенная зимняя (обычно без подкладки) или суконная ягушка (*ной паны, нояця*) без подкладки и рукавиц. В комплект летней женской одежды входят, помимо суконной ягушки, платья и платки.

Женские головные уборы (*сава'нэ*) — шапки-капоры из шкуры с лап россомахи на подкладке из шкуры оленя и шапки-капоры из шкуры с головы оленя с опушкой из песца или лисицы. Шапки двухслойные: внешний слой мехом наружу, внутренний (подклад) мехом внутрь. Внешняя часть шапки из оленьего меха сшивается из трех частей: теменной, затылочной и шейной. Затылочная часть выкроена из шкурки с головы оленя.

Глазные отверстия защиты кусочками меха и полосками сукна, концы которых свободно свисают. В ушки вшиты полоски сукна и кожи. Между основными деталями вставлены полосы меховой мозаики из белого и темного меха, в шов вложен кант из сукна. Украшением шапки служит опушка из песцовых хвостов или белого оленьего меха. Внутренняя часть шапки сшита из кусочков оленьей шкуры

мехом вовнутрь. Завязывается под подбородком парой кожаных ремешков. К краю затылочной части шапки на ремешках и цепочках крепятся металлические бляхи мануфактурного производства, но особенно ценятся старинные бронзовые бляхи, которые передаются по наследству и служат оберегом. Когда женщина надевает шапку, бляхи опускаются на спину. Они значительно утяжеляют шапку, не давая ей напоздать на лицо и не позволяя ветру сдуть головной убор.

Женская камусная обувь отличается от мужской деталями кроя: наличием треугольной вставки и более низким расположением горизонтальных полос в передней части, а также вшитого треугольника из меха контрастного цвета на пятке. Разница между мужскими и женскими кисами отражена в загадке: «У старика нос плоский, у старухи острый». Женская обувь не подвязывается под коленом. Летняя женская ровдужная обувь отличалась от мужской только способом завязывания ремешков: на женский он продевается спереди назад, на мужских — наоборот.

В праздничные дни, а раньше постоянно, женщины, девушки и девочки (начиная с 6–7 лет) носили накосные украшения или ложные косы (*нэбт*). Они состоят из затылочной накладкой и пары прикрепленных к ней длинных кос-жгутов. Затылочная накладкой продолговато овальной формы выполнена из полосы кожи, обтянутой с обеих сторон сукном. С лицевой стороны на накладку нашивали металлические пуговицы, бусины и бисер. Закрепив накладку на затылке, женщина плотно приматывала косу-жгут полосками сукна или шерстяной тесьмой к собственным волосам. Концы кос украшались треугольными кусочками сукна или ровдуги, расшитыми бусинами, пуговицами. Между собой косы в нескольких местах соединялись цепочками и украшались металлическими бляшками (в ход шло все — от старинных блях до деталей часов). Косы спускались по спине ниже колен. Когда женщина надевала меховую или суконную ягушку, косы заправляла за пояс. В настоящее время в будние дни женщины и девушки, имеющие косы, связывают их за спиной лентой или тесьмой, чтобы не мешали при работе.

Рис. 93. Елена Сэротэтто в повседневной ягушке

МАЛИЦА

Малица (*мальця*) — мужская одежда глухого покроя с капюшоном и рукавицами, шьется из осенней шкуры теленка (около шести неблюев) ворсом внутрь. Из шести оленьих шкур пять идут на спинку, перед, бока и панду; на рукава идут обрезки, на капюшон — отдельная шкура теленка; рукавицы шьют из камуса. Ненец среднего достатка имеет две-три малицы: новую для выездов в гости и зимних кочевий, демисезонную и рабочую. В качестве демисезонной и летней используется вытертая зимняя одежда. В плохую погоду поверх

малицы надевают суконный совик. Весной и осенью мужчины также носят глухую одежду с капюшоном из сукна, сходную по покрою с малицей, но короче. Как и женская ягушка, малица со временем и износом меняет свой статус от новой до (через три года) демисезонной рабочей, а затем (еще через три года) до летней ровдужной. Старение малицы особенно видно по подолу, который иногда «болтается как собачьи хвосты».

Целостность кроя меховой одежды (малицы, совика) способствуют, аналогично чуму,

сохранению и концентрации тепла в районе спины, груди и плеч. Стан трапецевидный и широкая пройма, подол сзади несколько длиннее, чем спереди. Трапецевидный крой и утяжеление подола нашивной пандой повышает устойчивость к сильным порывам ветра. Ветровой фактор способствовал складыванию традиции пришивать к верхней одежде шапку (малица) и рукавицы. Плотнo облегающий голову капюшон (*мальця сава, сёбя*) из шкуры пешки (в два слоя, мехом наружу и внутрь) на вздержке-шнуре пришит к стану малицы

и не спадает с головы при быстром движении и езде. Красивым считается капюшон из темного меха. В старину богатые ненцы шили капюшоны из меха бобра и соболя.

Подол малицы надставляется широкой полосой-опушкой (*панд'*) из оленьего (шкура осеннего теленка или летнего взрослого оленя с коротким и плотным ворсом, в два слоя мехом наружу) или собачьего меха. Над пандой нашивается одна-две полоски сукна или меховой вставка-узор (*нэсо*), например, пять узких чередующихся по цвету полосок

Рис. 94. Мужская одежда

меха. Панда утяжеляет нижний край малицы. Во время езды на нарте панда, облекая ноги каюра, препятствует продуванию. Поверх малицы для предохранения мездры от воздействия влаги и загрязнения надевают наверхницу или маличную рубаху (*имбыт', мальця' танга*) из сукна или плотной ткани. По покрою она повторяет малицу без капюшона и рукавиц, только кроится несколько шире.

Рукава малицы, узкие у запястья и широкие у проймы, дополнены ластовицами и обшлагами, обшитыми тканью. Рукавицы (*ноба*) шьются из камуса ворсом наружу, с тыльной стороны они наглухо пришиты к рукаву, на запястье со стороны ладони имеется разрез, прикрываемый широким клапаном. Поскольку разрез находится с внутренней стороны в месте сгиба кисти, щель между рукавицей и клапаном остается «закрытой», защищенной от ветра. Благодаря разрезу руку можно легко освободить из рукавицы, не снимая одежды, что очень удобно для стрельбы, разжигания костра, курения, различных работ, которые невозможно или сложно выполнить в рукавицах.

Носят малицу с поясом, делая над ним напуск, так что за пазухой (*ма')* можно, как в кармане, держать разные предметы, необходимые в дороге или при работе, особенно те, что нужно хранить в тепле и сухости. Покрой малицы (широкий стан и глубокая пройма) позволяют, не снимая одежды, высвободить руки из рукавов, чтобы поправить или подтянуть лямки кисов, достать из внутренних карманов, если имеется нательная одежда, патроны, спички, набить трубку, почесаться и др. Изрядную часть времени, проводимого на стойбище, оленевод лежит или полулежит на постели в чуме, сидит на нарте, неторопливо ходит или стоит, вынув руки из рукавов и спрятав их в глубинах малицы. Зато в самый лютый мороз они ловят оленей, сбросив рукавицы и капюшоны малиц, что обеспечивает оперативный обзор и точность действий руками, а также предохраняет тело от перегрева, при этом сохраняя в тепле наиболее уязвимые части тела — спину и грудь. С эргономической точки зрения покрой малицы и напуск над поясом не сковывают движения при работе с топором, бросании аркана, управлении упряжкой. Эргономика сочетается с безопасностью в экстремальных ситуациях, когда необходимо экстренное облачение или переодевание на морозе, в темноте или в кочевье: покрой малицы позволяет легко снимать и надевать

ее на ощупь, одним движением — по ненецкой загадке «в одну дыруходишь, в три выходишь» (входишь головой в подол малицы, выходишь в ворот и рукава) — без создаваемого современной одеждой риска потерять контроль над ситуацией, запутавшись в пуговицах и молниях.

Прагматика маличной конструкции вполне эстетична. Благодаря широкой пройме и толщине меха объем плечевого пояса в сравнении с объемом бедер (где малица подвязана поясом) укрупняется. Подпоясанная малица «усиливает» пропорции мужского тела и формирует мужественный силуэт «плечистого оленевода». Ненец в малице — олицетворение мобильности и северной эстетики (в проекции соответствия формы и функции вещи).

Малица — ядро «джентльменского набора», в который входят кисы (с чижками), совик (в холодное время), пояс, меховые или ровдужные штаны (в прошлом). В старые времена мужчины носили штаны (*ни'мя*) из пешки ворсом к телу. Они были широкими и до колен, на талии поддерживались с помощью вздержки, штанины заправлялись в меховые чижки.

В сильные морозы и пургу или во время дальних переездов поверх малицы надевают глухую одежду с капюшоном — совик (нен. *савак, соок*, рус. *сокуй, кумыш, гусь*), сшитый из зимних или осенних шкур оленя (постели или неблюя) ворсом наружу. По покрою он — копия малицы, только сшитая мехом наружу, без рукавиц. Размеры его превышают габариты малицы настолько, чтобы совик можно было свободно надеть поверх нее. Шкуры для совика тщательно подбирают по цвету: белый, темный, пятнистый. Затылочная часть капюшона выполняется из шкуры с головы оленя, в ушки вшиваются суконные кисти. В швы на спине вкладывают кисти из цветного сукна. Подол совика, как и малицы, надставляется полосой меха (часто контрастного цвета). Капюшон оторачивают опушкой из шкуры оленя с длинным ворсом или двух песцовых хвостов. Носят совик без пояса. Совик относится к уличной одежде, его не вносят в чум, а снимают и оставляют в нартах. В пути при необходимости совик, надетый на малицу, заменяет спальный мешок: в нем ложатся прямо на снег и спят.

Мужской пояс (*ни*) делается из сыромятной (коровьей) кожи. К нему на металлических цепочках крепятся: слева — нож (*хар*) в ножнах (*хар' се', харанзе'*), справа — точильный

Рис. 95. Перед кочевкой

камень (*сия*) в кожаном чехле (*сия се'*). Пояс декорируется латунными или костяными ажурными бляшками. Со стороны спины его украшает гирлянда медвежьих или волчьих клыков (*тибя*). По представлениям ненцев, клык медведя охранял мужчину от злых духов, приносил удачу в охоте и предохранял от боли в спине. С боку на поясе висит набор пясиков (продолговатых, круглых, квадратных костяных

пуговиц для оленьей упряжи), а также костяное шило в чехле (*савлюй лы* — «острая кость») для развязывания узлов (особенно в холодную и сырую погоду). На поясах можно увидеть «записные книжки» (*оттама ня*) — деревянные палочки, на которых оленевод отмечает ему понятными значками сведения о стаде (количество телят, больных и привитых оленей).

ЛЮЛЬКА И ПАРКА

С рождения человек ощущает себя в оленьем облачении. В момент выхода из материнской утробы он оказывается на оленьей шкуре-подстилке, и обрезанную пуповину ему перевязывают оленьей жилкой. Затем младенца укладывают в люльку (*ебц'*), которую он покидает, начав ходить. Ребенка в колыбели называют *хобатна* (шкурный), и он действительно находится внутри овальной деревянной люльки обернутым в меховое оленье одеяло. В качестве пеленок используют мягкие шкурки пешки или песца. Внутри одеяла под ребенка подкладывают измельченные гнилушки,

сухой мохсфагнум и стружки. Затем гнилушки и мох выбрасывают, а меховые пеленки чистят и сушат.

Ненецкая люлька удобна простотой и легкостью своей конструкции: деревянный обод, овальное дно и дуга служат оправой для мехового одеяла с меховыми пеленками, в которых располагается младенец. Его удобно кормить грудью, не вынимая из колыбели. Люлька сопровождает мать в удобных для нее позициях: часто она просто стоит на меховых постелях, иногда висит и по необходимости раскачивается на подвешенных к шестам

чума ремнях. В комарное время на деревянную дугу, где обычно висят погремушки, крепится платок, предохранявший ребенка от гнуса. В морозную погоду на люльку надевают меховой чехол вроде кукуля, покрытого тканью (по функции — наружный слой меха). Колыбель с младенцем кочует с матерью в нарте-кибитке *не-хан*.

Покинувший люльку годовалый младенец — *ядэрта нацекы* (ходячий ребенок). С этого возраста до пяти лет он носит детскую парку — двухслойную меховую одежду (мехом внутрь и наружу, из пешки или другой мягкой

шкурки), напоминающую по покрою малицу с рукавицами. К рукавичкам, спинке и капюшону пришивают яркие полосы сукна, а к рукавам — маленькие колокольчики, чтобы отпугивать злых духов и напоминать, где ребенок. К спинке парки крепят кольцо, чтобы привязывать ребенка подальше от костра к шестам чума (Хомич 1988:67). Детские комбинированные штаны-чижи шьют из мягкой шкуры пешки (или выпоротка), оставляя прореху между штанинами. Это отверстие позволяет малышу справлять нужду, не снимая штанов. Особый детский комплект представляет собой

ЛЮЛЬКА

ДЕТСКАЯ МАЛИЦА

ПАРКА

Рис. 96. Детская одежда

Рис. 97. Игра на стойбище

Рис. 98. Колыбель

переносной двухслойный меховой мешок для детей двух-трех лет, удобный для перекидки в холодное время.

С четырех-пяти лет детская одежда различается по полу: для девочки и мальчика шьют соответственно ягушку и малицу уменьшенных размеров. Детская одежда часто собирается из лоскутов шкур, заготовленных для взрослой одежды. Нередко детскую одежду шьют старшие сестры, для которых это служит опытом рукоделья.

Взрослеющие девочки участвуют в материнских занятиях кройкой и шитьем. Девочки подбирают остатки-кусочки меха, шьют маленькие сумочки для себя и одежду для своих кукол *нухуко*, изготовленных из клювов гусей и утки с туловищами из суконных полосок. Куклам тоже шьют одежду и одевают соответственно полу в малицы и ягушки. У каждой девочки есть свои *туця* и *падко* с лоскутками меха и сукна, сухожильными нитками, копытцами новорожденных телят, бисером. Девочки изготавливают игрушечные колыбели из тряпочек и косточек птиц, мальчики играют миниатюрными арканами, луками и ножами,

запрягают щенков в маленькие нарточки *ханоко*. В 7–8 лет, когда девочка уже может вести аргиш, а мальчик участвовать в пастьбе, ловле и запряжке оленей, они переходят в следующий разряд — *ндадаледа нацекы* (ездящий ребенок).

Таким образом, с меховых пеленок ребенок растет вместе с оленем и одевается по оленьи: сначала он кутается в шкуру пешки, затем надевает шапку или капюшон, сшитые из оленьих лбов и с оставленными для красоты (и соответствия) глазными прорезями, а также обувь с голенищами из камуса и подошвами из «щётки». Это буквальное копирование в своем облачении человеком оленя (разумеется, с добавками других шкур и материалов) экологично, технологично и эстетично. Традиционный набор одежды соответствует принципу техноанимации — уподобления живому существу.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:
БЕДСТВИЯ И ИСПЫТАНИЯ

БЕДСТВИЯ И ИСПЫТАНИЯ

Ненецкое оленеводство находится сегодня, с одной стороны, в зените своего развития, с другой, в точке риска из-за перевыпаса и стихийных бедствий. Природно-климатические потрясения последних лет — гололед зимой 2013/2014 гг. и вспышка сибирской язвы летом 2016 г. — встревожили ненецкое сообщество и причастные к оленеводству службы настолько, что речь зашла о кризисе. Впрочем, «кризис» — понятие оценочное и информационное (иногда он создается или провоцируется самой «кризисной риторикой»). Гололеды и эпидемии — регулярные события в истории ненцев: по их собственным подсчетам, гололед случается раз в четверть века, сопровождается падежом оленей, а затем восстанавлением поголовья; случаи антракса (сибирской язвы), некробациллеза (копытки) и других инфекционных заболеваний также довольно часты и даже предсказуемы (обычно они связаны с аномальной жарой). Кочевая культура включает технологии быстрого реагирования и маневра в экстремальных ситуациях, однако нынешняя ситуация осложнена двумя обстоятельствами: (1) За последние десятилетия тундра Ямала стала территорией газонефтедобычи, и судьба пастбищ и оленеводства оказалась в зависимости от экспансии промышленников; (2) Ненцы всегда стремились к наращиванию поголовья оленей, полагая, что «много — это хорошо», тогда как сегодня ставится задача сокращения стад ради спасения пастбищ и самого оленеводства. До тех пор, пока у ненцев и оленей не было конкуренции в лице разработчиков недр, их судьба принадлежала им самим; сейчас оценки и рекомендации существенно мотивируются интересами промышленников и конкуренцией за территории. Экстремальному испытанию на прочность и жизнеспособность подвергается вся тундровая кочевая система, причем удары следуют один за другим (подробнее см.: Перевалова 2015; Головнёв 2016).

«Стихийный год». Осенью 2013 г. снег в ямальской тундре лег на две-три недели раньше обычного: после трехдневной метели 21–23 сентября он покрыл еще не промерзшую почву и уже не таял. 8–9 ноября прошел проливной дождь, насквозь пропитавший рыхлый снег и мягкую почву, а следом ударил сильный мороз, превративший поверхность тундры в ледяной панцирь. Дождь прошел полосой

над южной тундрой Ямала, почти не затронув севера полуострова (за Юрибеем) и лесотундры (к югу от Обской губы). Ледовый наст, сковавший южнотундровые пастбища, не таял до весны. По официальным данным, в ту зиму от истощения пало более 40 тыс. оленей (Sokolov et al. 2016:124–126).

По-ненецки такой год в тундре называется *сэрад'-по* (моровой, бедственный) или *салаба-по* (ледовый), а по-русски — «плохим» или «стихийным». Гололед вызывает массовый падеж оленей от истощения из-за невозможности добыть корм из-под ледяного наста (*салаба, сэрадава*). Предугадать *сэрабт сарё* — несущий обледенение осенний дождь, по словам ненцев, невозможно. Подобные стихийные бедствия кочевники связывают с непочтительностью к святыням и покойникам.

И на этот раз даже опытные оленеводы не могли сразу оценить масштабов бедствия. Надежды на оттепель переменялись с расчетами возможных маневров в необледенелых участках тундры. Однако в ту осень сбылись худшие опасения: наст не таял, поверх него лег новый снег, и стало ясно, что «ледовую землю» (*салаба я*) следует покинуть как можно быстрее. Началась спешка, на маршрутах кочевий возникла сутолока.

Обычно осенние маневры состоят в избегании столкновений и смешений стад при быстром прохождении по маршрутам кочевий. В это время удобнее кочевать в общем потоке, тогда как любое изменение маршрута (тем более до противотока) грозит почти неминуемым столкновением с другими стадами. Между тем разворот на север, где не прошел ледяной дождь, был одним из рискованных, но тактически удобных маневров. Несколько участников и 6-я ярсалинская бригада во главе с бригадиром А. П. Худи, несмотря на строгое предписание следовать установленному маршруту, развернулись на север, перезимовали на летних пастбищах и почти полностью сохранили свой стад. Остальные продолжали миграции на юг, нередко сталкиваясь и теряя оленей.

Массовый падеж начался при перевалке через Обскую губу. Пастух Эдуард Вануйто (3-я ярсалинская бригада) рассказывал: «Из северных бригад мы переваливали Обь первыми. Шли почти сутки. На губе был основной падеж. Те олени, что смогли перейти на Хэнскую сторону, сбили ноги и были

Рис. 99. Зимний аргиш

настолько обессилены, что не могли добывать ягель. Когда аргиши развязывали, пристяжные быки ложились и уже не вставали... В бригаде погибло 40 ездовых быков». По воспоминаниям других оленеводов, «переправа и Хэнская сторона выглядели как зона боевых действий, губа была усеяна трупами оленей». На Хэнской стороне, по описанию Александра Сэротэтто, «сугробы были по пояс, посох полностью уходил в снег... Телята все погибли. Потом быки. Его разрезаешь — все кишки пустые. И сала вокруг сердца нет».

Зима «стихийного года» была посвящена спасению стада. В лесах на Хэнской стороне ягель был едва доступен из-за глубокого снега, и пастухи постоянно объезжали (на снегоходах) окрестности в поисках участков холмистой тундры, где отыскивали доступный для оленей корм. Пока мужчины рыскали в поисках пастбищ, женщины и дети подкармливали оленей на стойбище. Некоторые важенки буквально не отходили от чума — женщины варили им уху из рыбы (*евай*). «Целыми днями все на стойбище кормили оленей; варили не один котел, а два-три в день». Обычно олень, который не был ручным (*авка*) и с детства не ел с рук, к рыбьей ухе не притрагивается; «но когда у него кишки уже пустые, он может поесть». На стойбище Сэротэтто один олень уже перестал вставать, лег и не двигался.

Хозяйка налила в таз ухи, добавила хлеба и подвинула к морде оленя. Он сначала отвернулся, но она настойчиво придвигала таз все ближе. Он понюхал и начал есть. «Неделю оленя этого кормили, и он встал на ноги. Ему в уху еще ягеля добавляли, этому оленю».

Один из сыновей Сэротэтто каждое утро брал лопату, раскапывал снег и собирал на дне ягеля для оставшихся в живых оленей. Другие дети собирали мох со стволов деревьев. Иногда валили лес, чтобы олени могли сами объедать мох со стволов. Перед обратной весенней перевалкой через Обскую губу взрослые и дети собирали ягель в мешки и при кочевке через губу сыпали его на лед для подкормки.

Тем, кто после изнурительной зимовки двинулся на весеннее кочевье, предстояло новое испытание. Истощенные олени едва шли, и любое лишнее усилие или ошибочное действие могло привести к их гибели. Обычно каслание через Обскую губу начинается в середине марта и завершается к концу апреля, перед ледоходом. На этот раз оленеводы не спешили переходить с Хэнской стороны на Ямальскую: в южной тундре их ждала та же обледеневшая тундра, которую они миновали прошлой осенью.

Общим маневром стал скоростной проход по южной тундре к «открытой земле»

(свободной от ледяного панциря). Однако начавшееся резкое потепление привело к тому, что оленеводы столкнулись с «открытой водой» — вышли к бурлящим рекам там, где готовились пройти по льду. Александру Сэротэтто пришлось соорудить мост (*пул*) для переправы стада через Хадьту. В ту весну у важенок в основном были выкидыши, а здоровых телят рождалось немного. Важенки от слабости плохо следили за телятами, часто бросали их там, где рожали. Движение замедлялось и тем, что на аргиш не хватало быков, часть которых пала зимой, а часть обессилела.

Тем не менее пастухи гнали ослабевшие и поредевшие стада через зону гололеда на север, в направлении отельных пастбищ, без сна и остановок, которые грозили падежом. Успешный прорыв на весеннее отельное пастбище означал спасение стада. Кстати, в этих испытаниях проявились преимущества быстрых частных бригад в сравнении с большими бригадами. Именитый оленевод-бригадир Нялма Худи, сам понесший серьезные потери, отмечает преимущества частных хозяйств перед общественными бригадами: «Только частники проходили, бригады все задержались. Частники бежали вперед, освобождая пастбища подходящим бригадам. Получилось, что они прошли на свои летние пастбища. Бригада — это большой табор. Пока ждешь, чтобы все собралось, свои дела закончили, время уходит. Частник никого не ждет, не тормозит. Собрался и уехал».

Число оленей на полуострове сократилось за «плохой год» на 43,2 тыс. голов — с 278,50 тыс. в 2013 г. до 235,306 тыс. в 2014 г. Вдоль Обской губы от Панаевска до Нового Порты летом 2014 г. выстроилось более сотни чумов оленеводов, потерявших оленей; 208 кочевых семей стали вынужденными рыбаками, промышленными на озерах и Обской губе. По оценкам тундровиков и специалистов оленеводства, после массового падежа на восстановление оленьего поголовья при благоприятных условиях уходит 5 лет, при неблагоприятных — 10. На этот раз это случилось гораздо быстрее, всего за год. Однако за восстановлением последовали новые потрясения.

«Болезнь вздутия». Сибирскую язву (антракс), чуму и холеру ненцы обобщенно называют болезнью вздутия или опухоли (*поса хабча*). В мифологии дух сибирской язвы *Поса на* входит в мрачное семейство Отца семи смертей (*Си'ив на нися*). По опыту оленеводов, вспышку заразной болезни вызывает жара (*ендя*), мучительная для оленей

и людей. В прежние времена в жару ненцы умилялись богу южных вод *Яв'мала*, ударяя по воде саблями и прося умерить зной. Кое-что в ненецкой мифологии выглядит рационально. Например, представление о том, что болезни покоятся за слоем вечной мерзлоты, а активизируются на жаре, что лучшая тундровая профилактика — миграция в чистое место. Все эти традиции неожиданно ожили летом 2016 г., когда на Ямале стояла продолжительная жара (за 30°C), таяла мерзлота и мучились олени.

7 июля 2016 г. в центре Ямала, в районе озер Ярато, неподалеку от фактории Тарко-Сале, на летнем стойбище, состоящем из 12 чумов, пал олень (по другим данным, падеж начался в июне и усилился на июльской жаре). Вскоре падеж приобрел массовый характер, и 16 июля в тундру прибыли ветеринары. 24 июля на основании собранных ими образцов специалисты ВНИИ Россельхозакадемии поставили диагноз — «сибирская язва». К тому моменту пало 1 200 оленей. 25 июля в Ямальском районе был объявлен карантин, и началась эвакуация людей. 28 июля в аэропорту Салехарда совершили посадку четыре грузовых самолета ИЛ-76 с двумястами специалистами войск радиационной, химической и биологической защиты. По железной дороге Обская–Бованенково эти подразделения со спецоборудованием были переброшены на станцию Владимира Нака (разъезд 15), в 55 км от очага заражения. В их распоряжение были переданы 30 единиц спецтехники и четыре вертолета МИ-8.

На стойбище, где еще недавно мирно бродили люди и олени, началась спецоперация, включавшая меры по дезинфекции, вакцинации и эвакуации. Более 40 ветеринаров, разделенных на 15 бригад, проводили экстренную вакцинацию оленей окрестных стад. Из 12 чумов были эвакуированы и госпитализированы 63 человека (затем еще четыре десятка человек). Жертвами болезни стали 12-летний мальчик и его бабушка. Остальные вернулись в тундру, правда, уже не в свои чумы (которые были сожжены со всем скарбом, меховыми постелями, нартами и одеждой), а во вновь поставленные. Территория предполагаемого заражения была закрыта на карантин. Всего в июле 2016 г. от сибирской язвы пало 2 349 оленей.

Первым диагнозом ветеринаров была гипертермия из-за аномальной жары. В любом случае зомби-инфекция была извлечена на свет из погребенных слоев тундровой почвы из-за потепления и таяния вечной

мерзлоты, хранившей споры сибирской язвы. Растревожить оплывшую почву и способствовать переносу заражения могли какие угодно обстоятельства и действия, от грызунов и насекомых до гусениц вездехода, но очевидно, что активизация бактерий стала следствием глобального потепления и аномальной жары на Ямале.

Поиски истоков угрозы, а заодно виноватых, первоначально распространялись и на чиновников, которые в 2007 г. отменили в Ямало-Ненецком округе вакцинацию против сибирской язвы. Впрочем, на то были свои резоны: болезнь не обнаруживалась на Ямале 70 лет (с 1941 г.), а в 1968 г. округ был официально внесен в список «чистых» от сибирской язвы территорий СССР. Однако вскоре тон обсуждения обновился, и виновными в происшествии оказались сами пострадавшие — олени, вернее оленеводы, которые развели слишком много оленей, ставших угрозой экологическому благополучию полуострова. При участии биологов, которые по-своему ответственно заявляли о перевыпасе и угнетенном состоянии пастбищ на Ямале, администраторы и журналисты перевели разговор в плоскость экологической катастрофы: «угроза благополучию — избыток оленей».

Такого еще не было: в прежние времена многооленность считалась достоинством, а малооленность — бедой (с поправкой на режим: до революции многооленными были оленщики-тэта, после — колхозы и совхозы). Изнаночная риторика зазвучала неожиданно, будто караван пошел задним ходом, но вполне убедительно: многооленность предстала кризисом, требующим срочного сокращения поголовья. «Болезнь вздутия» приобрела метафорическое звучание, когда вслед за бактериями антракса на оленей ополчились экологи, чиновники и журналисты.

При рассмотрении многооленности как фактора риска следует иметь в виду не абсолютное число оленей (с расчетом площади тундры на «оленью душу»), а крены и провалы в динамике и ритме движения стад. Если из-за гололеда стада сгрудились на хребте Ямала или у холмов Ярато, то это аномальное скопление становится фактором перевыпаса; если они к тому же ослаблены переходами по гололеду или жаре, то подвержены болезням и падежу, следовательно, образуют очаг потенциального заражения. В кочующей тундре, как на корабле, крушение может произойти из-за перегруза на одном борту. Тундровой

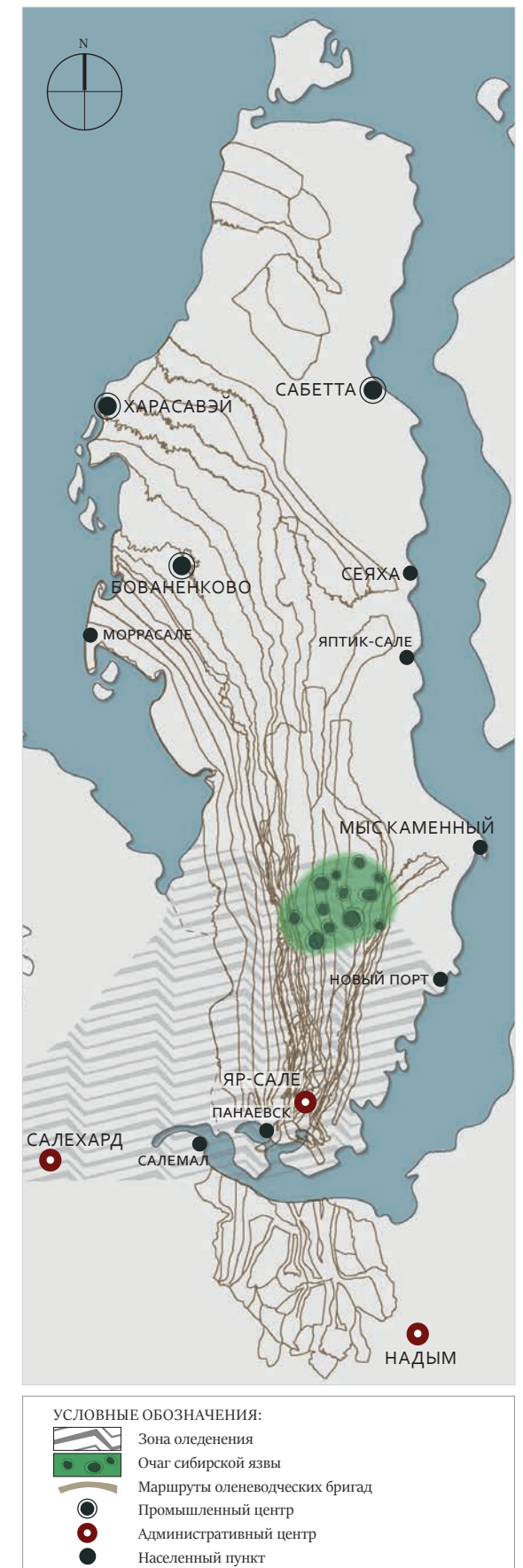

Рис. 100. Ямал: кочевья оленеводов и районы бедствия

Рис. 101. Вакцинация

Рис. 102. Лечение копытки

экосистеме и традиционной этносистеме органична динамика, а не статика. Всякая задержка нарушает общий ритм движения, а стационарные сооружения куда значительно ранят тундру, чем проходы больших оленьих стад. Иначе говоря, не общая масса стада, а режим его движения определяет экологическое благополучие тундры. Не исключено, что есть связь между перевыпасом и антраксом, но не на уровне общего соотношения оленей и пастбищ, а в конкретной ситуации перегруза пастбищ в окрестностях Ярато.

Сегодняшняя тревожная ситуация в оленеводстве Ямала связана с недавно принятым в округе Законом об оленеводстве (в новой редакции), предполагающим создание реестра пастбищ и кочевий с учетом как государственных (муниципальных), так и частных хозяйств — в законе впервые закреплено понятие «личных оленеводческих хозяйств». Тем самым возможно разрешение главного конфликта ямальского землепользования — между формальным правом на пастбища МОПов и реальным преобладанием частных. Легализация всех действующих лиц тундрового оленеводства с предоставлением им адекватных прав и возможностей окажется не простым мероприятием, но откроет путь

к сбалансированному распределению ресурсов и ответственности, ограничивающих бесконтрольное наращивание поголовья и выбивание пастбищ. При этом условия реально возможно распространение на всю тундру этической установки оленеводов *я пуна хаёда* (земля после нас остается) вместо распространившегося в последние годы определения *яда тахабэй* (земля перевернута). Ни ненцы, ни их олени не повинны ни в гололеде, ни в сибирской язве. Пожалуй, лишь глобальное потепление может претендовать на роль фактора или провокатора этих бедствий.

Самое примечательно в реакции кочевников на вызовы — быстрое и решительное действие, часто с расчетом на опережение. В этом можно видеть жизненную позицию кочевника: не полагаться на стороннюю помощь и не останавливаться, а двигаться и на ходу искать новые возможности. Сергей Соокович Сэротэтто, вышедший с честью из «ледового испытания», рассказ о решающем эпизоде начинается со слов: «Я звоню: “Не могу ждать, иду”. Решили: гоним. Без чума пошли». В этой обрывистости звучит толчок от решения к действию. Движение — кочевье — сколь бы ни было изнуряющим, держит оленевода в тонусе и решительном настроении.

В номадизме, как в экзистенциализме, «каждый кочует в одиночку», но опирается на силу родства и партнерства. Оленеводы уверяют, что олени лучше выжили в дружных семьях: «Если что-то в семье не так, можно и детей и оленей потерять». Отношение к оленям многопланово встроено в ненецкую систему родства (включая наименование родов по оленьим характеристикам, обычаи наследования и собственности на оленей, учет родства по меткам на оленьих ушах), но наиболее отчетливо это общее для людей и оленей «родство» проявляется в критических эпизодах.

В рассказах о пережитых испытаниях ненцы одобрительно отзывались о технических новшествах, особенно снегоходах и мобильных телефонах. В «стихийном году» снегоход был эффективен в поиске пастбищ среди ледяного наста и в многоснежье лесотундры, в перевалке через Обскую губу, в сборе оленей к отдельным пастбищам. Привычное уже большое значение имела телефонная коммуникация в расспросах и оповещении родни и соседей о снеге и льде, о потерянных и найденных оленях, о порядке перекочевков, а летом 2016 г. — о вспыхнувшей болезни. Это подтверждает адаптивность кочевников к новшествам, особенно коммуникативного и транспортного

свойства, как, впрочем, и к технологическим обновлениям «оленьего прома» — переработки и реализации продукции оленеводства.

Несмотря на бедствия и испытания, ямальские ненцы сохраняют позиции самых успешных кочевников-оленеводов мира, что само по себе служит знаком качества их системы оленеводства. Вмешиваться в нее следует скромно и тактично, с одобрения и под руководством самих лидеров оленеводства. Ни государство, ни наука при всем их старании кочевать с оленями не умеют. Со своей стороны региональная власть, многие годы старательно поддерживавшая оленеводство в округе, вряд ли заинтересована в механическом движении на попятную. Вероятно, численность и состав стад, как и режим кочевий, следует регулировать и оптимизировать, а ненецкую экономику можно эффективно диверсифицировать (ненцы и сами уже вовсю этим заняты), но право на решение и маневр в ямальской тундре следует оставить за самими оленеводами.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. А. Описание Березовского края//Зап. РГО. Кн. 12. СПб., 1857. С. 327–448.
- Волжанина Е. А. Традиционные механизмы поддержки кочевого образа жизни на Ямале в первой трети XX в.//Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 131–140.
- Востряков П. Н., Броднев М. М. 1964. Оленеводство на Ямале. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во. 98 с.
- Гарин Н. П. Этнодизайн: «Необходимое и достаточное» как формула идеальной вещи//Многонациональная Россия: Этнология и киноантропология. Екатеринбург: УрГУ, ИИА УрО РАН, 2009. С. 57–60.
- Головнёв А. В. К истории ненецкого оленеводства//Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 94–108.
- Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1993. 204 с.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Головнёв А. В. Ненцы: оленеводы и охотники//Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: СО РАН, 1997. С. 80–90.
- Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН. 2004. 344 с.
- Головнёв А. В. Усть-Полуй: реконструкция от антропологии движения//Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище "Усть-Полуй"». Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 6–12.
- Головнёв А. В. Риски и маневры кочевников Ямала//Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 154–171.
- Головнёв А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 232 с.
- Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Типография «Альфа-принт», 2015. 132 с.
- Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС, 1992. 281 с.
- Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 142 с.
- Историко-этнографический атлас Сибири/под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 498 с.
- Клоков К. Б., Хрущёв С. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России. СПб.: ВВМ, 2004. 182 с.
- Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.
- Мухачёв А. Д., Харючи Г. П., Южаков А. А. Кочующие через века: оленеводческая культура и этноэкология тундровых ненцев. Салехард: «Кипяток». 135 с.
- Ненецкие сказки/Сост. А. М. Щербакова. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1984. 160 с.
- Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. Атлас-монография. Ред. Котляков В. М., Величко А. А., Васильев С. А. М.: ГЕОС, 2014. 519 с.
- Перевалова Е. В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства//Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 39–49.
- Реусова Т. В. Шкуры северного оленя — потенциальное сырье для мехового производства. М.: ФГУП 2003. 52 с.
- Суслов И. М. Расчет минимального количества оленей потребного для туземного середняцкого хозяйства//Советский Север. 1930. № 3. С. 29–35.
- Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. 336 с.
- Федорова Н. В. Семь лет Ямальской археологической экспедиции: итоги прошлого и задачи на будущее // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2000. № 3. С. 4–12.
- Хомич Л. В. Ненцы. М.; Л.: Наука, 1966. 329 с.
- Хомич Л. В. Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев//Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 63–79.
- Ядне Н. Зачем ненцу много оленей? URL: <http://www.yamalpro.ru/2016/12/05/zachem-nentsu-mnogo-oleneu> (дата обращения 05.12.2016).
- AHDR (Arctic Human Development Report) 2004. N. Einarsson and O.R. Young, eds. Akureyri: Stefansson Arctic Institute. 242 p.
- Krupnik I. Arctic adaptations: Native whalers and reindeer herders of Northdern Eurasia. Univ. Press of Nw England. Hanover; London. 355 p.
- Sokolov A. A., Sokolova N. A., Ims R. A., Brucker L., Ehrich D. Emergent Rainy Winter Warm Spells May Promote Boreal Predator Expansion into the Arctic//Arctic. 2016. Vol. 69, No. 2 (June). P. 121–129.

Научно-художественное издание

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

*Андрей Владимирович Головнёв
Николай Петрович Гарин
Денис Алексеевич Куканов*

ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА
(материалы к Атласу кочевых технологий)

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (№ 14–18–01882)

Художественное оформление: Д. А. Куканов, А. С. Рогова,
Ю. С. Конькова, И. А. Новосёлова, Н. В. Ключов, М. А. Бангерт
Подготовка к печати, верстка: Ю. С. Конькова

Подписано в печать 21.12.2016. Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Бумага мелованная, матовая 130 гр./м. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 400 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Адекс-Принт»
620000, г. Екатеринбург, пер. Парковый, 14

ISBN 978-5-7691-2472-3

9 785769 124723